

29

22

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134 - 241X
Следопыт
7•96

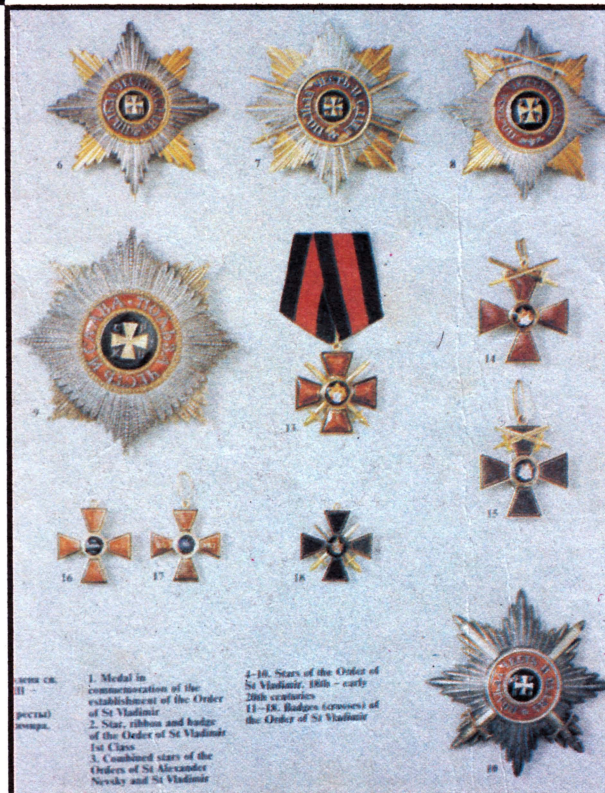
**НОВОЕ ДЕЛО НЕВИДИМКИ - ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОВЕСТИ ИЛЬИНА
НФ ПОВЕСТЬ ЮРИЯ ШИНКАРЕНКО «ПРИМУС - СЛОЖНЫЙ СЛУЧАЙ»
УРАЛЬСКИЙ КОРОЛЬ ШВЕДСКИХ СПИЧЕК
АЛЕКСАНДРА - БОЯРСКАЯ ДОЧЬ
ИСТОРИЯ ОРДЕНА СВЯТОГО ВЛАДИМИРА
НАША РОДОСЛОВНАЯ
МИР НА ЛАДОНИ**

Екатерина II Великая (1729 - императрица
 Всероссийская 1762 - 1796)
 Учредила ордена Св. Георгия (1769),
 Св. Владимира (1782) четырех степеней.
 Д. Левицкий. 1782. Русский музей.
 Петербург.

Звезды и кресты ордена Св. Владимира.

Материал Игоря НЕПЕИНА
 «Полезьа, честь и слава» читайте на стр.2

Редакция:
Герман ИВАНОВ
(главный редактор),
Юний ГОРБУНОВ,
Сергей КАЗАНЦЕВ,
Анна КОСТРИКОВА
(художественный редактор),
Юрий ШИНКАРЕНКО
(заместитель главного редактора),
Леонид ШУНЯЕВ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
Виктор АСТАФЬЕВ,
Владислав КРАПИВИН,
Станислав МЕШАВКИН,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Геннадий ПРАШКЕВИЧ,
Борис СТРУГАЦКИЙ

Компьютерная верстка:
Анна КОСТРИКОВА

Адрес редакции:
620142, ЕКАТЕРИНБУРГ,
ул. ДЕКАБРИСТОВ, 67
Телефон редакции: 224-501

Рукописи принимаются
перепечатанными
на машинке через 2 интервала,
60 знаков
в строке, 28-30 строк на странице.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

По вопросам подписки и доставки
обращаться в районные отделения
"Россвязьинформа".

Бракованные экземпляры отправлять
в ИПП "Уральский рабочий".

Рег. № 441 от 13.12.90
Подписано к печати 30.10.96
Формат бумаги 84x108/16.
Бумага газетная
Печать офсетная.
Усл.печ.л. 10,9.
Уч.-изд.л. 16,2.
Усл.кр.-отт. 11,76.
Тираж 7 000

Заказ № 758

Все претензии по ошибкам в тексте предъявлять
редакции журнала "Уральский следопыт"
Отпечатано с готовых оригинал-макетов
на ИПП "Уральский рабочий"
620219, Екатеринбург, ул. Турганева, 13

Слайды на 1, 4 стр. обложки
Николая ПЕРЕВЫШИНА

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

7.....96

В НОМЕРЕ:

● «Польза, честь и слава» Игорь НЕПЕИН	2
● Уральский король шведских спичек Евгений БИРЮКОВ	5
● Басма Василий ЛОГИНОВ	7
● Краеведческая копилка	10
● Записки невидимки (проходное дело) Андрей ИЛЬИН	13
● Ведовство	23

Журнал в журнале «Аэлита»

● Примус — Сложный Случай Юрий ШИНКАРЕНКО	25
● Заочный КЛФ	57
● Записки Невидимки (продолжение) Андрей ИЛЬИН	59
● Александра — боярская дочь Юний ГОРБУНОВ	71
● Поэзия	75
● «Скрыл недостатки...» Владислав ДЕБЕРДЕЕВ	76
● Швейцар — воин и телохранитель Владимир ПУРОНЕН	79
● Мир на ладони	80

УЧРЕДИТЕЛИ –
СОЮЗ
ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ,
ТРУДОВОЙ
КОЛЛЕКТИВ
ЖУРНАЛА

ЖУРНАЛ ОСНОВАН
В 1935 ГОДУ.

ВОЗОБНОВЛЕН
В 1958 ГОДУ.

Игорь НЕПЕИН

«ПОЛЬЗА, ЧЕСТЬ И СЛАВА»

(Орден Св. Владимира)

Орденом Св.Георгия награждали военных — от поручика до фельдмаршала, от мичмана до адмирала. А вот награды для чиновников, которые находились на гражданской, или, как тогда говорили, статской службе, еще не было. Отмечая двадцатилетие своего царствования, Екатерина в 1782 году устранила эту явную несправедливость.

22 сентября императрица учредила орден Святого равноапостольного князя Владимира четырех степеней для награждения статских и военных. Орден сразу же стал одним из самых престижных в системе наград России. Выше «Владимира» I ст. был только «Андрей Первозванный».

Орден Св. Владимира состоял из ленты, звезды и креста. Лента — красная, по краям широкие черные полосы — носилась через правое плечо.

Звезда восьмиугольная. Четыре ее серебряных конца чередуются с четырьмя золотыми. В центре звезды — золотой крестик, а между его концами буквы СРКВ (Святой Равноапостольный князь Владимир). По кругу — девиз ордена: «Полезьа, честь и слава».

Золотой крест ордена покрыт красной (редко черной) эмалью с черной каймой. Величина креста зависит от степени: чем выше степень, тем больше крест. Кресты 1,2,3 сте-

И.И. Дмитриев (1760-1837)

поэт, баснописец, государственный деятель.

Портрет работы В. Тропинина. 1835

Дмитриев изображен с лентой ордена Св. Владимира I ст., звездами Св. Александра Невского, Владимира I ст., на шее крест ордена Св. Анны I ст.

пеней носились на шее на ленте, ширина которой тоже зависела от степени. Крест 4-й степени носился на груди (в петлице).

С 1855 года награжденным за военные подвиги стали вручать звезду или крест с двумя перекрещивающимися мечами. С 1857-го орден Св.Владимира 4-й ст. выдавался военным с «бантом и мечами», как отмечалось в послужном списке.

Сразу же после учреждения ордена художнику-портретисту Д.Г. Левицкому заказали серию портретов «владимирских кавалеров» первой степени.

А первыми были: князь, вице-канцлер А.А. Безбородко; один из основателей Московского университета и Академии художеств И.И. Щувалов; граф, сенатор, президент коммерц-коллегии А.Р. Воронцов; генерал-поручик участник Чесменской битвы И.А. Ганнибал; граф, генерал-аншеф Я.А. Брюс; обер-полицеймейстер, генерал-губернатор Москвы Н.П. Архаров.

Среди кавалеров «первостепенного Владимира» были два поэта. Творчество одного из них хорошо известно русской читающей публике. Это Иван Иванович Дмитриев. Первое стихотворение поэта увидело свет в 1774 году в «Ученых ведомостях» Новикова. Особенно нравились публике песня Дмитриева «Голубок» и сказка «Модная жена». В 1791-м он перевел несколько басен Флориана и Лафонтена, а позднее и весь сосредоточился на мелкой сентиментальной лирике и на переводе басен. После выхода в свет стихов своего друга и земляка Н.М. Карамзина «Мои безделки» выпустил сборник «И мои безделки».

На государственной службе чиновник И.И. Дмитриев достиг «степеней известных». При Александре I занимал довольно влиятельный пост министра юстиции.

Имя другого поэта широкий наш читатель узнал лишь в 1991 году, когда издательство «Советская Россия» выпустило небольшой сборник его стихов и переводов. «К.Р.» — «эти милые две буквы», по выражению поэта А.Майкова, мало что нам говорили. А между тем еще в 1957 году в Нью-Йорке вышла небольшая монография Ник. Сергиевского «Эти милые две буквы», посвященная жизни и творчеству таинственно-го К.Р.

Константин Константинович Романов (1858-1915) — великий князь, второй сын вел. кн. Константина Николаевича, генерал-адмирала и одного из сподвижников Александра II по «великим реформам», внук императора Николая I.

«С детства он встречал в петербургском салоне своей матери Александры Иосифовны лучших представителей русской литературы и поэзии, ставших впоследствии его друзьями.

От отца же Константин Константинович перенял и некоторый демократизм, добродетельную простоту отношения к людям самых разнообразных классов».

Вся жизнь поэта с молодых лет до смерти прошла среди уникальных художественных сокровищ двух дворцов — Мраморного в Петербурге и Павловского под Петербургом.

Военную службу вел.кн. начал во флоте. Отличился под Селистрией. Командовал лейб-гвардии Преображенским полком, который принял от вел.кн. Сергея Александровича. С 1889 года Президент Академии наук. В 1899-м возглавлял Пушкинский юбилейный комитет.

В 1886 году появился первый сборник «Стихотворения К.Р.». В продажу он не поступил, а был предназначен исключительно для литературных друзей молодого поэта. Среди них А.Фет и А.Майков. С последним у вел.кн. завязались теплые, искренние отношения. Впрочем, он был в длительной переписке со многими деятелями русской культуры: А.Фетом, П.Чайковским и другими. Все свои письма и полученные на них ответы К.Р. переплетал в красный сафьян, таких томов составилось шесть. Бережно хранил их великий князь, а зимой 1915 года, незадолго до смерти, завещал их Академии наук, куда они и были переданы.

Письма представляют богатый и еще никем не разработанный пласт истории русской культуры.

В Государственном архиве Российской Федерации фонд (660) великого князя Константина Константиновича насчитывает 1364 ед.хранения. В их числе дневник, который поэт вел с отроческих лет до последних дней жизни.

В числе награжденных орденом Св. Владимира I степени во второй пол. XIX века — Константин Петрович Победоносцев (1827-1907). Год назад в серии «Мыслители России» вышла книга К.П. Победоносцева «Великая ложь нашего времени», в которой собраны статьи и письма этого крупного государственного деятеля эпохи Александра III. Обер-прокурор св. Синода был

радетелем церковно-приходских школ. В начале его деятельности (1880) таких школ было в России

Г.Р. Державин (1743-1816)
 Портрет работы В. Боровиковского. 1795.
 Третьяковская галерея.
 Поэт изображен с крестом и звездой
 ордена Св. Владимира II ст.

273, и в них обучалось 13 035 учащихся. А к концу деятельности (1905) школ насчитывалось 43 696, а училось в них 1 782 880 детей.

Другим кавалером ордена стал Владимир Андреевич Глинка (1790-1862), генерал от артиллерии. Он участвовал в военных действиях русской армии в 1806-1815 годах. Массон, член полтавской ложи Н.И.Новикова и Союза благоденствия. Во время русско-турецкой войны командовал резервной артиллерией 2 армии. А с 1837 по 1856 год был главным начальником заводов хребта Уральского. Известен портрет выдающегося русского поэта и министра Г.Р. Державина работы В.Л. Боровиковского. Поэт изображен с владимирским крестом на шее и владимирской звездой на груди.

Шедевром мемуарной литературы XVII века и живым слепком с двора Екатерины II по праву считаются «Памятные записки А.В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй».

Александр Васильевич Храповицкий, действительный тайный советник, сенатор, писатель. Его отец получил дворянское достоинство и был в числе лейб-кампанцев, что возвели на престол императрицу Елизавету. Ребенком Храповицкий-младший бывал у М.В. Ломоносова и на всю жизнь сохранил память об этих встречах. Будучи статс-секретарем Екатерины II, он являлся также советником и сотрудником в ее литературных и исторических трудах. При учреждении ордена Св. Владимира Храповицкому была пожалована вторая степень.

Кавалеры Св. Владимира III степени получали крест на шею. Среди таковых много известных уральских деятелей. В этой связи следует вспомнить Дмитрия Дмитриевича Смышляева, видного на Урале краеведа и земского работника, первого председателя Пермской губернской земской управы, издателя и библиографа; Алексея Семеновича Губкина, уроженца г. Кунгу-

ра Пермской губернии, награжденного за благотворительную деятельность и развитие отечественной промышленности; Ивана Ивановича Любимова, потомственного почетного гражданина г. Перми, который пожертвовал собственный дом под реальное училище, названное «Алексеевским» — в память посещения Перми вел.кн. Алексеем Александровичем; Александра Матвеевича Луканина, протоиерея и благочинного кафедрального собора в Перми, редактора «Пермских епархиальных ведомостей». Те, кто был удостоен «Св. Владимира» 4 ст., получали крест, который носили на груди в петлице. Среди них Александр Николаевич Радищев, автор книги «Путешествие из Петербурга в Москву»; Алексей Федорович Мерзляков, профессор элоквиции, риторики и поэзии Московского университета. Почему-то забывается его уральское происхождение. Родился он в небогатом купеческом семействе уральского городка Долматово, Шадринского уезда, Пермской губернии. Десяти лет уехал в далекую Пермь, где поступил в Главное народное училище. А тринадцати — написал оду на заключение мира России со Швецией. Ода была доставлена графу Завадовскому, потом поднесена Екатерине II. По окончании учебы в Перми Мерзляков по Высочайшему повелению отправлен продолжать учение в университет. Орденом Св. Владимира IV ст. награжден также Онисим Егорович Клер, один из создателей всемирно известного Уральского общества любителей естествознания, редактор «Записок УОЛЕ».

«Св.Владимиром» заканчиваются ордена русского происхождения в системе наград Российской империи. В честь пяти орденов: Святых Андрея Первозванного, Александра Невского, Екатерины, Владимира и Георгия были названы

пять залов Большого кремлевского дворца. До наших дней уцелели только три последних.

Н.С. Карнович (1750 или 1754-1811)

статский советник, в 1809-1811 гг. предводитель дворянства Ярославского уезда.

Портрет работы М. Коренева. Ярославский историко-архитектурный музей.

Карнович изображен с орденом Св. Владимира IV ст.

Евгений БИРЮКОВ

УРАЛЬСКИЙ КОРОЛЬ ШВЕДСКИХ СПИЧЕК

У одного моего знакомого больше 30.000 спичечных этикеток — такая вот коллекция. Есть и заморские. Но с особым почтением он показывает выцветший коробок, на лицевой стороне которого среди львов и медалей красуется надпись: спичечное акционерное общество «Василий Логинов». Говорит, что презентовали ему эту вещь из клада, найденного в старом доме.

Когда в районе Верх-Исетского завода сносили целые улицы старых домов, еще один любитель старины позвал меня полазить по уже брошенным сараям. Находок было много, в том числе полный ящик... шведских спичек. Пробовали их зажечь, получалось через раз и то по поговорке: пять минут вонь, потом огонь... Ну, впрочем, время ничего не милует. Сейчас и Логинова мало кто знает. А когда-то даже почтовый адрес был на зависть краток: «Екатеринбург, спички, Логинову». Существовала фирма с 1867 по 1919 год.

Слово «спички» — исконно русское, от спицы — лучины для горения. Но на изобретение их претендуют многие, аж древние китайцы. В Европе спорят Германия, Англия, Франция... В 1832 году немецкий инженер И.Ф.Каммерер сидел в тюрьме по политическим мотивам и там, пользуясь благосклонностью начальства, проводил химические опыты. Он и придумал «макушки» с фосфорными головками. Загорались они просто от трения об стенку, сапоги, одежду, даже друг о дружку, что было опасно. В 1833 году появилась первая фабрика спичек в Вене. В 1837-м — в Петербурге, потом и в других городах России. Однако царь Николай I ограничил их производство и продажу, так как «поджигатели весьма часто совершали свое преступление посредством спичек». Привилегия осталась только за столицей. Но технология «серянок» уже не представляла секрета, и началось их «подпольное» производство.

Тут выделялись вятские кустари. Один из вятских парней хватских Василий Логинов работал по малярному делу в Екатеринбурге и еще занимался извозным промыслом — как нынешние «челноки», только на лошадях, железной дороги еще не было. Существенную прибыль давали спички: по-

купал их у братьев Ворожцовых в Вятской губернии, перевозил, пряча в овсе, и тайно сбывал в Екатеринбурге. Потом, когда запрет отменили, Логинов сманил сюда из Вятки спичечного мастера Якова Логинова (двоюродного брата), арендовал в версте от города по Московскому тракту старую кузницу и открыл свою фабрику. В первый же год (1867) продукция составила около 4.000 ящиков.

Были и конкуренты: вятич М.Ворожцов, местный Е.Зырянов, А.Бетев из Кушвы, Белоносов из Сысерти... О фирме последнего читаем у П.П.Бажова: «Производство разбросано по домам: соломку строгают, коробки клеят, зажигательную смесь мажут. В отдельном сарае изготавливают головки, сушат, пакуют. Труд, кажется, легкий, работали женщины и дети, но раствор фосфора разрушал зубы, челюсти, кости... Работа хуже огненной, в 25-30 лет — инвалиды...»

Логинов же вскоре построил цеха, поставил станки и машины. Выпуск вырос до 30.000 ящиков в год. А с 1887 года перешел на шведские (безопасные) спички. Первые 300 ящиков привез на Сибирско-Уральскую научно-промышленную выставку и получил бронзовую медаль. Да и как не дать: из спичечных коробков была выложена целая «фабрика». К тому же на слуху был рассказ Антона Чехова «Шведская спичка»: «К моим услугам шведская спичка, употребление которой еще не знают здешние крестьяне. Употребляють этикие спички только помещики, и то не все...» А тут на тебе — на Урале и для всех. За год Логинов выпустил три миллиона коробков, «по пяти алтын за пару» (алтын — три копейки). Дело пошло.

И конкуренты пошли на мировую, предложили объединиться. Создали «Акционерное общество спичечных фабрик Ворожцова и Логинова». Фабрику перевели на паровую силу. Теперь в ней лесопильня, щепальные, соломо-ленторубильные аппараты, соломо-коробочно-сушильные, соломо-сортировочные, намазочные, краскотерочные, коробочно-клеяные механизмы. Освещение электрическое — от собственной динамомашины. При фабрике — приемный покой, доктор, фельдшер и комнаты

для чайной и библиотеки. Рабочих — около 500 человек, средний заработок 70 рублей в год. Производительность — до 100 тысяч ящиков (в каждом 1000 коробков) или 6,5 миллиардов шведских спичек в год. Когда денежные дела Ворожцова пошатнулись и он вышел из состава директоров общества, его заменил Степан Логинов, сын.

К началу XX века в России было 130 спичечных фабрик, но Золотую медаль и Почетный крест на международной выставке 1905 года в Брюсселе присудили «Василию Логинову». До этого награждались Нижний Новгород, Париж, Антверпен... В эмблеме (торговой марке) фирмы появился орел, несущий в когтях коробок спичек.

Была у медалей и обратная сторона: чтобы делать производство на европейском уровне, хозяин добавил один час работы (получалось с 5 утра и до 6 вечера) без повышения заработной платы. Рабочие неделю бастовали, но в конце концов пришлось смириться.

В 1906 году Логиновы открывают еще одну фабрику, в Тюмени, с самым современным оборудованием и, главный, поближе к сырью (нужен осино-вый лес). Купили вверху по реке несколько лесных участков и бревна сплавляли прямо к фабрике. А готовую продукцию — по железной дороге — в Сибирь. Постепенно сюда переходит все производство спичек.

В 1907 году от сердечной болезни умер Василий Иванович Логинов. Отпевали в Иоанно-Предтеченской церкви (это рядом с фабрикой). Ограду и главные ворота храму когда-то пожертвовал усопший.

И молодой Логинов ходил в меценатах: церковный староста, член попечительского совета торговой школы, один из руководителей Екатеринбургского общества велосипедистов и любителей физического развития. Был и фотолюбитель, выпустил даже каталог своих снимков — 444 вида, в том числе — «велосипедные сцены».

Степан Васильевич Логинов стал на фирме единоначальником (помощниками назначил старого служащего А.В.Копылова и двух его сыновей). В 1911 году он открывает фабрику бумажных гильз для папирос (предварительно скупив пять мелких фабрик), устанавливает на ней 13 специальных машин, выдающих каждая по 5.000 гильз в день. Организует и производство особо качественной фанеры — для модной «венской мебели».

Перекупает дома, сдавая их в аренду, партнерствует с московскими химиками, берлинскими машиностроителями. Поощряет местных рационализаторов, да и сам не чужд изобретательства: патентует сушильный аппарат «Россия». Организует Сибирский картель спичечных фабрикантов, избирается в Совет Всероссийского «Русского общества спичечной торговли»...

В июне 1918 года спичечное производство Логи-

нова было национализировано. Но через месяц пришли белые и вернули фабрики хозяевам. Логинов даже стал строить рабочий театр для фабричных: зал на 600 мест, библиотеку, но скорострительно скончался (в 54 года). Первый спектакль на новой сцене играли уже без него 17 мая 1919 года. Память С.В.Логинова почтили вставанием. Наследники (три сына и три дочери) не успели подключиться к делу: через пару месяцев город снова взяли красные.

При Советской власти предприятие переименовали в «Факел», но он быстро «потух». Снова появились вятские «челноки» и торговля вразнос. Какое-то время о былом напоминало название улицы — Спичечников, но в 30-е годы она получила имя Пирогова, хирурга (оказалась недалеко от нового медицинского института). Цеха и дома спичечных хозяев (ул. Репина, 20) все еще используются: какой-то завод и мебельная фирма.

Послесловие

На редакционном столе лежит книга, которую привезли в Екатеринбург из Австралии. Она называется «Ял-Мал», издана в Харбине в 1929 году. Автор Василий Логинов — внук уральского спичечного «короля». Есть в сборнике рассказ «Русский американец», который автор посвятил памяти отца. «Не деньги важны, — читаем в нем. — Важно, чтобы все кипело и горело, чтобы дело делалось, строились новые здания, новые фабрики, и новые люди занялись работой».

Об авторе этого сборника рассказов мало что известно. Поэт и прозаик Василий Степанович Логинов в 20-30-е годы был сотрудником ряда русскоязычных газет в Харбине. О нем упоминается в переписке поэта русской эмиграции Арсения Несмелова с издателем И.А.Якушевым, опубликованной в альманахе «Рубеж» (1995, № 2). «Что-то собирается послать Вам Логинов, сын богатого купца с Урала, — теперь голь перекатная. Я ему передал, что Вам понравилась его книга, он обрадовался и пришлет рассказ». «От Логинова получил длинную поэму, которая местами мне понравилась. На письмо его на днях отвечаю».

Книгу В.С. Логинова принес в редакцию племянник писателя, уроженец старого еще Екатеринбурга Алексей Дмитриевич Попов (екатеринбургский дом Поповых, к слову сказать, упоминается во многих работах о пребывании в Екатеринбурге семьи Романовых: в нем квартировала охранная команда Дома особого назначения).

Семью Поповых судьба изрядно потрепала. Они были выселены из города, а потом в числе беженцев уехали в Харбин. Там Алексей Дмитриевич окончил гимназию, курсы радиотелеграфистов, работал радиомехаником.

В 1947 году с волной репатриантов он вернулся на родину, привез жену и трех малолетних до-

чек. Но в 1949-м вновь попал под жернова репрессий. Работал в «шарашке» (закрытый исследовательский институт), потом в трудовые лагеря на Воркуте — всего 5 лет и 4 месяца.

По смерти Сталина освобожден и реабилитирован. Окончил Уральский политехнический институт (радиоинженер), был участником и лауреатом ВДНХ.

Алексей Дмитриевич, несмотря на преклонный возраст, продолжает работать — наладчиком аппаратуры в Уралпромавтоматике. Он — член екатеринбургского отделения ассоциации «Харбин» и редколлегии газеты «Русские в Китае».

С любезного разрешения А.Д.Попова мы публикуем в разделе «Заветная полка» рассказ Василия Логинова «Басма», взятый из сборника «Ял-Мал».

Василий ЛОГИНОВ

БАСМА

I

Я сбросил со своих плеч руки убитаго. Он лежал на спине, с пронзенным ножом сердцем, и слепо глядел в небо незрячими мертвыми глазами.

Черная борода ярко топорщилась, а румяные щеки медленно бледнели. Слава Богу. Вогул убит.

Маленькая бревенчатая избушка с настежь раскрытой дверью маячила передо мной. Я осторожно перешагнул порог, держа револьвер наготове. Никого. Вдруг из угла что-то глянуло на меня пристально тяжелым взглядом. Я в ужасе отпрянул. Огромный деревянный идол, с глазами, сделанными из какого-то блестящего камня, казалось молча осуждал мою дерзость.

Я подошел к нему и стал его осматривать.

Во лбу его зеленел колоссальной величины изумруд.

Зная, что вогулы тщательно оберегают свои божества, я не коснулся голой рукой изумруда, не надеясь, что он не отравлен, и что, после прикосновения, мне не придется упасть замертво на пол избушки.

Я вернулся к убитому, вытащил из трупа нож и возвратился к драгоценному камню. Медленно стал я резать твердое, почти окаменевшее дерево.

И в это время слух мой уловил легкий треск сучьев, затем явственный топот копыт по земле. Кто-то ехал...

Я бросился к выходу и, спрятавшись за дверью, стал наблюдать.

На поляну въехала женщина верхом на лошади, одетая по-мужски, с винтовкой за плечами. Увидя труп убитаго мною вогула, она мгновенно остановила лошадь, соскочила с седла и, подбежав к убитому, долго, с ужасом на него смотрела.

— Не пугайтесь и не двигайтесь! — громко крикнул я из избушки.

Она вздрогнула, замерла и пристально вперила огненный взор в отверстие двери. Я почувствовал, что рука, держащая револьвер, слабеет, голова клонится. Еще мгновение, и я засну.

«Колдунья...» — промелькнуло в мозгу.

— Если вы будете так смотреть, я выстрелю! — крикнул я.

Чары мгновенно исчезли.

Я вышел на поляну, подошел к женщине и осторожно снял с нея винтовку.

— Кто вы и кто этот убитый?

II

Ах, эти бледные, весенние, северные ночи.

Молчание неба и тихий шепот земли, где струями пробиваются из талого снега ручейки...

И белая мгла, реющая в воздухе... И чей-то тяжкий вздох, поднявшийся над лесом и болотами, как туман. Это вздыхает бог, томимый весенними желаньями. И под утро — мгновенный рокот любовного пения глухаря, мурлыканье тетеревов, струнные звуки журавлиных голосов...

Иногда сознание улетает от меня, как дым от костра. И тогда я чувствую себя и лесом, и небом, и болотной кочкой, и лиственничным пнем, стоящим возле. Внутри, в душе, что-то сладко поет, и эту музыку потом слышишь целый год. Понемногу чувствуешь, что уже совсем растворился в окружающем и что в тебе уже нет ничего своего, нет собственного «я».

Белая мгла белой ночи, журчанье робких ручейков, первые громы глухариних песен — вот «я». Другого никогда не было и не будет.

И старый, белый, березовый ствол, смутно белеющий в белесоватой дымке, кажется таким родным, неотъемлемым, своим, точно близкий человек.

Я начинаю разговаривать с пнями, кочками, лужами талого снега, мурлыкающими тетеревами. И все они отлично меня понимают, так же, как и я их.

Их голоса, неслышные для других, музыкальные, как эоловы арфы, их души реют туманными силуэтами вокруг, и невозможно уловить их очертания.

А какие забвенно-мечтательные, могуче-проникновенные вещи они мне рассказывают!

Я не могу и не должен их пересказывать простым человеческим языком.

Белые ночи родного севера! Я хочу умереть только весной и только в белую весеннюю ночь, под музыку птичьих любовных песен.

III

Ее звали Басма.

Она была вогулка, колдунья и царица...

В дебрях северных лесов так много встречается странного, таинственного, совершенно необъяснимого...

Только закоренелые лесовики, каким был я тогда, проводящие всю жизнь в лесу, видят иногда чудеса, перед которыми в изумлении ахнул бы весь городской культурный мир.

Прошла неделя после моей борьбы с человеком на поляне.

Мы с Басмой жили в той самой хижине, где стоял идол с изумрудом в лбу.

Она стала моей женой.

Это вышло так просто и естественно, как делается вообще все в лесу.

Слабый уступает сильному, женщина мужчине, добродушный кровожадному.

Таков закон жизни, и вся жизнь в этом — вечная борьба, вечное стремление преобладать.

А белые весенние ночи помогли мне завоевать Басму. Ее щеки смутно алели и пылали в белесоватой мгле от первых же поцелуев.

И в расширенных глазах отражались заколдованные озера талой воды и силуэты дремучих елей. Глухари спели нам чудесную брачную песню.

— Не целуй меня, нельзя меня целовать, — говорила она, сверкая пылающим лицом. А тонкие белые руки снова и снова обвивались вокруг моей шеи.

IV

В одну из белых ночей мы были на поляне.

Басма сидела на лиственничном пне, опустив руки, тонкая, стройная, печальная, в длинной белой рубахе, расшитой причудливыми узорами.

Я лежал у ее ног, подостлав под себя свою охотничью кожаную куртку.

Я глядел в ее грустные глаза — лицо ее было бледно, черные волосы еще сильнее оттеняли белизну. Иногда крупные слезы медленно катились по щекам.

Мы молчали.

Бог лесов и озер, по обыкновению, неслышно разговаривал с нами, мы прислушивались к его вздохам и внимали его могучим словам.

— Бедный мой... — сказала Басма. — Тебя убьют: ты оскорбил божество, ты убил одного из жрецов. Я знаю: тебя убьют. Вчера я видела сон, как идет мой отец Пакса в белой одежде, с жертвенным ножом в руке. Он будет суровым мстителем за поруганное божество.

Я вскочил и засмеялся.

— Ты видела мой нож? Вот он. Чем он хуже вашего жертвенного ножа? Он длиннее и острее, а владеть им я умею лучше, чем старый Пакса.

Я с силой бросил нож, он пролетел поляну и глубоко вонзился в толстый ствол сосны. Басма грустно улыбнулась.

— Ты молод и горяч. Они стары и опытны. Они овладеют тобой, если захотят.

— Посмотрим... — сказал я.

Бледное небо задумчиво смотрело на нас, как застывшие, стояли черные сосны, легкий туман грезами косматился по поляне.

Я чувствовал себя сильным, как зверь, и ничего не боялся.

Радостное сознание своей молодости наполнило все мое существо, мне хотелось прыгать, ломать деревья и кричать.

И вдруг Басма запела.

Кристально чистый голос, выводя печальную и таинственную мелодию, отчеканивал размеренные слова.

Токи белая березки,
Словно пальцы рук моих,
На полянке камни плоски,
Вечер розов, свеж и чист.
Мы придем сюда с любовью,
Легки мыслями, как дым,
Кровью, жертвенною кровью
Жажду бога уголим.

Я поддался очарованию этой песенки и долго сидел в оцепенении, весь охваченный благоговейным чувством. Мы ушли в хижину, когда уже начал розоветь восток и раздались первые звуки птичьего оркестра, готовившегося сыграть симфонию любви.

V

А наутро я видел, как Басма кормила мерзлыми ягодками брусники целый табунок тетерок. Они слетались к ней отовсюду на ее призывный пронзительный свист и с нежным квохтаньем брали ягоды прямо из ее рук.

Она стояла в прошлогодней ржавой траве, среди высохшего болота, в длинной белой рубахе и казалась волшебной царицей леса — милая колдунья.

Потом разогнала тетерок и снова свистнула — дольше и пронзительнее.

И, ломая кусты, грузно пришагал к ней медведь, с ворчаньем стал тереться о ее колени своей огромной бурой башкой.

Ах, сколько чудес скрывается в дебрях северных лесов.

Старый черный идол, у которого я хотел отнять огромный изумруд, оказался не таким простым куском дерева, каким казался мне вначале.

Когда Басма разговаривала с ним, его каменные

глаза начинали тускло мерцать и их зеленоватый огонь заставлял сердце сжиматься от страха.

Ах, сколько таинственного и непонятного есть в лесу.

Но любовь наша ширилась, как лесной пожар, и мы отдавались ей беззаветно и стихийно.

Мы не знали, что будет дальше, и не хотели знать: мы вместе полюбили лесные тайны, лесную жизнь и целыми часами слушали музыку сосен, без слов, глядя в глаза друг другу.

VI

И вот в очарование наших дней вторгся неуловимый дух тревоги.

Началось с вещей снов Басмы. Не верить им было нельзя, видя ее безусловную, мистическую веру и зная, что она лесная колдунья.

Она часто просыпалась и плакала, и рассказы-вала о том, что видела толпу людей, ведущую меня, связанного, к жертвенному камню, к тяжелым стопам каменного идола.

Потом, однажды днем, она услышала резкий крик коростеля. Она побледнела, как смерть.

— Идут сюда. Это Пакса дает мне знак.

— Пустяки, — сказал я. — Я сумею их встретить — не беспокойся.

Но Басма долго была печальна, до самого вечера и до самой ночи не разговаривала со мной.

А ночью свершилось то, что она давно ждала.

Я проснулся, как будто от электрического тока, мгновенно пронзившего мое тело. Я был весь кругом обвязан мелкой сетью тонких и крепких ремней и лежал на нашей поляне, как раз на середине.

Вокруг глухо гудел говор толпы людей.

Потом меня подняли и привязали к сосне. Я увидел чернобровых, румяных людей в длинных белых рубахах и знакомого мне идола, который был поставлен против меня. Один из толпы — седобородый, с семью кудрями, перевязанными тонким ремешком оленьей кожи, медленно стал приближаться ко мне. Я догадался, что это был Пакса.

А Басма?.. Она стояла сбоку, поникнув головой, опустив бессильно руки.

Старик приблизился ко мне, остановился и начал говорить, медленно и торжественно.

— Человек! Ты оскорбил Хаза-бога этой вотчины. Ты убил его жреца и пытался украсть его талисман. Бог жаждет мщения и жаждет твоей крови. Ты будешь убит, и бог будет напоен твоей кровью.

Он медленно поднял правую руку, и в ней зачернел странной формы, длинный и острый нож.

VII

В это время к нему бросилась Басма.

— Отец! Я тебе приказываю бросить нож. Ты не убьешь его.

Я увидел, как две молнии скользнули из ее глаз и впились в глаза старика.

Пакса вздрогнул и зашатался.

— Презренная дочь! Или ты думаешь, что ты сильнее меня, знающего тайны богов? Умри же...

И из глаз старика полетели ответные молнии.

Я наблюдал эту битву глаз, и сердце мое билось в груди, как подстреленная птица. Это был необычайный поединок.

Вся толпа людей, небо, лес и болото казались ничтожными, робкими свидетелями, пронзенными враз двумя волями, двумя хотениями. И эти две воли, как бойцы, крепко охватили друг друга, напряженно выжидая, когда ослабнет противник.

Лица старика и девушки стали белы, как бумага, и вся жизнь их сосредоточилась в их глазах. Смотреть на них было страшно.

Наконец, Басма пошатнулась, тихо вскрикнула, на губах ее показалась пена, и она упала на землю.

Старик победил.

Он бросился ко мне, и — в тот же момент, как пораженный, упал на землю, и сейчас же за этим зазвучал выстрел.

Толпа вогул бесшумно рассеялась по лесу.

На поляне, на взмыленных конях, стояли два моих друга. В руках одного из них дымилась винтовка. Это были люди, которых я ждал: они должны были привезти обычный годовой запас пороху и дрови.

Через несколько минут я был освобожден от ремней, опутывавших мое тело, и, как сумасшедший, бросился к Басме.

Она была мертва.

VIII

Северные, белые ночи.

Все так же клубится ваша белесая мгла, все по-прежнему раздаются тяжкие вздохи над лесом и болотами — это бог томится весенними желаниями.

И каждый раз, когда я вновь переживаю вас, я вижу девушку — она сидит на полянке, на лиственничном пне, тонкая, стройная, в белой рубахе, расшитой причудливыми узорами.

Бледность ее лица оттеняют черные волосы, и по щекам катятся крупные слезы.

И громы птичьих любовных песен на заре еще ярче вызывают ее образ.

Анатолий СТАФЕЕВ ИЗ ГРУППЫ «РАМЗАЯ»

7 ноября 1944 года в японской тюрьме был повешен легендарный разведчик Рихард Зорге. Прошло более 50 лет со дня казни «Рамзая», резидента самой эффективной во второй мировой войне разведгруппы. Она действовала в Восточной Азии почти 12 лет: сначала в Китае против японских агрессоров, а затем в самой Стране Восходящего Солнца, став наблюдательной вышкой и против Германии.

...Официально Зорге был журналистом четырех немецких изданий. Глубокие знания экономики, политики и культуры Японии — на этом держался его авторитет в Германии, в газетном мире, в немецкой колонии в Токио и среди многих дипломатов.

Военный атташе Германии Отт привлек Зорге к составлению своих донесений в Берлин, что дало ему возможность через пару лет стать послом в Японии. А «Рамзай» получил неограниченный доступ к совершенно секретным документам своего «друга» в посольстве.

Эрудированный и смелый Зорге сделал своими «друзьями» морского атташе Венеккера и особоуполномоченного по связи с японской разведкой, посланца самого Гимmlера Мейзингера, не таивших от него своих тайн.

Заметную роль в разведгруппе играл японский журналист Худзуми Одзаки. Став со временем ведущим консультантом у премьер-министра принца Коноэ, он из первых рук узнавал новости о планах японского правительства и их реализации.

Подчас оказывался полезным японский художник Иотеку Мияги. Высшие чины армии заказывали ему свои портреты, и ему удавалось получить некоторые сведения о намерениях командования.

Немало данных сообщил «Рамзаю» такой же противник милитаризма — японский журналист Тэйкити Каваи. Так, в мае 1939 года он информировал Рихарда о переброске шестой японской армии к границе с МНР, что затем повлекло сражения в районе реки Халхин-Гол.

В сентябре эту армию разгромила советско-монгольская группировка войск, возглавляемая Г.К.Жуковым.

Ядро организации Зорге входили высококвалифицированный радист Макс Клаузен. А его жена Анни была курьером.

На мой взгляд, наиболее достоверно деятельность «Рамзая» и членов его организации освещена в документальной книге Александра Андреевича Сарапкина «Макс Клаузен радирует из Токио». Ее автор, бывший узник Заксенхаузена (концлагеря под Берлином), позднее работал сменным мастером в глиноземном цехе Уральского алюминиевого завода.

Александр Андреевич (немцы звали его Андрэ) более десяти раз побывал в Берлине, где жили Макс и Анни Клаузены, и кропотливо собирал все сведения о группе «Рамзая», в том числе и вовсе неизвестные, уточняющие некоторые факты о подвиге разведчиков.

Так, в книге Марии и Михаила Колесниковых «Рихард Зорге» неточно изложена картина провала организации. Авторы пишут, что художник Мияги пытался покончить с собой, когда

в его квартиру ворвались полицейские, — совершив харакири в знак глубокого презрения к врагу.

Сарапкин уточняет: Мияги пригласили в полицию без всяких подозрений и улики — только чтобы заполнить пробел в делах японцев, живших в пансионате на западе США.

Молодой следователь задавал стандартные вопросы. А Мияги сник. Ему показалось, что он разоблачен. Подбежал к открытому окну и бросился вниз с четвертого этажа. Но не разбился: упал на густую крону ветвистого клена, получив перелом ноги и ушибы. Тогда-то допрашивать художника взялся опытный следователь.

...6 октября арестовали Худзуми Одзаки, секретаря премьер-министра принца Коноэ. Одзаки понял: художник не выдержал... 18 октября 1941 года было самым черным днем в истории разведгруппы — арестовали Зорге и многих его соратников.

В книге нашего земляка есть и другие факты, повествующие о драматизме ситуаций.

В марте 1938 года мотоцикл Рихарда столкнулся на крутом повороте со встречной машиной. Со сломанной челюстью и ушибом головы Зорге доставили в больницу. Придя в сознание, он попросил медсестру позвонить Клаузену. По знаку Зорге Макс вытащил из карманов его пиджака записную книжку, бумаги и ключи. Угроза провала организации миновала. Появившиеся позже в палате полицейские ничего подозрительного не нашли.

В октябре 1939 года Анни Клаузен везла на пароходе из Токио тысячи страниц машинописного текста, переснятого на пленки. Длина каждой пленки более метра. Все они спрятаны под одеждой.

Вблизи Шанхая — конечной

остановки — была устроена проверка одежды и вещей пассажиров. Среди полицейских — трое женщин. Подобного за четырнадцать ее поездок еще не случилось. Опасность налицо. В случае чего, Анни решила: она бросится за борт. Нельзя допустить, чтобы почта «Рамзая» попала в руки врага.

Помог просчет по времени: парход уже подходил к причалу, а еще не проверены пять пассажиров. Анни пятая. Полицейские не обыскивают, а только задают вопросы. Анни отвечает на чистом

японском языке с легким токийским цежением слов и улыбкой.

Офицер улыбается и с поклоном вручает ей паспорт.

Во время следствия и суда Зорге полностью взял на себя ответственность за действия разведгруппы и делал все возможное, чтобы спасти от казни соратников. Так, Макса он обвинил в саботаже его указаний. Между тем, в середине 1939 года до дня ареста Клаузен передал в эфир 106 тысяч цифровых групп. То есть, свыше двух тысяч радиogramм в год. Более интенсивный

радиообмен в условиях жесткой конспирации трудно себе представить.

Как выяснили после оккупации Японии американские разведчики, были осуждены 16 членов организации. Многие из разведгруппы остались не раскрытыми японской контрразведкой благодаря умелой конспирации и тактике «Рамзая», державшего все нити организации в своих руках.

г. Каменск-Уральский

Напомню старинную легенду о древнерусском Китеже. «Было это в те лихие годы, когда на Русь вторглись орды хана Батые. Оставляя за собой опустошенную, выжженную землю, они дошли до Владимиро-Суздальского княжества. Здесь их встретили русские воины. Силы, однако, были неравны. В сече близ Малого Китежа (нынешний Городец на Волге — прим. автора) polegло большинство ратников князя Юрия Всеволодовича. Князь с небольшой дружиной скрылся за Волгой.

Там, в дремучих лесах, он еще до нашествия татар построил на берегу озера Светлояр город Китеж Большой. Батый захватил Китеж Малый и приказал пытаться жителей, чтобы найти князя. Не мог стерпеть мук один из жителей Гришка Кутерьма и рассказал, куда скрылись оставшиеся в живых русские воины, и указал лесные проходы к Большому Китежу. Через несколько дней захватчики оказались у его стен. Снова разгорелась сеча. Князь Юрий погиб, но сам город врагу не достался. Бог внял молитвам его жителей и сотворил чудо: Китеж с домами, церквами, со всеми жителями скрылся под землей. На его месте остались только вода и лес».

Град Китеж, утверждает легенда, живет и по сей день, и если посчастливится, то вы мо-

Владимир ШИЛОВ «КИТЕЖ» БЛИЗ БЕРЕЗНИКОВ

жете увидеть в Светлояре отражение этого чудесного города, а приложив ухо к земле, услышать даже удивительный звон колоколов.

Мы же вспомним о «Китеже», который ушел под воду в непосредственной близости от Березников — это горный город Дедюхин (вторая половина XVII в. — 1950-е годы), который располагался на левом берегу Камы, в 1 км на северо-восток от г. Усолья, рядом с нынешним автомобильным мостом через Каму.

Если взять современную карту Прикамья, то у северной окраины Березников увидим остров Дедюхинский. Но на карте прошлого века все выглядит по-иному: никакого острова нет, а на левом камском берегу стоит город Дедюхин.

Вообще-то, с самого начала судьба Дедюхину выдалась интересная, странная и парадоксальная. По указу Екатерины II в 1781 году образовалось Пер-

мское наместничество. Его центром утверждён Егоршихинский завод, получивший статус губернского города и новое имя — Пермь. Еще шесть поселений обрели статус уездных городов. Старые города — Чердынь, Соликамск, Оса, Кунгур и два новых — Оханск и Обвинск.

В то же самое время, в том же самом Соликамском уезде село Рождественское Усолье переименовывается в новый заштатный город — Дедюхин. За что ему была оказана такая «честь», совсем непонятно. Среди горных заводов на Среднем Урале набрался бы не один десяток, по всем статьям превосходивших его. Даже рядом лежащие села Лёнва и Усолье могли запросто соперничать с Дедюхиным и по численности населения, и по мощности сользаводов.

Как бы то ни было, а получив статус города, Дедюхин долго сохранял его — вплоть до 1919 года, когда с ним случился еще один парадокс. В то время немало сел и заводских поселков были преобразованы в города, например соседнее село Новое Усолье. А вот Дедюхин, наоборот, оказался «разжалованным» в поселок.

В 1932 году в Верхнем Прикамье возник новый город. В его черту вошли село Ленва, станция Усольская, поселок Березниковского содового завода, поселок Дедюхин и еще ряд насе-

ленных пунктов. Казалось бы, по справедливости название «Дедюхин» должно было возродиться, однако новый город получил название Березники — по поселку содового завода.

Судьба и далее была к Дедюхину неблагоприятной. Когда выше Перми разлилось рукотворное Камское море, большая часть территории бывшего города ушла под воду. Сегодня только в названии острова сохранилось его имя, да еще жителей Березников изредка называют «дедюхинцы».

И прежде во время весенних паводков Дедюхин периодически уходил под воду, как Китеж. В Дедюхине и соседнем Новом Усолье в стены церкви были вложены чугунные доски с обозначени-

ем уровня паводковых вод. В Дедюхине долго рассказывали историю, как плыла вниз по реке баня с кукарекающим на ней петухом.

Теперь территория, оставшаяся незатопленной водами Камы, — а это четыре крупных и несколько мелких островов (площадь около 100 га), — объявлена археологическим памятником. Он был обследован в 1991 году пермскими археологами под руководством Н.Е.Соколовой. Культурный слой промышленной зоны этого древнего поселения, которое было основано как соляные промыслы и до 1764 года принадлежало Пыскорскому Преображенскому монастырю, состоит из слоев прокаленной глины, песка и битого кирпича

XVII-XX вв. Мощность слоя достигает четырех метров. Фиксируются также следы пожара середины XIX века. На территории памятника сохранились фундаменты варниц, остатки рассолоподъемных труб, срубы соляных амбаров, состоящие из 2-3 венцов, остатки пристани, сложенной из грубо обработанных сланцевых плит, скрепленных известью.

Южная часть этого уникального археологического памятника, к большому сожалению, сегодня разрушается песчаным карьером. Жаль, что мы сегодня мало изучаем и зачастую просто уничтожаем свои «Китежи» и «Венеции».

г.Березники

Живут между Ачитом и Красноуфимском, что в Свердловской области, селения Александровское с Подгорной. Некогда были они имением помещиков Голубцовых. Сколько об этом ходит различных слухов-домыслов! Говорят, будто первые здешние крестьяне-поселенцы были выиграны в карты и перевезены сюда из Подмоскovie. Что один из сыновей Голубцовых был потом летчиком и на своем самолете садился на поле около Александровского...

Однажды в рейсовом автобусе Ачит — Красноуфимск услышал я такую историю. Большой сад был некогда разбит у господского дома. И где-то два-три десятка лет назад приезжал в село Александровское один из потомков Голубцовых и долго ходил в задумчивости по запущенному саду. Как выяснили дотошные жители, отец его, уходя в 1919 году с отступающей белой армией, зарыл часть своих ценностей под одной из берез...

И вот знакомлюсь с выставкой «Духовное наследие Голубцовых — потомкам», которую развернул Красноуфимский краеведческий музей в 1995 году. Читаю письмо дочери младшего

Александр ТРОФИМОВ

КЛАД ПОД БЕРЕЗОЙ

Голубцова — Владимира Владимировича от 8 ноября 1990 года. В нем Анастасия Владимировна рассказывает о жизни в Харбине, о том, как в 1995-м они всей семьей сумели вернуться в Россию. О поездке же отца в бывшее Александровское имение не упоминает. Сама же она его посетила. Услышала и много доброго о своих предках-помещиках.

Александровский краевед Василий Иванович Родионов поведал мне, что в первые годы Советской власти в уездную Красноуфимскую милицию поступало, вроде бы, письмо от кого-то из Казани с сообщением о голубцовском кладе. Место указывалось у лестницы, ведущей на сеновал надворной постройки местной школы. Приехали милиционеры, покопались... Но ничего не нашли. Оказалось, что лестница-то к тому времени находилась уже на другом месте...

Слышал Василий Иванович

от покойного тестя, что брат его, служивший у барина Голубцова лакеем, утопил в местном пруду господскую коллекцию старинного оружия. Сам же отступил с белой армией и сгинул.

Таковы слухи и версии о Голубцовском кладе. А прятать им было что...

Голубцовы занимали довольно высокие должности в Российском государстве. Так, основатель Александровского имения Александр Федорович Голубцов с 1774 по 1781 годы был воеводой Пермской провинции. Его старший сын — Федор Александрович — с 1807 по 1810-й управлял Министерством финансов. Последующие Голубцовы награждались различными орденами: святого Анны, Владимира и Александра Невского, а также Мальтийским орденом — святого Иоанна Иерусалимского. Их Александровский винокурный завод давал значительный доход. В имении была богатая библиотека, старинные монеты и оружие.

Малая толика этих богатств ныне хранится в Красноуфимском и областном краеведческих музеях.

р.п. Ачит Свердловской обл.

Андрей ИЛЬИН

ЗАПИСКИ НЕВИДИМКИ

(ПРОХОДНОЕ ДЕЛО)

Нет для профессионала более нежеланной, более унижительной службы, чем ревизорская. Вдруг, без предупреждения, без даже намека на него, вас под благовидным предлогом вызывают в Центр и отправляют к чертям на кулички с заданием словить за хвост подобного вам же. И вся ваша дальнейшая карьера, а возможно, и сама жизнь зависят единственно от результатов, которые вы накопаете. Самое печальное — никогда до конца нельзя быть уверенным, ты проверяешь агента или с помощью этой проверки ревизуют тебя самого. Контора — большая охотница до подобных пакостей. Вызграй не к месту гордыня — мол, не хочу перетряхивать грязное белье коллеги по службе, не желаю подставлять его голову под карающий меч ревизорской службы, и ты не гончая собака, взявшая след, а вовсе даже наоборот — травимый сворой опытных псов зверь, и не над чужой шеей висит бритвенно заточенный ревизорский меч, а над твоей.

Вот и поиграй здесь в благородство, когда чуть не каждая карта в колоде крапленая, а за столом что ни игрок, то профессиональный шулер. Нет, шалишь, своя шея ближе к телу. Сказано — езжай, сказано ревизовать — будь добр исполняй службу, каким бы душком от нее ни пахивало. Разведчик — человек подневольный, приказы не обсуждает. И хоть отдаются они не на полковом плацу в полную командирскую глотку, а тихим кабинетным шепотком, и не требуется в соблюдение субординации тянуться во фронт, кушать начальство глазами и щелкать каблукми сапог, суть от того не меняется. Приказ — закон для подчиненного, исполнение — доблесть, неисполнение — преступление. Только в нормальной ар-

мейской жизни за этим маячит разжалование и дисциплинарный батальон, а в нашем официально не существующем заведении — неожиданный кирпич с карниза или самосвал из-за угла. Короче — очень несчастный случай. Таковы условия игры. Не может советский суд судить не живущего на свете человека, совершившего проступок в несуществующем в природе учреждении.

Нет такого суда. Кирпич — да, есть, а суда — нет! Так что смиришь, спец, и тащи службу свою, как голгофский крест. Авось кто-нибудь когда-нибудь оценит твою жертвенность. На том и аминь!

И десять часов на сборы!
Время пошло!

Получить под роспись конверт с заданием и необходимой инструкцией, пройти в специальную комнату, вскрыть пломбы, прочесть, изучить, запомнить, уничтожить, ссыпать пепел в специальную корзинку и на выходе позволить обыскать себя с ног до головы, чтобы, не дай Бог, ни одна бумажка не пропала, ни одно лишнее слово за стены не просочилось!

Когда-то, в бытность мою курсантом, такая конспирация внушала уважение. Сейчас раздражает. Как будто я, если бы приспичило, не вынес бы весь пакет документации с корзиной для пепла в придачу. Да хоть бегемота, если мелкими частями! Сейчас для меня это не задача! Осточертели детские игрушки — все эти пропуска, опознаватели, шторки и где-нибудь сбоку неперемный глазок видеокмеры. И теперь, голову даю на отсечение, бдят, отсматривают на мониторах каждое мое движение. Ладно, смотрите, коли времени не жалко. Вот я, вот стол, вот лампа, вот документы.

Теперь все зависит от моей памяти. Раньше, чем я запомню каждое слово, каждую букву, каждую за-

пятую, мне отсюда не выйти, даже если на это уйдет неделя. Мне будут приносить еду, водить на оправку, но документы из этих стен не выйдут! И я не выйду. Таковы правила. Принял кабинет ознакомления два объекта — папку документов с пронумерованными, подшитыми и заверенными листами и агента ревизорской службы. Отпустит одного — либо агента с перепачканными пеплом пальцами, либо опечатанную, закрытую в бронированный кейс папку, если, к примеру, во время прочтения с агентом случится инфаркт. И никак иначе.

Приступим. Учетная карточка. Дело №. Допуск по форме. Вторая страница, третья. Фотопортрет. Вот с этим человеком мне предстоит играть в кошки-мышки в ближайшие три-четыре недели. Профиль. Фас. Обычное лицо, каких в нашей стране наберется несколько миллионов. Фото в рост. Сбоку. Со спины. Особые приметы. Привычки. Образование. На этот пункт можно даже не смотреть. У всех у нас одно образование — средняя школа и пять лет безлюдных коридоров Учебки. Владение оружием, специальные навыки. Самая общая информация, позволяющая при необходимости опознать человека или его труп, противостоять физическому нападению. А вот узнать, что скрывается за этой безлико-канцелярской маской, на что способен ревизуемый, можно лишь в деле или, как говорят в армии, в условиях реального боя. Однако очень хочется надеяться, что до такого не дойдет. Обычно ревизии проходят тихо, как пересчет денег в бухгалтерии. Приход-расход. Счет-пересчет. Дебет-кредит. Голье цифры, только и всего. О чем они говорят — поди дознайся. Но лучше не пробуй, если жизнь дорога. Наше дело костяшками счет шелкать. Делать выводы, тем более вершить приговор, будут другие.

При этом сам проверяемый догадываться ни о чем не может. Уведомлений ему, понятное дело, не шлют, ревизоры не представляют, командировочные удостоверения не заверяют. Что явилось первопричиной проверки — сбой в работе, число в календарном графике плановых ревизий, перерасход средств по статье 73/Ж или интриги начальства, делящего высокие кресла, догадаться невозможно и, значит, невозможно предугадать ее начало.

Просто однажды начальник ревизорской службы, зачастую не ставя в известность даже непосредственного начальника проверяемого, доводит до сведения Резидента какое-нибудь хитрое, с двойным, а то и с тройным дном задание, а следом засылает ревизорскую бригаду, которая собирает строго определенную информацию, например, часы и минуты ухода и прихода «объекта» домой или продолжительность его телефонных разговоров в среду с 17 до 18 часов, или количество людей, посетивших его в третье воскресенье месяца после обеда. В общем, любую чушь. С ума, наверное, съехало начальство, посылая в такую даль людей из-за такого пустышного пустяка!

Но это на взгляд рядового сыскаря — пустяк. А для человека, спланировавшего операцию, этот «пустячок», может быть, и есть наиглавнейшая деталь тщательно разработанного, защищенного и утвержденного высшим начальством механизма проверки. И именно этот платок, торчащий именно в это время

из кармана именно этого пиджака, доказывает лояльность и добросовестность работы Резидента или, напротив, выказывает его некомпетентность и даже двойную игру. Непосвященному человеку трудно уловить в хитросплетениях отдельных деталей интриги ясную картину всеобъемлющего целого. Им сучок закрывает дерево, а у нас дерево — лес. Тут надо особый талант иметь! А их, талантов, Контора растить умеет. Куда там Шекспиру с его примитивными сюжетами. Эти такого наворочают, что Яго в кошмарных снах не привиделось бы! Только вот у Шекспира Джульетты и Мавры страдают, мучаются и умирают понарошку, а у нас по-настоящему!

К примеру, едет бригада ревизоров исполнять дело, цели которого им понять не дано. Вслед едет бригада проверки проверяющих. И такое случается. И ставится задача ревизуемому Резиденту проверить работу ревизоров, ревизирующих работу тех самых ревизоров. Уф, запугаться можно. Но, похоже, и такое было! Все ловят друг друга, а оказывается, самих себя, как тот змей, заглотивший собственный хвост. В этом вся Контора. Никто никому не верит, даже доверяя абсолютно.

Но самое удивительное, что все эти ревизоры ревизоров даже представить не могут, что существуют какая-то Контора, и Резиденты, цель которых — разведка на территории собственной страны, и ревизорская служба, призванная их контролировать! Они свято верят, что исполняют милицейский заказ по обезвреживанию очередной преступной группировки, или, если есть воображение, не без гордости подозревают, что помогают разоблачить глубоко законспирированного импортного шпиона во имя благоденствия собственной страны. То есть и дело делается, и Контора остается невидимкой. И лишь один-два непосредственных начальника да Контролер знают истину. Да и то: не знают — догадываются. Полные штабы операции, ее причины и требуемый итог известны лишь кому-то там, в запредельных высотах власти.

Сегодня Контролером буду я. Судя по размаху, охота будет не шуточная. В бой брошена, подумать страшно, техбригада полного состава, в которой одного специального оборудования — разных там жучков-паучков — центнера три наберется, да плюс к ним еще две светлые, о которых Академия наук мечтать не смеет, головы, да две пары рук, которые при желании могут запустить сломанную ракету среднего радиуса действия, да еще охранник, призванный эти головы и руки защищать.

Они оплетут подходы к объекту паутиной электронно-оптической слежки такой плотности, что куда там пауку с его примитивной ажурной сеткой-авоськой, которую может легко миновать мелкая мошка или прострелить навывлет крылатое насекомое крупнее мухи. Здесь наука ушла куда дальше природы. Ее невидимая глазом паутина крепче будет — обнимет, облепит, опутает, достанет в любом укромном месте — не то что мухе, медведю несдобровать!

Непонятно только, чем могу быть полезен тут я со своими примитивными парами глаз и ушей. Разве

только доложить по инстанции о недобросовестных технарях, буде они надумают запить горькую вместо несения службы. Так доложу — сердце не дрогнет, так как не исключаю хвост за собой и не исключаю также, что именно это задание — махнуть дюжину дефицитных транзисторов на пол-ящика водки и напиться до чертиков — и будет им дано. Может, их не Резидент интересуется, а я.

Ладно, не будем ломать голову над неразрешимыми вопросами, лучше прожужаем график.

Я выезжаю послезавтра, легализуюсь, обживаюсь на месте. Необходимые документы — паспорт, командировочное удостоверение, права, фотографии семьи, заполненный блокнот с адресами, связка ключей от несуществующей квартиры — вот они. Через неделю объявляются технари. Они, конечно, обо мне не знают — не положено, но знают почтовый ящик, в котором в случае необходимости они могут получить дополнительную информацию.

21, 22-го ревизоры легализуются. 23-25-го обрабатывают подходы. 26-28-го запускают технику. Вплоть до 15-го нового месяца — работают. 16-го сворачиваются. 18-го эвакуация. Еще неделю я подчищаю хвосты.

Все!

В идеале мои подопечные меня не увидят и не узнают о моем существовании. Мы просто разоидемся в разные стороны и никогда больше не встретимся. Это если все благополучно.

Плюс к тому все это время, придерживаясь легенды, должен буду талантливо изображать измученного неудачами командировочного, то есть обивать многочисленные пороги. Канючить, дарить шоколадки секретаршам, торчать в очередях, говорить по междугородному телефону, снимать комнаты, пить пиво в случайных ларьках.

И еще — страховать ревизоров, вести контроллинг, готовить подробный отчет.

И еще...

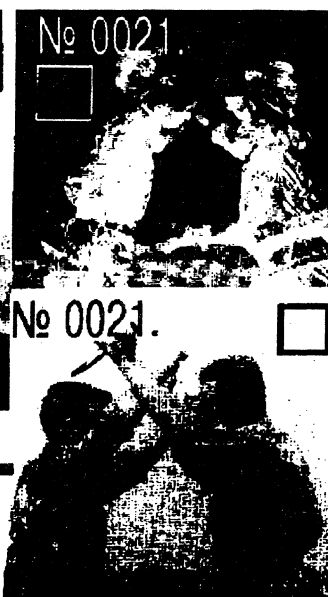
И еще...

И еще...

10-го я был на вокзале.

Опять стучат колеса, позванивает стакан в казенном подстаканнике, посапывает соседка на верхней полке. Сколько у меня их было, этих соседей, полок, поездов? Сотни? Тысячи? В чем-в чем, а в отсутствии впечатлений мою профессию не обвинишь. Намотанных мною километров с избытком хватит на десять жизней. Да нет, вру, поболее, чем на десять. Одних биографий я изжил, одних паспортов сменил уже штук сорок. Кто я сегодня? Лев Георгиевич Серов, инженер, брошенный в прорыв теревить недобросовестных смежников, не поставивших в срок изделие № 27946Т/С.

Интересно, что это за Т/С? А надо бы знать! Кажется, я начал позволять себе поблажки! Разнежился, стал делить дела на сложные и простые. Поверил в собственную непогрешимость. Здесь нужно особое внимание, а здесь можно схалтурить? Так? Значит пора заказывать ритуальные принадлежности! С подобными настроениями разведчики более месяца не живут. В Учебке за столь элементарную ошибку мне

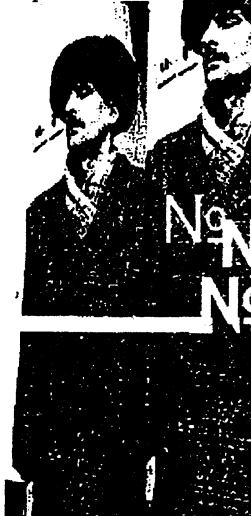

бы безжалостно и справедливо вкатили кол!

Ну-ка, по-новой, пока время есть вспомнить, повторить легенду до мелочи, до пустяка, до пуговицы на школьном пиджаке, который я износил в пятом классе. Кстати. Как звали мою учительницу по немецкому языку? Серафима Петровна?

Хорошо, что часть легенды я содрал с предыдущей, прочно заученной, многократно повторенной, закрепленной практикой. Иногда, во второстепенных делах это допускается.

Какой цвет глаз у моего младшенького? Когда он переболел свинкой? Интересно было бы подсчитать, сколько у меня было детей, если от первой курсантской биографии. Ну-ка вспомним, помассируем память. Профессионал должен помнить все без скидок на срок давности. Первый, плюс еще два, плюс... еще один, плюс... Ба, да я уже чуть не трижды папаша-герой.

Впору планку медалей на грудь вывешивать и заслуженную пенсию просить.

А на самом деле все гораздо печальнее: детей нет, кола нет, двора нет. Родители и родственники отобранны, да и сам я захоронен 15 лет назад на городском кладбище. Присыпан землей и вычеркнут из жизни, той нормальной жизни, которой живут миллионы не ведающих своего счастья соотечественников. Нет у меня ничего и не будет.

Женщин имел, но лишь в подтверждение канвы легенды, а если по любви, то с разрешения начальства и не более чем на десять-пятнадцать ночей, а на шестнадцатую ночь, будь добр, ищи новую. А уж коль случится реализовать природное предназначение, то последует неотвратимый аборт. Хоть на девятом месяце. Разведчику постоянная женщина опасна, а уж дети и подавно. Некуда ему их девать.

«Профессионал должен быть чист, как стакан алкоголя после попойки. Зубная щетка, пистолет и ампула с ядом — вот все, что нам положено иметь», — любил шутить один из первых моих наставников. То, что невозможно унести на себе, должно быть безжалостно отброшено. Нести на себе семью сложно, да и опасно. В первую очередь для семьи. Расслабишься, скажешь что-нибудь не то на супружеском ложе или за обеденным столом — и пожалуйста: взорвался в доме газ, или съехала под откос машина по дороге на уик-энд, или приключилось какое-нибудь другое несчастье. Закон

конспирации исключений не приемлет. А профессиональная тайна — категория абсолютная.

Ладно, будем утешаться тем, что за последние годы я родил и воспитал, если верить официальным документам, средней руки детский садик, да и в последнем паспорте у меня проставлено два наследника. Очень я люблю своих Митю и Вовочку. Чтоб их черти взяли вместе с не сущестующей мамашей, разрешившей отправиться любящему отцу и мужу в такую скверную командировку в дальние северные края.

Другая бы поперек порога легла, а эта слова не сказала... Приеду — всех выпорю!

С т а н ц и я .
Выскочить, согласуясь с легендой, купить в буфете дюжину пива, распластать

на столе колбаску. Я — семьянин, слегка уставший от брачных уз и в то же время еще не успевший утормиться от командировочной свободы. Мне хорошо, у меня легкая дорожная эйфория.

Рассказать анекдот, самому первому посмеяться, сбить пробку с очередной бутылки о край стола. Обязательно об стол — это важно! Заболтливо припасенный консервный нож не очень вписывается в разыгрываемый мною образ. Помнить, контролировать мелочи.

Один мой коллега прокололся на том, что собираясь сбежать в кусты, спросил у приятеля туалетную бумагу вместо того, чтобы привычно скомкать случайную газету. У него были свои привычки. Он был чистюля. Приятели дружно посмеялись над его абсурдной просьбой, а недруги зафиксировали несоответствие поведения. Остальное было делом техники. В конечном итоге та бумажка стоила ему жизни.

Вскрыть еще бутылку, рассказать еще анекдот, не очень интеллектуальный и не очень смешной, соответствующий моему нынешнему образу. Не заметить недоуменные, быстрые взгляды попутчиков. Предложить еще бутылочку, приправить еще анекдотом. Рассмеяться. Хлопнуть соседа по плечу.

Мне хорошо, мне беззаботно.

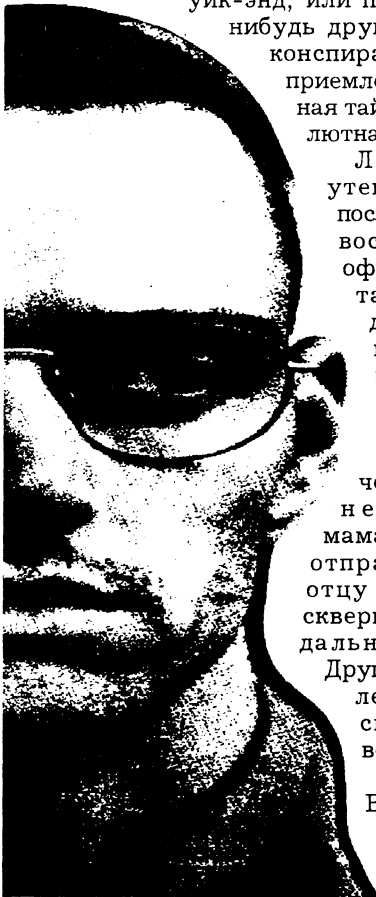
Лечь бы сейчас, завернуться с головой в одеяло, отключиться, забыть обо всем хотя бы на день, хотя бы на час. Попутчиков — в шею. И пиво, противное, теплое, — в унитаз. Обязательно — в унитаз!

— Еще анекдотец на посошок...

Что, противно слушать? А уж как мне противно рассказывать...

Прибытие на станцию назначения я воспринял как избавление. Я устал от позднего разудалого отдыха больше, чем от самой трудной работы. В городе все пошло-поехало по накатанной колее, не оставляя лишней минуты на праздные раздумья.

Устроиться. Отследить возможные хвосты. Проверить еще раз. Рассчитать варианты ухода для себя, для техбригады. Запомнить, не записать, именно запомнить расписание движения всех поездов, автобусов, самолетов со всех (!) железнодорожных, авто- и аэровокзалов. Запись я могу оставить только одну: с движением транспорта в сторону города, где я проживаю согласно легенде. Все прочее только в памяти! Засечь время движения до каждого вокзала, на всех видах городского транспорта и такси, а также пешком и бегом с точностью до минуты. Представить город. Я должен знать, какая улица на какую выходит, с каким переулком соединяется, где ведется ремонт трассы и перекрыто движение. Я должен отыскать проходные дворы и подъезды в десяти-двадцати ключевых точках города на случай отрыва от «хвоста». Я должен ориентироваться в городе лучше самого вьедливого горожанина-старожила. Много лучше. Я должен знать то, чем интересоваться им даже в голову не придет. Например, куда выходят колодцы центрального канализационного коллектора. Это потруднее будет, чем сказать, сколько домов стоит на четной стороне какого-нибудь Конюшенного переулка. Одна эта топографическая проверка способна

довести любого несведущего человека до грани нервного срыва. Мыслимо ли осилить такое даже за месяц, даже бригаде из шести человек, работающих без перерыва круглые сутки. А я один, и времени у меня — неделя. И главное — это далеко не самая основная часть моих служебных обязанностей. Есть еще обеспечение легенды-прикрытия, наработка фактического материала для дублирующей легенды, которую, буде меня станут бить по почкам, я скрепя сердце выдам противнику, но он, противник, если профессионал, моим рассказам без подтверждающего материала не поверит. Его-то, этот материал для будущей проверки, мне и предстоит подготовить. И еще мне надо отыскать и приготовить почтовые ящики и тайники. Довольно? Или продолжать?

Знать бы мне подробности своей будущей работы, я бы лучше куда полегче пошел — в космонавты или летчики-испытатели. Видела бы меня Учебка! Как же!

Но надо помнить, что вся эта изматывающая суета еще даже не работа, а лишь черновые наброски к ней. Прелюдия. Сама работа — впереди. Успокаивает лишь то, что львиную ее часть возьмут на себя технари. Мое дело — в пустой породе шахту рубить. Лаву ковырять, уголек на-гора подымать — им.

Техбригада прибыла в срок. А разве может быть иначе? Опоздание, даже на минуты — это ЧП, автоматически отменяющее всю операцию.

Я не знал способы и формы их транспортировки, но догадывался, что просачивались они поодиночке. Груз частью тащили на себе в специальных контейнерах, внешним обликом не отличимых от какого-нибудь телевизора, стиральной машинки или другой сложной бытовой техники, или получили через посредничество местной мафии как контрабандный товар. Контора любила использовать подобные каналы, так как преступники, получившие щедрую мзду, обычно частью того же, перевезенного ими товара, и заинтересованные получить ее в дальнейшем, гарантировали сохранность крепче вооруженных банковских инкассаторов, излишнего любопытства, предупрежденные о последствиях, не проявляли, а если бы даже и влезли в посылку — все равно ничего бы не поняли. Вмешательства в процесс транспортировки местной милиции Контора не опасалась, так как использовала надежные, неоднократно проверенные каналы. А уж на самый крайний случай каждую упаковку заряжала мощным самоликвидатором, и если кто-нибудь, вскрыв коробку и не удовлетворившись внешним обликом товара, пытался продолжить исследование, раздавался легкий хлопок, и каждая неделимая часть посылки горела натуральным синим пламенем, а то, что не могло гореть, плавилось, превращаясь в груды искореженного металла, напоминающую внешним видом пропущенный через пресс многоканальный бытовой радиоприемник. Все. Металлолом — на свалку, дело — в архив местной пожарной команды, ответственного за противопожарную безопасность кладовщика — под суд.

В нужной точке в нужное время багаж и люди сходились, образуя единый разведывательный организм. Причем в исходную точку каждый доставлял ту часть оборудо-

ования, без которой вся прочая аппаратура, как и заключенная в их головах информация, была бесполезна, как прошлогодняя зарплата, и непосвященному человеку ровным счетом ничего прояснить не могла.

В точке сбора и монтажа, где утечка информации была наиболее вероятна и опасна, в игру включался охранник, выступающий не только в качестве защитника интеллектуальной собственности Конторы, но, если обстоятельства того требовали, и чистильщика, который в последний момент гробил и уродовал до неузнаваемости не только аппаратуру, но и обслуживающих ее операторов, а те по наивности представляют его исключительно ангелом-хранителем. Сделав же дело, охранник шел себе под суд под видом психически ненормального, в период обострения болезни, пациента, не отвечающего по закону за свои безумные проступки, что подтверждалось соответственно специальными документами и умелой, разработанной светилами отечественной психиатрии симуляцией.

Но если честно, то под суд не шел, а просто скоропостижно умирал в камере предварительного заключения от сердечного приступа, удушья или еще какой болезни. Конечно, охранник, исполняющий свой долг, об этом тоже не догадывался, как и охраняемые им технари, о своей запрограммированной Конторой печальной участи.

В свою очередь, случайная смерть в тюрьме нежелательного свидетеля возлагалась на оперативную спецбригаду (пять часов на сборы и доставку в любую точку страны или ближнего зарубежья). И меня как Контролера и куратора операции. Вот такая приедемная схемочка.

Интересно, какая при этом судьба уготована Контролеру? Знать бы. Или лучше не знать, чтобы сон спокойнее был?

Но это все — крайний случай, до которого в моей практике, слава Богу, не доходило. И, будем надеяться, не дойдет.

И вот для того, чтобы надежды мои оправдались, я тружусь как проклятый с утра до вечера без перекура и перерыва на обед, обеспечивая надежный прием, страховку, возможные пути эвакуации и отвлекающие внимание преследователей шумовые и звуковые эффекты. Специальная техника и приставленные к ней мозги — штука очень дорогая, поэтому швыряться ими Контора не любит, и пока есть хоть малая возможность спасти и эвакуировать в безопасное место людские и материальные ресурсы, чистильщик своей метлой не метет.

Отсюда, как ни крути, огромные финансовые средства, жизнь по меньшей мере трех человек, да и наверняка моя тоже, зависят исключительно от моей добросовестности в порученном деле. Вы бы стали в такой ситуации филонить? Лично я — нет. Не о лишении тринадцатой зарплаты, не о тридцать третьей статье в трудовой книжке идет речь в случае неудачи!

Ладно, если что-то непредвиденное случится до нашей контрольной встречи — там не моя зона ответственности, не моя голова в залоге, и значит, не ее в случае чего свинтят с плеч. Это утешает. Но вот после встречи ситуация меняется с точностью до наобо-

рот. Прежнюю голову возвращают владельцу, мою несут в ломбард на освободившееся место, и пока операция идет, я за ее сохранность поручиться не могу. Так что, если вдруг встреча сорвется, я напрягусь, но не расстроюсь.

Но встреча не срывается.

В пятницу в 19.30 я сижу в местном цирке, с увлечением наблюдая за проделками дрессированных обезьян. Люблю я цирк. За что? Нет, не угадали — за круглую арену, где хорошо видно сидящих напротив зрителей, за обилие народа и не очень глубокую темноту. Я смотрю это порядком надоевшее мне представление уже в третий раз. Я хохочу, словно услышавший голос кормилицы младенец, восторженно колочу ладонью о ладонь и даже о колено ближнего соседа. Но вообще-то смотрю не на обезьян, пусть хоть передохнут все разом, а на противоположные ряды кресел. Ровно через семнадцать минут после начала представления по третьему проходу вниз должен пройти известный мне человек. Пройдет он — контакт состоялся, механизм действия запущен, мосты сожжены. Нет — операция замораживается.

— Ну ва-аще. Ну эта с бантом... ну дает... — захлебываясь, ору я, разбрызгивая по ближним рядам слюну, изрядно сдобренную дешевым алкоголем.

Время — шестнадцать с половиной минут.

Я заливаюсь счастливым смехом, одновременно настороженно замирая внутри.

Семнадцать тридцать, сорок, пятьдесят.

Идет! Слава Богу! Пятьдесят секунд опоздания я в отчете отмечу — щадить не буду, пусть его потом начальство и в хвост, и в гриву за допущенную не пунктуальность. В нашем деле пятьдесят секунд — немалый срок. За него можно и инфаркт схлопотать, и пулю в лоб. Разгильдяи!

Обезьяны завершают выступление. Их сменяют не намного отличные по ловкости гимнасты. Периферия.

На слонах я «скисаю» и, громко икая и отпрыгивая, покидаю кресло. Соглашаясь с правилами, я должен был досидеть до конца представления и покинуть цирк, смешавшись с бодрой толпой зрителей, но, честное слово, сил нет смотреть эту муру в третий раз. Как бы по-настоящему дурно не стало.

Двадцать первое, двадцать второе.

Я отслеживаю операцию. Дело раскручивается на удивление гладко. Ревизоры снимают квартиру напротив объекта, то есть дома, где живет местный Резидент. Редкое везение — старый жилец получил новую квартиру, новый еще не въехал и, чтобы иметь дополнительные средства на ремонт, сдал жилплощадь на краткий срок. Положение идеальное — окна в окна.

Два дня бригада вживалась в обстановку, аргументируя свое вселение именно в это время, именно в эту квартиру: каких-нибудь отпускников-геологов перед окружающими корчили или аспирантов, снявших жилье в складчину, а может быть, что-нибудь — один снял, другие незаметно через щели просочились. Их легенда-прикрытие — не моя работа. Моя — внешняя страховка и контроль.

Еще день коллеги вели контрслежку. Вели про-

фессионально, не подкопаешься. Прислали явно не новичков. Если бы я не знал, кого наблюдать и в какое время, вовек бы не догадался, что за дурака валяют эти молодцы. Было даже странно, что на такое рядовое дело снарядили таких профессионалов.

Не ограничиваясь типовой контрслежкой, они развернули электронную: прощупали окрестности на предмет слуховой и радиопеленгации и контрпеленгации. Отсмотрели приборы ночного наблюдения.

Двадцать третьего приступили непосредственно к работе. Значит, все чисто, ничего не обнаружили. Мои наблюдения также подтвердили абсолютную стерильность объекта и окружающей местности. Сигнал к отмене операции, разрешенный к применению Контролером, в дело не пошел.

Вечером то ли сильный ветер, то ли случайный злоумышленник повалил коллективную антенну. Я не знал методов работы технарей, кто же меня допустит в чужие секреты, и как, если я узнаю то, что знать не должен, они смогут проверить мою работу, когда до меня дойдет очередь, но в случайность не поверил. Трудясь в Конторе, я разучился доверять случайностям. С чего бы это вдруг капитальная антенна обрушилась именно в день начала операции, не раньше, не позже?

Когда на крыше в толпе жильцов, коллективными усилиями поднимающих антенну, я увидел своих подопечных, мои подозрения окрепли до состояния убежденности. Понятно, навтыкают сейчас под самым носом у жильцов-ротозеев полную крышу своих приборов да заодно еще и антенну поправят. Жильцы еще будут удивляться, что их телевизоры лучше прежнего показывают. А как им не показывать, если подключенная к ним антенна теперь больше аэродромный радар повышенной разрешаемости напоминает. Настораживает скорее то, что они дополнительно к программе местного вещания не транслируют передачи национального телевидения Боливии и Парагвая, а в перерывах не транслируют секретные переговоры президента США с фортом Небраска.

Ловкие ребята, ничего не скажешь! Нет, я не испытываю эйфории, что так быстро раскрыл их коварный замысел. Не такой уж я ловкач. Я знал, что искать и где. К тому же, когда будут налаживать слежку за мной, я уверен, они придумают что-нибудь свеженькое. В Конторе повторов не бывает, каждая операция уникальна и неповторима, как скульптура, вышедшая из-под резца гениального скульптора. Так что старый опыт не пригодится. Интересно другое, не насторожила ли суета на крыше подследственных?

Нет. Тишина! Снова и снова я проверял свои наблюдения. Чисто. Удивительная беспечность! Хотя, с другой стороны, не будешь же реагировать облавой на каждое происшествие, случившееся в ближних кварталах. Так и сам рехнешься, и агентов до смерти загонишь. Ладно, на пике операции, там каждый пустячок истолковывается в сторону подозрения, а подозрение — в сторону провала. Но в текущей работе? Что бы в подобном случае сделал я, если не на экзамене по конспирации, а в реальной жизни? Напряг бы внимание? Наверное. Послал бы какого-нибудь

агента поплоче да посвободнее отследить происшествие? Пожалуй. Свернул бы текущую работу? Точно, нет. Мобилизовал все имеющиеся силы на контролежку? Ерунда! Мне бы те дела, что есть, разгрести. Так почему местный Резидент должен поступать иначе, чем я?

Правда, эти не пожертвовали временем даже одного агента. Неужели они настолько уверены в своей непогрешимости? Или проще — настолько запутались в делах, что нет ни единой свободной руки, ни единого свободного глаза? Может быть, в этом и сокрыта причина ревизии? С работой не управятся, а отчеты надо подавать в срок, вот и пишут всякую отсебятину, высосанную из пальца. Выдумывают несуществующие заговоры, которые путем собственных хитроумных планов и теоретических усилий раскрывают и ликвидируют. Раздувают списки за счет несуществующих осведомителей. Короче, обычные приписки. И мы небезгрешны — привираем в той или иной мере в отчетах. А как без этого, если Родина требует ударных темпов в том числе в сферах, где количество совсем не равнозначно качеству, а скорее даже наоборот — вредит ему. Привираем. Но не врем! За этим Контора следит строго. А этот, похоже, утратил чувство меры.

А может, и вправду настолько чист, что плевал на проверку, о которой, возможно, догадывается, и не унижается до мелкой, демонстрирующей собственную сверхбдительность суеты. В конце концов, дальше фронта не пошлют.. Куда уж хуже этих Богом забытых северных мест? Некуда! Разве на Северный полюс белыми медведями командовать.

Ладно, как говорится, не станем гнать лошадей. Будет день — будет пища. Для ума.

Двадцать четвертое.

Ничего не изменилось. Аппараты, шурша в своих безобидных абсолютно бытовых, на поверхностный взгляд, маскировочных кофрах, писали информацию. Технари по очереди дежурили у свето- и волновой оптики. Охранник слонялся по улицам, выявляя слежку. Я наблюдал за охранником, объектом и окнами техбригады, пытаюсь выявить замечания. Отчет не выгнцовывался. Бригада работала безукоризненно — не к чему было придраться, нечего поставить на вид. Я даже расстраивался — доказывая потом, демонстрируя этот хилый рапорт, что не просидел, не пропьянствовал все это время в ближнем кабачке. Ладно, не последний день, наскребем еще замечаний. Не может даже самый опытный профессионал не наследить. Подождем.

Двадцать пятое, двадцать шестое. Без изменений. Даже скучно. Капнуть, что ли, Резиденту для разнообразия жизни, а то подохнешь со скуки во цвете лет. Иногда я на полдня покидал поле боя, чтобы меня часом не раскусил, не распознал охранник. Дело это не наказуемое, но очень позорное. Позволить выглядеть себя слежке чуть не на десять пунктов ниже по положению — куда уж дальше!

Вообще-то, честно говоря, я начал подсачковывать: трудно сохранять бдительность при полном отсутствии событий. Утомительно пялить глаза в пустоту, где ничего

не происходит. Все чаще, ведя наблюдения, я ловил себя на том, что перебираю в уме «домашние», оставленные ради ревизорской командировки дела или даже просто скучаю. Уж лучше бы я сам вел слежку, там хотя бы можно держать пальцы на пульсе событий. Тук-тук, тук-тук — все-таки информация.

Зафиксировал несколько мелких, но очень мелких, даже микроскопических замечаний. Придираюсь? Придираюсь. Не без этого, но должен же я как-то оправдать свое присутствие. Охранник, кажется, почувствовал начальственный пригляд. Опытный, зараза. Ощущает больше, чем видит. Теперь играем в кошки-мышки: он пытается вычислить меня, я — запутать следы. Развлекаемся. Хотя, наверное, мог бы и не скрываться. Не дураки же они, не думают, что Контора оставит их без присмотра. Но не принято. В конце концов, отчего бы лишний раз не потренироваться, коли представилась такая возможность.

Двадцать девятое, тридцатое.

Все то же.

Несколько раз видел ревизируемого коллегу. Ходит беспечный, довольный жизнью, как прогуливающий урок пятиклассник. У него что, каждый час — день рождения?

Первое, второе.

Маленькое ЧП. Сегодня я два раза видел одно и то же лицо! Ошибиться я не мог, даже если бы в первом случае это лицо было женщиной, а во втором — мужчиной. Не так учили! Конечно, это может быть случайностью, а может и очень серьезным предупреждением. Один человек дважды за день — реальная заявка на слежку. Третья встреча почти наверняка означает провал. Полдня вел контрслежку. Нет, не похож он на шпика, так, случайный прохожий.

Третье. Четвертое. Пятое. Шестое. Седьмое... Десятое.

Все то же самое: рутинная страховка, контрслежки и ежедневных отчетов. Черт возьми, как повезло технарям! Живут, точно помидоры в теплице: никаких проблем, никаких беспокойств. Машины пищут сами. Причем они даже не знают что. Отдыхай, ешь да спи! Время и харч казенные — прямо отпуск, за который в дальнейшем положен еще и... отпуск.

Есть ли у меня на памяти подобные гладкие операции? Пожалуй, что нет. Это прямо хрестоматийный образец оперативно-следственной работы, взятый из учебника по специальным дисциплинам. Есть противник, есть сыскари, есть технические вспомогательные средства. А окружения как бы и нет — никто не мешает, никто не лезет в работу. Хоть бы раз для смеха какой-нибудь ротозей ошибся дверью, или к охраннику привязался случайный подвыпивший прохожий, или неожиданно отключили электричество. Нет, все гладенько и покойненько.

Мне бы радоваться — еще малая чуточка, и по домам. Работа сделана, отчет в ажуре. Наши, как и положено, победили. Ура! Получай оклад, премию и десять дней заслуженного отдыха.

Но почему-то не радостно. Даже тревожно. Говорят, точно такую же тревогу испытывали фронтовики, когда вдруг внезапно замолкали орудия. Им бы вздохнуть облегченно: осколки, пули не свистят, штыком в грудь никто не тычет. Живи — не хочу. А они настораживались, аппетит теряли, сон. Хоть бы уж скорее закончилась эта страшная тишина...

Вот и меня терзают какие-то дурные предчувствия. И хочется, чтобы скорее прошли эти последние дни, и боязно, что в самом конце что-то непременно случится. Ну не может не случиться. Не верю я в тишь да гладь. Мне еще в детстве в приключенческих книгах внушили, что после шторма непременно следует буря.

Нет, не случилось! Ровным счетом ни-че-го не случилось! Тишина.

С трудом скрывая радость, сворачиваются технари, похоже, их тоже чертовски измотало это провинциальное спокойствие. Не привыкли они вот так: пусть без небольших, но происшествий. Не в учебном же классе, не на стенде три недели вертели они свою аппаратуру. Даже охранник, чуя скорую свободу, расслабился, стал допускать мелкие промашки. Но, я их не фиксирую. Мне не до них.

Я, словно лев в клетке, мечусь противоречивыми мыслями в замкнутом пространстве собственной че-

репной коробки. Я хочу домой, но не могу освободиться от вязкого присутствия во мне этого чертового подзвучения. Я знаю, что операция завершена. Но одновременно сомневаюсь в ее успехе.

За все время наблюдения не накопил ни единого самого малого факта, который можно было бы истолковать как опасность. И именно поэтому она ощущается мне реальной.

Я опасуюсь отсутствия опасности!

Идиотский парадокс? Нет, скорее, неписаное правило, подтвержденное печальным опытом предыдущих поколений разведчиков. За тихой жизнью нередко скрывались самые-самые грандиозные провалы. Наверное, в этом есть своя логика. Когда тебя начинают пасти серьезно, за тобой не ходят мелкие шпики, это уже без надобности. И, радуясь тому, что жизнь вдруг так полегчала, ты не догадываешься, что тебя просто стали защищать и опекать всемогущие, но враждебные тебе силы. Не могут они допустить, чтобы их контригра сорвалась из-за случайной встречи опекаемого резидента с уличным грабителем или вором-домушником, залезшим в форточку. И образуется благополучный вакуум, который страшнее грохота боя.

Не верю я в тишину!

С другой стороны, что я могу сделать? Операция успешно, просто чрезвычайно успешно завершена. Каждый выполнил свою работу донельзя профессионально. Прикопаться не к чему. Тем лучше. Или вы мечтали о провале? Не было вообще никаких происшествий? Стечение обстоятельств. Повезло вам, ребята! А атмосферу, ощущения, интуицию к делу не подошьешь. Отсутствие событий трудно истолковывать как событие угрозы.

Конечно, я своими полномочиями могу продлить операцию еще на сутки-двое. Но будет мне это стоить груды объяснительных и оправдательных. Для подобного шага требуются очень серьезные аргументы. Есть они у меня? Нет. Только интуиция! Только беспокойство.

Рискнуть? Взять ответственность на себя? Так на меня ее в случае неудачи и свалят. А кроме ответственности — еще неизбежный перерасход финансовых средств.

Плкнуть, растереть, оставить все как есть? Ведь я не нарушаю ни единый пункт внутреннего Устава?

Но как же интуиция?!

Шли последние часы пребывания ревизоров в городе. Уже была эвакуирована аппаратура, закуплены билеты. Осталось убрать квартиру и сдать ключи.

Что же делать?! Что? Ну-ка еще раз.

Я чувствую, более того, я почти уверен в нечистой игре ревизируемых. Почему уверен?

Потому что не заметил ничего подозрительного? Абсурдная и не без самодовольства, но и не без доли истинной мысли.

Не было никаких ЧП. Не было даже мелких недоразумений. Не было даже микроскопических нестыковок. Все шло как по маслу. Резидент вел совершенно законопослушный как с точки зрения окружающих

обывателей, так и с точки зрения Конторы образ жизни. Слишком законопослушный! Жил, как на параде, застегнутый на все пуговицы под самый подбородок.

Такое возможно? Вполне! Но сомнительно. Слишком жарко, слишком тесно в казенном обмундировании. Он что, не человек? У него нет своих слабостей? Пороков? У него бытовой портрет абсолютно совпадает с официальным, зафиксированным в анкетах спецотдела? Нет грешков? Нет неузаконенной любовницы, не утвержденных начальством приятелей, он не играет в карты, не пьет водку, не ходит на ипподром? Не позволяет себе чуть превышающие официальные, согласно легенде прикрытия, траты? Он такой правильный?

Да чушь собачья! Реальная жизнь сильно отличается от официальной. Чтобы периферийный Резидент, много лет изо дня в день выполняющий привычную рутинную работу, да не расслабился, не нашел вполне законный способ обходить запретительные параграфы уставов и наставлений? Да не поверю ни в жизнь! Я сам Резидент, я сам живу и кручусь в точно таких же рамках. Чтобы за столько лет не научиться маневрировать в заданных параметрах? Не дать себе послаблений? Ой, не верится!

Вот он, главный вывод моих трехнедельных наблюдений. Проверяемый не был естествен! И значит, он знал о проверке. Он отследил ее, оставаясь невидимым. Только в этом случае ему не надо было вести контрслежку! Его наблюдали не враги — коллеги, так чего суетиться, вертеть дырочку на стуле. Довольно лишь изображать приятную Конторе картинку, которую честно зафиксируют и доведут до сведения начальства ревизоры.

Но как он раскрыл нас? Где случилась промашка?

Я вновь и вновь чуть не по минутам перебирал события операции и не видел прокола. Может, все-таки это домыслы впавшего в паранойю профессионала и достаточно выпить стакан валерианки, чтобы избавиться от чувства беспокойства?

Нет и еще раз нет!

Тогда что делать? Оставить все, как есть, или продлить на два дня операцию, рискуя собственной карьерой? И что это дает?

И хотя я продолжал думать, взвешивать «за» и «против», я понимал: решение принято, и отказаться от него я не смогу. Верх взяли профессиональное любопытство и самолюбие. Я хотел убедиться, что я был прав.

Используя предоставленное мне право, я согласно пункту 7/3 устава единоличным решением продлил срок операции на двое суток!

Инструкцию технаря я отправил через резервный почтовый ящик, предварительно вывесив сигнал вызова. Я представляю, что подумали и сказали ревизоры, когда, сорвав с доски объявлений третий справа отрывной квиток с телефоном (объявление было такого содержания, что никого постороннего заинтересовать не могло) и обработав его в специальном растворе, прочли:

«Работа продлевается на двое суток. Необходимо:

1. Занять ранее используемое помещение.
2. Возврат оборудования и монтаж не проводить.
3. Технику безопасности соблюдать в полном объеме.
4. Оборудование укрыть в складе № 2.
5. Ждать дальнейших распоряжений по ранее оговоренной схеме.
6. Подтвердить получение.»

Для ревизоров эта писулька наверняка представилась полной ахинеей. Зачем высидживать в доме двое суток, если ничего не делать? Зачем продолжать охрану и контрслежку в полном объеме, если защищать нечего — помещение-то пусто? Может, Контролер повредился рассудком? Что ему дают эти два дня бездействия?

Но приказы, равно как и психическое состояние начальства, не обсуждаются? Да еще как витиевато обсуждаются, но тем не менее исполняются с точностью до последней запятой!

Даже не пытаюсь скрыть настроение (а кто обрадуется перспективе взамен заслуженного отдыха получить два-три лишних дня работы?), технари снова

заползли в свое логово. Чуть не зевая, приступил к

выполнению своих непосредственных обязанностей охранник. Делал он все как положено — не придраться. Да он иначе и не сумел бы: рефлексы Контора нарабатывает крепче, чем Павлов у подопытных собак, но морду кривил, словно лимон пережевывал. Это он мне демонстрировал — догадывался, что я его наблюдаю.

Но я смотрел не на него — я смотрел мимо. Охранника пасли! И как пасли! Это была не примитивная, на уровне двух-трех висящих на хвосте шпиков, слежка. Это была облава! Улица кишела наблюдателями, как гостиничная койка клопами! Именно масштабы операции позволяли ей оставаться невидимой. Охранник выискивал в толпе двух, трех, четырех следующих определенной логике людей, а их были чуть ли не десятки. Крутилась гигантская карусель, центром которой был мой подопечный. Никто не топал сзади охранника более чем три-четыре минуты. Но едва один шпик сворачивал, на смену ему появлялся другой, идущий сзади, параллельно или даже навстречу, или просто стоящий на остановке в ожидании автобуса. Лица, фигуры, номера машин не повторялись! Все они вблизи воспринимались отдельными, случайными прохожими, подобно молекулам Бруна, толкающимся в замкнутом пространстве улицы, но при наблюдении издали в хаотичном кавардаке траектории проглядывала железная логика слежки. Десять человек делали тысячу разнонаправленных, казалось, не связанных друг с другом шагов, десять машин проезжали, останавливались и съезжали в переулок, но все они почему-то в сумме выстраивали строго сориентированную, подобно стрелке магнитного компаса, линию, острием упирающуюся в моего агента охраны.

Ни на одно мгновение он не оставался вне поля зрения: Он был профессионал, но он не был подготовлен к таким масштабам. Он не мог вообразить, что чуть не каждый десятый уличный прохожий — шпик. Он искал людей, а не явление. Слежка обнимала его со всех сторон, словно воздух, словно сама жизнь, и поэтому оставалась невидимой. Он был бессилен так же, как был бы бессилен я. «Лицом к лицу лица не увидать — большое видится на расстоянии».

Этим расстоянием обладал я. Очень издали, очень отстраненно, словно биолог в окуляр электронного микроскопа, я наблюдал движение улицы. Но даже не через него — это было бы слишком близко, — через вторичное действие, через круги на воде я вычислял слежку.

Я подмечал алогичность действий прохожих, вдруг через пять минут после прохождения объекта сломавших линию поведения. Я видел бессмысленную крутежку машин по параллельным улицам. Я фиксировал неожиданную расслабленность в фигурах недавно напряженных людей. По крупинкам находя каждой фигуре свою ячейку, я составлял мозаику облавы. Будь я в центре событий, я был бы так же слеп и заметен, как мой агент-охранник.

Но откуда вечно стесненный в возможностях Ревидент мог взять столько людей?

Региональный представитель не располагал штат-

ными кадрами, разве только двумя-тремя секретными агентами, не знающими, на кого и для чего они работают. А здесь армия! Допустим, он привлек левые силы, но из каких средств он их оплачивает? Как закрывает перерасход?

Какие опасные вопросы!

И вообще, кто здесь кого и зачем ловит? Неужели столь грандиозная работа проворачивается ради второстепенного агента-охранника? Не много ли чести? Или они пытаются вычислить логово? Да трех часов такой слежки довольно, чтобы, вычертив траекторию движения агента и подвергнув ее математической обработке, узнать местоположение объекта его защиты с точностью до нескольких метров!

И вообще, о чем я говорю? Вся операция начата в момент возвращения ревизоров. Дураку ясно, что логово давно просчитано и находится под колпаком. Что же они ищут?

Да меня же!

Их интересует ниточка связи, ведущая к человеку, отдавшему приказ на возвращение! Ко мне! Они хотят узнать, что произошло, а это возможно лишь тогда, когда распутаешь весь клубок от начала до конца. Не охранник их интересует — формы оповещения, почтовые ящики, тайники. Именно из-за них закрутилась вся эта карусель! Именно поэтому они вынуждены не просто следить, а фиксировать каждый взгляд, каждое движение моего агента. На что он смотрел, где останавливался, до чего дотрагивался, с кем перекинулся словом. Именно для этого организована такая плотная, мухе незаметно не пролезть, слежка.

И это значит, что если я и имею возможность передать какую-либо информацию, то только легально, под надзором противоборствующей стороны, раз и навсегда раскрыв канал связи. То есть я могу передать сообщение лишь дважды — через основной и запасной ящики. А потом — полная глухота и немота. Ну разве только пройтись по улице и вручить письмо лично в руки адресату.

Они лишили меня главного — возможности передавать и принимать информацию. Я парализован как руководитель. Я лишился рук.

Значит, сидеть тихо? Сколько? Еще около полутора суток протянется эта волынка. Едва ли они снимут облаву раньше. Не дождавись от меня дополнительных указаний, ревизоры, следуя инструкции, разнесут по кускам стоящую многие миллионы рублей аппаратуру и эвакуируются по запасной схеме. Когда вернусь в центр я, меня будет ожидать куча самого скандального свойства рапортов, неизвестно на кого отнесенные финансовые убытки и фактически проваленная операция. Что я смогу ответить на неизбежно возникшие вопросы, как смогу оправдаться? Зачем продлил операцию на двое суток? Почему не вышел в установленное время на связь и тем допустил уничтожение материальных ресурсов?

Продолжение на стр.59

Ведущий рубрики Максим ШИШКИН

Николай ЧУРКИН

«РОД СВАРОЖИЧ, СЛАВНЫЙ ДЕД! ТЫ ОТКРОЙ НАМ ТАЙНУ ВЕД»

Вспомним детскую игру в салочки. На Урале это игра в ляпы. Чтобы не быть ляпой, нужно вспрыгнуть на деревянное и сказать: «Чур меня!» Считалось в круговерти игры, что тот, кто найдет настоящее, растущее, живое дерево, попадает в славянский рай — Ирий. Попавший выходит из круговерти и не возвращается на Землю. Но как быть с ляпой? Потому и приходят на Землю вновь побывавшие в Ирии, дабы дать шанс отпавшим от Бога ляпам вернуться на Небо.

Так крутится Колесо Сварога, или всем известный Зодиак. Игра в ляпы — это игра Богов и людей, меняющих «маску» формы. Это эпохи и цивилизации. В малом Коло мы ежегодно справляем праздник Коляды — Новый год. Символически творение мира отмечается деревом елью с ярусами творения. И все украшения и хороводы вокруг ели — это мы, возвращающиеся в Ирий. Семиступенчатая ель чем-то напоминает древнееврейское каббалистическое «Л» (Эль) — Элогим. Нужно заметить, что Каббала в свое время ушла от древлян-русичей в Грецию. Там ее корни переплелись с древнеегипетскими знаниями. Где-то примерно за тысячу лет до Рождества Христова волхвы готовились и готовили народы мира к пришествию Спасителя. И были они, эти три волхва, из России. Мельхиор, Гаспар и Валтасар — это имена Соборные, лишь потому, что святыни Господни таким образом были защищены от разрушительных набегов тамошних племен.

Но вернемся к Древу Жизни. РОД-СОЗДАТЕЛЬ мира на последнем венце ели являл собой Живую Пентаграмму (пятиконечную звезду), означающую пять добродетелей Бога: любовь, мудрость, истину, справедливость, доброту. А Небесный нематериальный мир отмечался всегда Живой Троицей. Теперь мы знаем Ее как Отца, Сына и Духа Святого. В ярусах же материального мира Торжество Бога завершает Семиричное Элогим (Семь-я, семь дней недели, семь энергетических, астральных центров-чакр и т.д.).

Наконец в материальный мир приходит Сын Создателя и дает шанс «ляпам» спастись. Вот почему после Коляды мы отмечаем Рождество Христово как день пришествия Спасителя в мир. У славян это Хорс (Солнце, Тарх, Дажьбог). А зодиакальная эпоха Рыб есть эпоха Рода.

Рыбы — символ Бога Рода, Бога Отца. Вспомним Пушкина, «Сказку о Золотой Рыбке». В конце эпохи Золотая Рыбка уплывает. А возгордившийся «ляпа» остается у разбитого корыта. Иисус Христос — воплощение Всевышнего

го Рода, Отца — спасет человечество мертвым деревом креста через пропасть Великого Уничтожения. Эпоха Водолея по календарю Коляды — это эпоха Крышняя. В эту эпоху мертвый крест Спасителя станет животворящим деревом, а Бог — добрым садовником.

Сейчас с Чернобогом (Кашеем Бессмертным, Сатаной) борется Велес, или Архангел Михаил. Чернобог (Кашей) — это Космическая Бездна Тьмы. Это голые цитаты, цифры, начетничество, книжничество, фарисейство. Черная бессмысленная логика автомата, биоробота, компьютера. Человек — придаток машины. Архангел Михаил противопоставляет Кашею мудрость, страсть, инстинктивность, животность. Человек не есть машина, робот, а даже инстинктами, животностью — Творец. Сейчас даже современные ученые понимают, что творческий потенциал человека развит пока всего на несколько процентов, т.е. инстинктивен. Последний поединок Велеса с Чернобогом будет в районе 22-го века.

Коляда в эпоху Рода-Рыб присутствует невидимо. Он открывается с Майей Златогоркой, ее верховными ипостасями Лелей, Ладой, Мареной и даже Прави. Дотошный читатель скажет: «А как же Прави можно спрятать?» Прави — София Премудрая — действительно Небесная Мать Мира. Но в этом Ее материальном мире мы основательно Ее подзабыли. Даже христиане Софию-Премудрость стали реже почитать. Здесь больше почитается Богоматерь Мария, или Марена.

Коляда спустится с Небес на Землю после 25-го века, когда начнется эпоха более яркого Рассвета Сварога, эпоха Крышняя-Водолея. Коляда принесет Новые Веды, более нужную на тот период «Зеленую Звезду» — «ЗЕЛЕНУ ЗВЕДУ» (Звездную Книгу Коляды). Родина большинства космических знаний — Россия. Родина практически всех современных религий — Россия. Родина духовности — Россия. И Она есть Отечество духовности, космичности, религиозности. Теперь же на Рассвете Сварога нужно обновить знания о мироздании, например, о более истинном устройстве Солнечной системы и многом другом. Теперь восстанавливаются Веды.

Интересующимся Славянскими Мистериями, Богом, Религиями, Космосом, Небесными Иерархиями, Верховными и внеземными цивилизациями — прошу писать мне по адресу: 623540, СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛ., КАМЫШЛОВСКИЙ Р-Н, СЕЛО РЕУТИНКА, УЛ. КОМАРОВА, 8.

Наталья ЛАЗАРЕВА

ВСТАНУ Я, РАБА БОЖЬЯ

— Зачем тебе? Любопытная... Хочешь написать о них? Не пишут про это... Да и мало я что знаю. Бабушка больше знала, но и то не стала бы их называть. Не знаю, теперь все перепуталось. Делай как знаешь.

От мамы иду к бабушке, от бабушки к прабабушке, по крупницам собираю сведения о «ведунях».

Первой, конечно, была бабушка Мария (все ж в интересах потомков не стану называть фамилий, местные, кто лечился, знают их и помнят). Бабушка Мария лечила всех от мала до велика. Лечила травами, минералами и словом. «Баловалась» и чернокнижием, но осторожно. С нею советовались местные «светила» науки, правда, тайно: не то было время. За такие «симпозиумы» могли лишиться диплома и, разумеется, выгнать с позором из партии. Это означало конец карьере, пятно на всю жизнь. Но в родне помнят этих врачей, хоть имена их не выдали и «под пытками». Уважение эти отчаянные, умные, талантливые люди снискали глубокое. Они служили медицине не ради чинов и наград, так как, рискуя карьерой, пытались найти истину во благо здоровья людей, объединяя усилия передовой науки и народного целительства. Бабка Мария не отреклась от врачей, даже если кто-то из родных умирал по их вине.

— Есть ленивые, да корыстные и среди знахарей. А есть — что врач, что знахарь — от Бога. Их мало таких-то, на всех одно не хватит... На все воля Божья.

Она не нашла себе достойного ученика. Говорили, что есть один, может лечить и травами, и минералами, а главное, словом, но он «лютый безбожник», а в лечении Марии слово Божье имело главную силу. Так и оставила она свое учение «по частям». Племянница оказалась способной к лечению травами, дальняя родственница записала «слово к камню». В виде старинного фольклора записала ее наговоры внука. Разрозненное это учение не имело той силы, но все ж помогало людям в эпоху повального увлечения «химией». Одна из родственниц была членом партии, причем активной атеисткой, но в ее жилах текла кровь Марии, и она не могла игнорировать Учение. Сама не лечила, а через свекровь, через знакомую старушку многим помогла обрести силу духа и здоровье. Они до сих пор не знают, кому обязаны. Живет в народе учение бабушки Марии.

Другая «лекарка», о которой я знаю с детства, бабушка Дуня. Это больше педиатр, чем терапевт. Скольких детейшек подняла она от «худобицы», избавила от «тесника», «косника», «собачьей старости», испуга-заикания, «неусопицы» и прочих детских недугов, которым есть современные названия в медицинских справочниках. Совсем недавно, лет десять назад, педиатры стали признавать бабкины методики. Но к этой поре уже не осталось почти истинных целительниц. Те, что гастролируют, закончив скоростные школы, совсем не родня бабушке Дуне.

В ее доме, чистом и опрятном, всегда пахло травами. Была она приветлива и хлебосольна. Знала не только наговоры, но и частушки, и прибаутки. Как сейчас помню: открываю глаза — доброе морщинистое лицо и целящий шепот: «Встану я, раба Божья, пойду из дверей в двери, из ворот в ворота в восточную сторону... Я эти слова ключом заключу, ключ в воду спущу. Никому эти ключи не достать: ни колдуну, ни...»

Бабка Таня — это тип чернокнижницы, описанный в литературе. Видимо, есть что-то специфическое, характерное во всяком «специалисте». Как терапевт с фонендоскопом, так бабушка Мария в окружении трав и лечебного духа, витающего вокруг. Как бабушка Дуня в пестрых запахах, ярких повойниках, во всем, что развлекает и успокаивает детей, с голосом, заставляющим стихать самых ярых ревунгов, так и бабка Таня в мрачной, вечно затемненной избушке в окружении своры кошек и собак, каких-то ветхих сооружений, бардака и неразберихи, среди прокопченных чугунов, сутулая, с «козьей ножкой» в потрескавшихся губах. Ну вспомните хутор колдуньи из «Вия» или другую избу гадалки. Это с избы бабы Тани режиссеры копируют быт ведьм...

У бабки Тани не было отбоя от клиентов. Не боялись ни партии, ни бабкиных злобных псов, ни ее колючего взгляда. Шли и ехали. Чаще, конечно, женщины, ведь бабка Таня мастерски ворожила. Местные так и звали ее — Таня-ворожейка. Ее побаивались, но не трогали. Не жгли, как в средневековье: В сущности, и ее приворотнозельевая деятельность была полезна. Скольким молодайкам наобещала она хороших женихов, сколько брошенных жен обрели уверенность в себе. А утешение при кражах?

— Вот-вот вижу, прячет твою корову мужик, ворота кованные...

— Ну, слава Богу, жива, найдется!

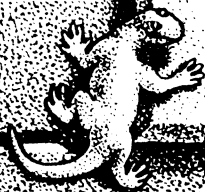
Разве ж это не благо? И сейчас мы с удовольствием сбегали бы к такому специалисту, как Таня-ворожейка. Быть или не быть? Стоит, не стоит?

Но помельчало племя. А может, растворилось в общей вседозволенности? Когда ворожея была в дефиците, и цена ей, и вера была иная. Да и квалификация их была выше, ведь если их запрещали, гнали, травили, а они продолжали заниматься своим делом, значит были они от Бога и дело свое делали не в угоду властям и моде (как теперь), а по велению сердца. Их личные судьбы не блистали счастьем, ведь и в «учебниках» их сказано: «Карты в руки — несчастье в дом», «чужого подныши, сам не уподи», «дарить — дари, да своих не обдели». Но, бывало: одаря чужих, они порой обделяли своих и лаской, и вниманием. (Жизнь сложна, истолковать ее не всегда возможно.) Жили долго, как и полагается по ведовским законам, за исключением бабки Тани. Ее сбила машина, впрочем, это тоже, говорят, по ее рангу. Пусть земля им будет пухом...

Юрий ШИНКАРЕНКО

Повесть-сказка
Рисунки Александра ШАТУНОВА

ПРИМУС

СЛОЖНЫЙ СЛУЧАЙ

ЛУ

1. Старость

Автомобили стареют быстрее людей. В этом они похожи на собак, которые из беспомощных щенков на глазах превращаются сначала во взрослых могучих красавцев, а потом в мгновение ока становятся дряхлее дряхлого.

Пожарная машина, историю которой мы начинаем, никогда не

думала о старости. Жила себе и жила.

Конечно, время ее не молодило. Алая нитрокраска на автомобильных боках с годами потускнела, потрескалась, кое-где облупилась. Тут и там виднелись шрамы от ожогов. Во многих местах прорывались пожарный рукав. Подслеповатыми стали фары, — и пришлось надевать очки.

Но машина не задумывалась о возрасте, ведь она по-прежнему могла исправно служить городу, небольшому городку, который раскинулся среди пустыни на террасах из камня-шершуна.

А служить было ох как нелегко!

Воды в городе кот наплакал: один худосочный родник на всех! Его ложе наполнялось так медленно, что нельзя было воспользоваться ни помпой, ни насосами — только ковшиком и черпать... Поэтому машина заправлялась далеко-далеко за городом... Там, в нескольких часах езды, струился из-под шершуна еще один ключ. Он был порезвее и побурливее. Даже образовал небольшое озерко.

Но как непрост был путь к этому озеру!

Каждый миг в пустыне мог подняться ураган и затанцевать свою зловещую песню: «Исхлецу-у! Ослеплю-у! Засыплю-у! У-у-у! Нав-сег-да!» Тот, кто хоть раз слышал голос поднятого в воздух песка, никогда не сунется в пустыню.

За долгие годы службы машина перестала бояться песчаных бурь. По разным приметам она научилась узнавать крадучую поступь урагана. Знала, где от него можно укрыться.

Опыт помогал ей и тогда, когда в пути пожарную машину настигала ночь. В непроглядной тьме она легко ориентировалась по Детской Песочнице, самому яркому созвездию небосклона. Теперь, на закате лет, плутать ей приходилось меньше, чем в юности.

И змей машина перестала бояться. Опять же — опыт... Она легко распознавала и безобидную полосато-желтую расплющилку, и серую, как шершун, вилляйку... А от тарачилки вовремя успевала отвести взгляд, чтобы та не смогла ее загипнотизировать.

Попусту рисковать, как раньше, машина давно перестала, но это не мешало делу. К ней пришло умение предусматривать все заранее. Теперь машина лишь с иронией вспоминала, как в молодости рисовалась перед горожанами. Особенно в те ночи, когда в небе всходил Черный Рог.

Все знают, что пустыня становится смертельной, едва Черный Рог достигнет зенита: тогда начинается

(134) песчаный прилив, в пустыне закручиваются огромные воронки и погребают все живое.

И вот, бывало, едва Черный Рог высовывался из-за горизонта, машина мчалась за водой. Туда и обратно ей нужно было успеть до песчаного прилива. Иначе не сдобровать!.. И машина выжимала из себя всю скорость. Возвращаясь с полными баками воды, она ждала восторгов, восхищения, гимнов ее бесстрашию. Но встревоженные горожане, увидев машину живой и невредимой, молча расходились. А Начальник Города показывал кулак.

Сейчас, спустя годы, машина старалась запастись водой дня за три до восхода Черного Рога. И не стеснялась своей осторожности.

Может показаться, что с возрастом путь к дальнему оазису превратился для машины в столбовую дорогу. Это не так, конечно! Опыт помогал. Но после каждой поездки невыносимо болели колеса, ломило в пояснице, слезились фары. Однако, пока дорога к роднику была под силу, машина не думала о возрасте.

Ощущение старости пришло неожиданно и враз. Случилось это так.

Машина стояла у скульптуры Великому Пожарному, у памятника своему Учителю.

Здесь была самая высокая точка в городе. И дворики, обнесенные заборами-каменками, и дома, сложенные из шершуна, и даже скалы с зевластыми пещерами — все виднелось, как на ладони! Ни один пожар не ускользнет от взора!

Вниз, спускаясь с террасы на террасу, убегала мостовая. На булыжниках были выбиты изображения змеек: вилляек и расплющилок. Каменные мастера поработали так, что солнечные лучи выявляли их не всех сразу. В полдень видны были одни. Когда же лучи меняли угол наклона — старые исчезали, появлялись новые. Казалось, что змейки медленно перебирают по мостовой, греясь на солнце.

Когда все вилляйки и расплющилки сбились в тень, пожарная машина увидел Начальника Города. Он медленно поднимался к ней с тяжелой почтальонской сумкой на плече.

— Вот, зарплату принес! — сказал Начальник, тяжело отдуваясь, и раскрыл сумку. В ней он разносил горожанам «волнушки» — серебристые монетки из металла брякунца. На монетах чеканчики вычеканили крутые морские волны с шапками пены на гребнях.

— Из-за меня на такую верхотуру карабкались? — укоризненно спросила машина. — Я бы подождала и неделю, и месяц. «Волнушки» меня теперь мало интересуют.

— Можно подумать, они раньше вас волновали! — усмехнулся Начальник. Он устроился на пьедестале памятника и стал отсчитывать монеты.

— Знаете ли, волновали... И даже очень! — неожиданно сказала машина.

— В молодости я была беспечной и глупой. Мечтала накопить много-много «волнушек» и уехать в Столицу.

— Вот как?

— Да... — продолжила машина. — Я ненавидела наш городок. Когда скрипел под колесами песок, мне казалось, что это голос самой скуки. Я не выносила очередь, которая змеилась к хлипкому родничку. А уж любимый всеми Фонтан я просто презирала. Он казался мне образцом лицемерия. Я подолгу стояла возле него, у каменной рыбины, изо рта которой никогда не вылилось ни одной струйки воды, и вчитывалась в надпись, выбитую по бортику бассейна: «ЕСЛИ МОЖЕШЬ ОБОЙТИСЬ ВООБРАЖЕНИЕМ — ОБОЙДИСЬ!» Я пыталась следовать этой надписи. Пыталась вообразить, что над рыбиной взлетают высокие голубые струи, что изморось от них оседает на мостовые, на зонтики зевак. Пыталась почуять запах моря или дождя. И — не могла! В других случаях я тоже пробовала следовать совету наших предков: ОБОЙДИСЬ ВООБРАЖЕНИЕМ! Бралась увидеть зелень на городских улицах: мохнатые пальмы, причудливые камыши, даже экзотическую крапиву, которая от малейшего прикосновения выбрасывает в воздух облако зеленой пылицы. Но видела только невзрачные сухожилки.

— Ну, а обилие столичных ларьков и магазинов вы даже не пытались представить? — засмеялся Начальник.

— Пыталась! Я гасила фары и уверяла себя, что вдоль дороги — сплошные витрины. Совсем как в Столице! А за ними — вода, вода, вода... В больших дубовых бочках! В прозрачных пластиковых пакетах! В бутылках с яркими этикетками! В бумажных стаканчиках! В жестяных банках! Теплая и охлажденная. Обычная и минеральная. Настоянная на мяте, на корнях женьшеня, на плодах фейхоа... Для гурманов — вода с запахом болота, тины и лягушачьей рыски... Еще я заставляла себя поверить, что кругом натяканы такие же, как в Столице, автоматы: бросаешь в прорезь «волнушку» — и выскальзывает из холодильника ле-

дьяной кубик, большой или маленький, полый внутри или со вмержшими ягодами разных сортов. А из других автоматов высыпается в подставленный пакет пригоршня мохнатых снежинок или разноцветного града... Но фары зажигались — и моему взгляду представлялся единственный наш родничок. Кто-нибудь стоял перед ним на коленях и ждал, пока тот наполнится.

Машина обернулась в сторону родника, но его скрывал Маяк. Да, Маяк! Старинный, украшенный барельефами виляек и расплющенок. На основании башни блестели кованые из брякунца слова, нам уже знакомые: «МОЖЕШЬ ОБОЙТИСЬ ВООБРАЖЕНИЕМ — ОБОЙДИСЬ!»

Маяк и Фонтан соорудил один и тот же мастер.

Машина долго смотрела на старинную башню и наконец снова заговорила:

— И Маяк наш тоже не будил воображения. Хоть заглохни, но морей вокруг городка я не могла представить! А когда возвращалась из пустыни, не могла вообразить, что Маяк светит, подсказывает мне путь, зовет меня, ждет. И я засобиралась в Столицу. Я уже не мечтала, я холодно и расчетливо планировала. Вот накоплю «волнушек»! Доберусь до столичного города! Перво-наперво утолю жажду, набив полные баки водой, разными сортами! Потом куплю себе черный бархатный рукав с серебряным брандспойтом! Устроюсь работать киноактрисой! И придет конец скуке и грязной работе! Пожары в Столице будут не настоящими, а киношными. Дым — тоже. Копоть на мои бока нанесут гримеры, чтобы поправдивее получилось кино.

Я планировала купить себе огромный особняк и пожарные бочки, наполненные лучшей косметикой, среди которой — пудра из пылицы крапивы. Я твердо знала, что по вечерам, после съемок, буду пудрить свои бока в зеленый праздничный цвет, насмешливо вспоминая пыльный городок, где зелена только скука. Потом до полуночи буду бродить по столичным проспектам в окружении свиты. Пажи бережно понесут за мной бархатный рукав с серебряным брандспойтом. Пешеходы станут расступаться, узнавая меня.

А я буду любоваться огромным сияющим миром. Буду сорить «волнушками», покупая что ни попадя, и мысленно издеваться над теми, кто пытается жить одним воображением.

— Тридцать восемь «волнушек»... — сказал вслух Начальник Города, чтобы не сбиться со счета. И спросил: — Почему же вы не уехали?

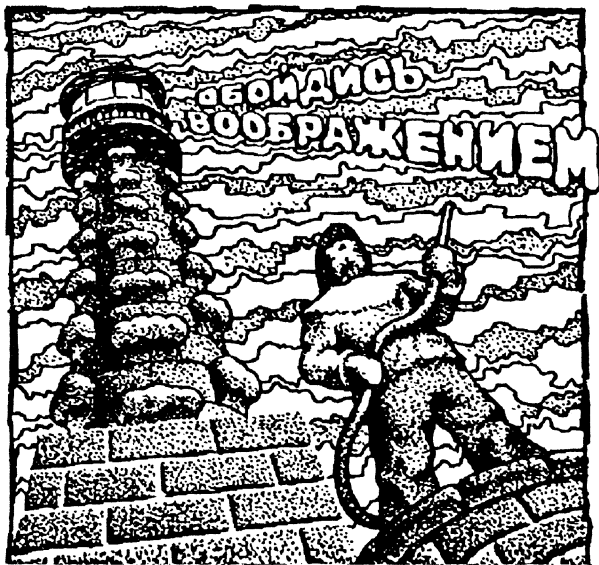
— Сами знаете. У меня появился Учитель, — машина кивнула на суровую старческую фигуру из шершуна. Памятник венчала сверкающая островерхая каска, металлическая, из брякунца. — Он никогда не смеялся над моими мечтами, но познакомившись с ним поближе, я сама поняла, насколько смешны эти мечты. Пока был жив Учи...

Вдруг машина оборвала себя на полуслове. Бросила из-под очков быстрый взгляд на город, на общественный музей, где хранились вещи и книги Великого Пожарного. И неожиданно включила сирену!

Рванулась с места!

Понеслась вниз по склону!

На поворотах вода тяжело билась в баках, но машина не сбавляла скорости.

Она нырнула в переулок. Круто вывернула на соседнюю улицу. С разгона влетела на пригорок.

На каменистом гребне грелись ящерицы. Пожарная машина резко вильнула в сторону. Заднее колесо задело о каменную кладку забора. Слетело с оси. И начало собственный путь в чей-то двор, к какому-то крыльцу. Машина же, не сбавляя скорости, летела с пригорка, балансируя на трех колесах.

Улица была тупиковой: в самом ее конце стояло поперек мостовой двухэтажное здание городского музея. Вход в музей охраняли огромные каменные змеены — мифологические змейки с крыльями.

Столкновение со змеенами ничего хорошего машине не обещало, но у крайней фигуры она резко тормознула. Очки слетели с фар, описали в воздухе петлю и повисли на змеином крыле.

Сделав еще один рывок вдоль музейного фасада, машина откинула боковой капот. Разматываясь, в воздухе взвился пожарный рукав. Повис на металлической оgrade. Тотчас напрягся. Широкий потоком хлынула из него вода.

«Уи-уи-уи!» — не переставая выла сирена.

На ее звуки из музея, из ближайших домов выбегали люди.

А машина шумно вдыхала и выдыхала воздух, чтобы лучше работала помпа, нагнетающая воду в шланг. Наконец вода в баках кончилась.

Машина мягко опустила на мостовую свою оголенную ось, ту, с которой слетело колесо. Расслабилась.

— Ваши очки... — сказал ей кто-то.

Машина нацепила на себя чуть запотевшие окуляры. Посмотрела перед собой. И похолодела!

За металлическим забором, как за решеткой каминна, по-прежнему билось багровое пламя, ровное, бездымное, неувядающее. Огонь то кудряво взлетал вверх, то опадал, выискивая лазейку между посеребренных прутьев решетки.

Это пламенела сухожилка, невзрачное городское деревце. Это ее пурпурные листья «подожгли» воздух.

— Вам плохо? — участливо спросил машину кто-то из горожан. — Как-то помочь?

(136)

— Не надо, — с трудом ответила машина и попросила: — Мне бы побыть одной..

Она отползла от мутных ручьев, бегущих из музейного парка, поджала под себя бесколесную ось и замерла на пожухлой траве. «До чего нахальная старуха, — подумала она про себя. — Надо же — осень попыталась загасить!»

...Вскоре с пригорка спустился Начальник Города. Перед собой он катил слетевшее колесо.

— Ничего страшного, — бодро сказал он. — Колесо мы сейчас вернем на место. Будет как новенькое!

— Ничего страшного, — согласилась машина. — Ни-че-го... Это просто старость!

— Да перестаньте! — прикрикнул Начальник. — Какая там старость?! Если бы вы настоящий пожар проворонили... А то — сухожилкину листву за огонь приняли... Подумаешь! Дерево-то, известно, проказливое! Я летом, бывало, выйду на улицу, а сухожилка и след простыл! Будто вспорхнули, как перелетные птицы-проводастики, и к морю улетели. Лишь синие ягоды в воздухе трепещут. Вгляжусь: а это в утреннем сумраке все ветки слились со стенами домов. Но восходит солнце — и ветки, сучья, листья начинают розоветь, проявляться в рассветном мареве. И сухожилка, как привидение, встает-возникает над забором. Вся подрагивает, словно смеется. Да сами знаете: шалунья наша сухожилка!

Начальник затянул гайки на колесе и отступил от машины.

— А однажды эта сухожилка.. — начал он.

— Я ухожу на пенсию! — сухо перебила Начальника машина. — Подготовьте мне замену.

Начальник стал серьезным. Вынул из кармана отсчитанные «волнушки». Поинтересовался:

— Куда зарплату? Как всегда — в баки?

С давних пор все деньги машина попросту собирала в свои резервуары с водой. Когда-то она прослышала, что металл брякунец не дает воде зацвести, вот и нашла применение монеткам. Почему-то ей казалось, что огонь нужно гасить чистой водой, не застоявшейся.

Начальник бросил деньги в пустые баки и, заглушая металлический грохот, сказал:

— Я подготовлю вам замену. Чуть попозже. А сейчас давайте заглянем ко мне в гости. Давно мечтаю показать какому-нибудь искушенному зрителю мою коллекцию. Ее пока никто не видел! Вы будете первой!

2. Пошивочная мастерская

Окончательно рыжего мальчика поймали на городской свалке.

К его чести надо сказать, что гнались за ним через всю Столицу.

Погоня началась утром.

В то утро мальчик, как всегда, слонялся по Торговому Кольцу. Он успел украсть из хлебного магазина пару кренделей с маком и с моченым горохом. Хорошенько лягнув прохладительный автомат, добыл целую горсть ледяных кубиков с ежевикой. Позавтракав таким образом, мальчик отправился к супер-ларькам, где продавались игрушки.

По пути он стянул с холщового прилавка-раскладушки белую кепку с рекламной надписью: «Магазины Фофа». Натянул ее себе на макушку.

В супер-ларьке, у стеллажа с надувными верблюдьми и пузырями, рыжик заметил преследование. Пританцовывая и отводя глаза, к нему бочком подбирался здоровенный детина в черном костюме.

Такое рыжик любил!

Он изобразил из себя растерянного недотепу. Как можно заметнее вытянул из корзины самый яркий пузырь, поспешно засунул его в карман. Двинулся к другому прилавку.

Там стояли коллекционные модели песочниц. Рыжий мальчик выбрал самую дорогую — с «грибком» из слоновой кости, с золоченым песком — и склонился над ней.

Преследователь хорошо отражался в полированном грибке. Вот он совсем приблизился, медленно занес руку...

Тут рыжик зажмурил глаза и изо всех сил дунул в песочницу. Мелкая золоченая пыль пыхнула в лицо верзиле. Рыжик отскочил в сторону и стал дожидаться, когда тот прослезится и прочихается.

— Держите его! — закричал продавец песочниц. Скорее всего, он имел в виду верзилу, который, проморгавшись, кинулся за рыжиком, унося дорогую золоченую пыль в складках костюма и в волосах.

Рыжий мальчик, подстегнутый воплями продавцов, ринулся вдоль улицы. Преследователь-мужчина — следом.

У шеренги прохладительных автоматов мальчик замедлил бег и, когда погоня приблизилась, двинул ногой один из автоматических холодильников. Из прорези выдачи посыпались ледяные кубики. Прямо под ноги «позолоченному» типу! Тот поскользнулся, взмахнул руками и рухнул на тротуар. Неуклюже поднялся. Но одуревший автомат, сработав еще раз, высыпал на асфальт новую порцию ледышек (с клубникой).

Верзила волчком завертелся на месте, потом, как неумелый конькобежец, выкатил на мостовую. Прямо под колеса розовому «Каталкеру»!

Водитель «Каталкера» резко крутанул баранку. Величественный лимузин на полном ходу вылетел на обочину и врезался в кокосовую пальму.

Лобовое стекло брызнуло мириадами осколков, большинство которых осело на одежде незадачливого «конькобежца». Вдобавок с кокосовой пальмы посыпались спелые плоды. Они рвались под ногами преследователя, как бомбы, и уверенности ему не придавали.

Рыжий мальчик пожалел своего соперника. Он нажал на светофоре кнопку «переход» и трусцой побежал на зеленый свет, показывая безопасный маршрут. Но преследователь, позолоченный, усыпанный битым стеклом, вывалившийся в пыль и окошечный, явно раздумал продолжать погоню.

Рыжик пожал плечами и побрел домой.

Он шел, не разбирая дороги. Перепрыгивал через узкие каналы, а через широкие — перелетал на ветках лиан. Прижимаясь животом к нагретой обшивке, змеей переползал через громадные трубы водопровода. С удовольствием вытаптывая драгоценную крапиву, пер напрямую через газоны. Только небоскребы при-

137

ходилось огибать, хотя будь рыжик покрепче — он с удовольствием протаранил бы любую попавшуюся на пути высотку, чтобы брызнули в разные стороны сткло да пластик!

Впрочем, многоэтажки становились все ниже и ниже. Потянулись неотличимые друг от друга лачуги.

Наконец рыжик уткнулся в необозримую помойку.

Здесь был его дом. Шалаш, составленный из пластиковых ящиков для бутылок и обтянутый упаковочной пленкой.

Откинув грязный полог, рыжий мальчик заглянул внутрь своего жилья. Проверил, все ли на месте. Вернее, на месте ли примус.

Это была самая ценная вещь в его доме.

Приближалась зима, и рыжему мальчику очень не хотелось бы остаться в холода без керосинового прибора. Ни согреться, ни чаю вскипятить!

Закопченный, испачканный разводами горячего, примус дождался хозяина.

Рыжик прикрыл пологом вход в шалаш. Хотел было двинуться к костровищу, у которого собрались обитатели свалки. Но тут чьи-то руки вцепились в его плечи.

Двое мужчин в черных костюмах цепко держали рыжего мальчика, а третий, не глядя на арестанта, докладывал по рации:

— Похититель кренделей с маком и моченым горохом, верблюдьих пузырей, ледяных кубиков, а также келок, соленых рыбьих хвостов, десятиклеточных шашек, павлиньих перьев, макета грачиного гнезда, витаминного корма для породистых голубей, несметного количества бульварных газет — ПОЙМАН! Выезжаем в центр! Ждите!

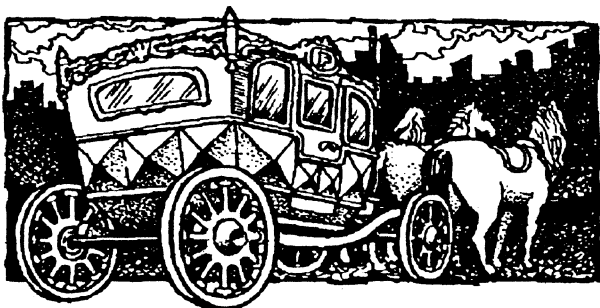
И рыжика поволокли от его родного шалаша.

За кучей мусора — рыжик не верил своим глазам! — стояла тройка белых лошадей, впряженных в серебристую карету.

Рыжего мальчика затолкали внутрь. Молчуны-мужчины в черном сели по бокам. Лошади тронулись!

Маленькие бродяги

повысовывались из убежищ и изумленно глазели на царственную упряжку. Кто-то разглядел за каретным стеклом рыжика.

— Эй, Примус! — окликнули его по прозвищу. — Так это за тобой? Что за выверты? Нашлись родители? К бедному попрошайке пожаловал папа-король?

И сорванцы завистливо загомонили, обсуждая новость.

— Хотел бы я посмотреть, кому из вас достанется мой примус, — буркнул про себя рыжик.

Неожиданно один из охранников на ходу выскочил из кареты, домчался до шалаша из пластиковых ящиков и вернулся с керосинкой. Он сунул кухонный прибор на колени рыжему мальчику. Повелевающе щелкнул пальцами.

Лошади перешли на рысь.

За окном мелькали кучи мусора. Рыжик кивнул на них и засмеялся:

— А свалку не захватим? Я хочу прибыть к папочке со своим наследством!

Охранники хмуро молчали.

— Ну ладно, ладно... — примирительно сказал Примус. — Не нравится — не возьмем! Мы придумаем для заботливого папочки другой сюрприз!

Рыжик покачал примусом — густо булькнул керосин! — и зажал его между ног. Выхватил из кармана спички! Чиркнул серной головкой о коробок! Красные отсветы заплясали на побелевших лицах охраны.

Один из мужчин хлопнул в воздухе ладонями, пытаясь прилепнуть огонек, словно моль или бабочку. Но Примус ловко увел свою руку в сторону. И сам дунул на огонь, погасив его.

— Как же, как же... — засмеялся он. — Так бы я и ждал, когда ты спохватишься! Если бы не беззащитные лошади, пылала бы сейчас карета, как та реклама!

Охранники покосились в окно и одновременно передернулись. За каретой бушевал рекламный огонь. Малиновые, багровые, тлеющие-синеватые буквы полыхали в вечернем воздухе и извещали со стен небоскребов:

МАГАЗИНЫ ФОФА!

ФОФ-ЦЕНТР!

БАНИ ФОФА!

«КАТАЛКЕРЫ» ОТ ФОФА!

Пятна неоновых световых пятен наполнили друг на друга, смешивались, опять расплывались по укромным закуткам, перемигивались, как картежные мошенники. Казалось, город объят беспощадным лихорадочным пожаром

Карета выбиралась на Торговое Кольцо.

Лошади привычно дождались, когда замрет у светофора поток правительственных «Каталкеров», по-

138) сольских «Вжихеров», малолитражных «Пипикалок», пересекли Торговое Кольцо и стали углубляться за его границу — к центру Столицы.

Здесь было тихо и пустынно. Надоедливая реклама не била в глаза. В сероватом свете фонарей строго и неприступно чернели решетки вокруг особняков и небоскребов. Пальмы за решетками были неподвижны и бесшумны — уж не боялись ли нарушить покой дешеских обитателей?

Карета остановилась у черного небоскреба.

— Бежать бесполезно, — неожиданно разомкнул губы один из мужчин. — Все подходы сюда под надежной охраной! В центр просто так не попасть, одному отсюда не выбраться! Пойдем!

Примуса вытряхнули из кареты. Взяли под руки. Повели к черному небоскребу.

Парадный подъезд едва теплился приглушенным светом, мягким, уютным и безопасным. Но охранники, не задерживаясь, прошагали мимо него.

Остановились они у незаметного крыльца, ступени которого вели вниз, в подвалы высоты. Над крыльцом висела табличка: «Пошивочная мастерская».

— Мне бы сперва к сапожнику! — захохотал Примус. — Одежду я себе уже добыл. В том самом ларьке, где мы сегодня встретились.

Мужчины в черных костюмах поволокли рыжего мальчика вниз по ступеням. Дверь за ними захлопнулась.

...Стояла тишина, неторопливая — у которой еще вся ночь в запасе.

В серых сумерках белели брошенные охранниками лошади.

Вдруг одна из тройки, пристяжная, резко пряданула чуткими ушами. Склонила шею в сторону «пошивочной мастерской». Замерла, прислушиваясь.

Вздрыгнула вторая лошадка. Еще раз, и еще...

Третья лошадь, охваченная волнением, ударила по асфальту копытом. Вскинула голову. И неожиданно заржала, жалобно и безутешно — как о потерянном жеребенке.

А навстречу этому лошадиному плачу уже открывалась дверь из подвала-«Пошивочной». И медленно поднимался по ступеням рыжик.

Его лицо было заплаканным. Копоть от примуса расплылась по ладоням и щекам. Намертво сведенные губы гляделись зло и, казалось, навсегда забыли дугу улыбки. Правый рукав рыжиковой рубахи был разорван. Из-под него виднелись бинты — это лежала на предплечье свежая повязка.

— Теперь в парадный подъезд, пожалуйста, — подсказал Примусу один из охранников. Все они держались от рыжего подопечного на расстоянии.

Примус подошел к серебристой карете. Выхватил из нее свою старомодную керосинку. Прижал к груди. Двинулся к главному крыльцу.

Проходя мимо лошадей, он бросил на них такой ненавидящий взгляд, что крайняя лошадь шархнула в сторону, будто от ночных волчьих глаз.

На парадное крыльцо выскочил швейцар.

— Господин Фох ждет тебя, — оповестил он. — Пожалуйста, в лифт! Шестьдесят шестой этаж, последний...

— Пош-ш-шел вон!.. — прошипел рыжик. Пересек холл и скрылся в лифте.

А в холле повис легкий запах копоти, окислившейся меди и керосина. Запах витал над бассейнами, где невидимые механизмы поддерживали постоянную рябь, над лотосами и маками в старинных амфорах, над клетками с декоративными кроликами. Запах примуса... — неверная ниточка из прежней рыжиковой жизни.

Тот охранник, что вошел в холл вслед за Примусом, шевельнул ноздрями. И схватился за голову.

— Истуканы! — прошептал он. — Мы забыли отобрать у мальчишки примус!

3. Прощание с проводастиками

Смотреть коллекцию городского Начальника машины наотрез отказалась. Она, как подбитая птица, дернула боковым капотом. Небрежно уложенный брезентовый рукав не дал капоту захлопнуться, но машина этого не заметила, вырuling на мостовую и поплелась к родному гаражу.

Правое переднее колесо изредка пронизывала острая боль. Тогда машина поджимала его и волочилась на трех.

Добравшись до гаража, пожарная машина забилась в самый темный угол.

В проем двери заглядывало серое небо. Пылевые облака медленно кружили над городком. А под облаками метались проводастики. Птицы никак не могли сбиться в походный строй. И кричали, кричали. Старшие — на повзрослевших птенцов, птенцы — огрызаясь...

Но — выстроятся! Может, уже под ночь соорудят наконец свою перелетную колонну-строй в форме бумеранга. И двинутся к ласковому морю, подальше от суховея, который несколько месяцев будет терзать, обжигая то зноем, то холодом, маленький городок в пустыне.

Первый «бумеранг» из проводастиков отделился от стаи. Вожак крикнул прощальное «Тюй-тюй! Тр-рюль!», и птичий строй поплыл к северо-западу, вращаясь вокруг невидимого центра тяжести. Чуть позже за ним двинулся следующий.

Начался перелет, начался...

Гомон птиц стал тише. А завтра небо будет молчать. И будут молчать облетевшие сухожилки. Город наполнится шорохом песка. Да песка ли? — скуки, скуки... Раскаленный днем и ледяной по ночам серый песок монотонно заскребет по жестяным стенам гаража и будет приучать машину к мысли, что старость — это скука, несбывшиеся надежды и сожаления, сожаления...

«А как, интересно, встречают старость столичные актрисы? — вяло подумала наша героиня. — Наверное, иначе, чем пожарные машины-провинциалки!»

В машине проснулась жалость к себе. Стало обидно, что не накопила «волнушек», не уехала в многоликую, полную веселья и развлечений Столицу, не купила черно-бархатного рукава с серебряным брандспойтом.

Из-под фары выскользнула горячая слеза и медленно побежала по радиатору.

Вдруг дверь гаража лягнула. Раздвинулась пошире.

— Хозяйка дома? — раздался игривый вопрос, и чья-то растрепанная голова появилась в проеме. На

макушке возвышался жестяной колпак. Он дымился, словно супница.

Машина недоуменно оглядела шутовской убор, сильные струйки дыма, бьющие из прорезей, потом горько сказала:

— Я не вижу вашего лица, его загораживает тень издевательского колпака. Но это к лучшему! Не хочу знать, кто потешается надо мной. Пойдите смеяться в другой дом, туда, где еще не знают, насколько комична сегодня пожарная машина!

— Матушка-машинушка, да вы что?! — вскрикнул посетитель и полностью возник на пороге. — Какие шутки?! Я к вам по делу. С отчетом, можно сказать. Где тут у вас выключатель? Давайте-ка огонек затеблим! Смеркается.

Машина не шевельнулась, лишь ненадолго включила одну из фар. Луч света уперся в выключатель. Не высокий мужчина в мятом костюме подскочил к нему, щелкнул тумблером, — и электрические разряды воспламенили газ в рожках.

Разлился мутный свет. А силуэт сухожилки за дверью и забор-каменка враз потемнели.

— Машинушка-пожарушка, не узнала? — сбросив с себя игривость, спросил мужчина. Осторожно снял колпак, который продолжал куриться. Поставил его на верстак.

— Узнала, — сухо ответила машина. — Одноэтажный дом в тупике, слева от Маяка... Три года назад во дворе загорелся хворост. Неосторожное обращение с золой! Два года назад, в такой же суховея, отобрала у вашего малыша спички. А совсем недавно пришлось делать серьезное замечание: на печной трубе проржавел искрогаситель.

— Вот-вот, искрогаситель! — обрадовался гость. — А вы говорите: издевательство... Какое тут издевательство? Это и есть искрогаситель! Новехонький! — Мужчина махнул мятым рукавом в сторону колпака. — Принес на утверждение! Смотрите! Решайте, можно ли такой на трубу? Только быстрее! Сейчас дым кончится. Там внутри, на нитке — дымовая шапка.

Машина недоверчиво привстала на задние колеса. Внимательно оглядела жестяной конус с прорезями. Смущенно произнесла:

— Действительно, искрогаситель! Сработано мастерски! Дым валит беспрепятственно, а искры задерживаются.

Мужчина заулыбался и вдруг подскочил к двери. Свистнул, подражая проводастикам: «Тюй-тюй! Тр-рюль!»

На явно условленный сигнал выплыла из темноты высокая женщина в белом платье. В руках она держала трехлитровую банку, синюю изнутри. Едва поздоровавшись, женщина затараторила:

— Значит гаситель одобрен? Ну и славно! Очень вовремя! Суховея наступает! Пора каминны топить, а как без гасителя?.. В са-

мый раз мы с этим «колпаком» успели! Днем жарко, а ночью без камина не согреешься, так и веет из пустыни морозом. Всю меня просквозило, пока под каменной стояла... — Женщина вдруг растерянно смолкла. Потом заговорила еще чаще: — Давайте чайку поьем. У меня варенье с собой. Чайник, я вижу, есть. В ведерке что — водичка? Сейчас вскипятим, отогреемся. Зуб на зуб не попадает!

— Прикройте дверь, — посоветовала пожарная машина, прикидывая, как разместить гостей. — В гараже-то тепло!

— Нет-нет! — испугалась женщина и белым пятном отпрянула от двери. — Прикрывать нельзя! Потому что... потому что... — Она прикусила язык.

Но было уже ясно, почему не надо закрываться.

За спиной женщины возник какой-то неторопливый старик. Его лицо облегли старенькие пылезащитные очки.

— Можно на огонек? — хитровато спросил старик. — Вышел на улицу — и гадаю, чей дом так гостеприимно светится? Решил заглянуть.

Он снял очки, повесил их на согнутый локоть и продолжил:

— Сегодня никак нельзя одному дома сидеть. Сегодня проводастики улетают. Грустный день. Непредсказуемый. Опустевшее небо делает нас одинокими. Вместе надо в эти минуты держаться. Я, кстати, пряники захватил. К чаю.

— А мы варенье... — послышалось за спиной старика, и в гараж впрорхнули две девушки. Они были одеты в парадную форму сотрудниц городского музея. На погончиках серебрилось созвездие Детская Песочница: четыре крупных звезды по краям, а между ними — россыпь мелких блесков.

— Мы тоже варенье принесли. Но не из синих ягод, а из оранжевых, — ревниво заметила одна из девушек. — Это чуть подушистей!

— Откуда вы знаете, что у меня синее варенье? — спросила женщина в белом платье.

— А мы не знаем, — смутились девушки. — Мы догадываемся. Нам велели принести оранжевое варенье, значит синее уже есть.

— Велели принести? Кто велел? — грубовато спросила машина и застыдилась своего вопроса.

Какая разница, кто велел?! Разве плохо сделал этот неведомый распорядитель, собрав сюда горожан? Разве не потеплело на душе у машины? Разве не отступились на время холодные мысли и горячие слезы?

Старик с пылезащитными очками наверняка думал так же.

(140)

— Велел кто? — переспросил он и решительно ответил: — Небо. Небо без проводастиков. Это оно приказало нам собраться здесь. Попить чаю с вареньем. Повеселиться и погрузить. Поговорить и помолчать. Показать одному чудищу-коварищу по имени Одиночество, что оно перед нами — козявка!

— Небо так небо... — согласилась пожарная машина. Она надела фартук и захлопотала у плиты. Повеселюшие девушки взялись ей помогать.

Горожанин в мятом костюме снова натянул на затылок жестяной искрогаситель.

— Выйду на улицу, — пояснил он. — Встречу остальных.

— Конечно, конечно, — всполошилась машина. — Что же за порогом-то мерзнуть? Чаек уже вскипел, заварился.

...Вскоре гараж заполнился празднично одетыми людьми. И чаепитие началось!

Вился над чайными блюдцами ароматный пар, льнул к румяным щекам горожан. Неторопливо бежал разговор: о проводастиках, об их пустых гнездах, о наступлении суховея и, конечно, — о чудище-коварище по кличке Одиночество.

Машина в разговор почти не вмешивалась. Слова мешают внутреннему зрению, а машине хотелось попристальней взглянуть в себя: не кружат ли в ней, как мусор в воде, остатки отчаяния, скуки, одиночества и сожаления? Затем и собрались здесь горожане, чтобы очистить ее душу. Негоже их огорчать!

Молчала машина и из-за светловолосого малыша с ободренным носом. Тот с самого начала путался под ее колесами, потом забрался в кабину, долго ворочался, примериваясь к рулю, и вот — заснул, засопел.

— Мой кроха угомонился. Теперь можно обсудить самое главное! — неожиданно сказал один из гостей. Это был Спичечник, отец светловолосого малыша. Машина хорошо его знала, потому что провела не одну памятную ночь возле опасного заводика, снабжающего спичками весь городок.

— Госпожа машина! — сказал Спичечник. — Мне нужен ваш совет. Все знают, что на моих спичечных коробках нет этикеток. Чтобы их отпечатать, требуется краска. А краску добывают из сока сухожилки, из шариков золотозема, лежащих в глубине шершуна, из стеблей редчайшего растения Усы-Топорщим...

— Какие непростительные потери! — в ужасе вскрикнули музейные девушки.

— Да, — согласился Спичечник, — взорванный шершун, изрезанные деревца, не говоря уже про Усы-Топорщим — потери глупые и неоправданные. Кроме того, этикетки — излишество. А это не в наших тради-

циях. Спички хороши и без этикеток. Так даже лучше: смотри на коробок и представляй, что хочешь, любой рисунок! Но это я к слову... Совет же мне нужен такой... Вы, конечно, знаете, что такое Мусорный Ветер?

Машина передернулась. Еще бы не знать!

Мусорными назывались те ветра, которые докатывались до городка со стороны столицы. Их пришествие означало для пожарной машины полную боевую готовность. Такие ветра наносили на улицы кучи хлама: обрывки засаленной бумаги, сухую кожуру бананов, рыбью чешую, изодранные газеты... Горожане бросали свои дела, сметали столичные «подарки» в кучи и поджигали. А машина, утроив бдительность, металась между костров, призывала к осторожности и проклинала нечистоплотных жителей Столицы.

Заговорив о Мусорном Ветре, Спичечник тоже скривился. Брезгливо встряхнул ладонями и стал рассказывать про последнюю мусорную стихию.

Тогда хлама прилетело больше обычного. Спичечник с женой и сыном весь день трудились не покладая рук. Стараясь не повредить сухожилку, распутывали с ее ветвей нитки и лоскутья надувных верблужьих пузырей. Выметали из-под крыльца бумажные плевательницы и гильзы папирос. Даже в трубу пришлось залезть: в ней застряла большая пенопластовая коробка.

Коробку доставал сын Спичечника. Когда малыш спустился с крыши, он не стал бросать пенопласт в огонь, а засмотрелся на рисунок.

На пенопласте серебристой краской был нарисован странный аппарат, похожий на уют, мясорубку и настольную лампу одновременно. Еще на коробке значилась красная надпись: «САМЫЕ ЛУЧШИЕ ТИРЛИМБАНДЕРЫ — У ГОСПОДИНА ФОФА!»

— Что это? — спросил малыш у Спичечника.

— Тирлибандер? Что-то вроде настольной лампы, которая прокручивает мясо и может гладить белье. Да не ломай голову! Лампа у нас есть. Мясорубка и уют — тоже. А тирлибандеры нам не нужны!

— Я про другое... — печально сказал малыш. — Что это такое? У них там в Столице есть Большой Человек, Герой, Великан. Они даже на коробках от тирлибандеров пишут его имя: Фоф! И на пачках сигарет то же имя: Фоф. И на оберточной бумаге: Фоф. Они никому не боятся объявить, что у них есть Большой Человек, Герой, Великан. А мы? Или у нас нет Великанов?

Спичечник долго смотрел в костер, наблюдал, как сгорающая бумага некоторое время хранит на себе столичное имя: Фоф. А когда мусор превратился в пепел, Спичечник решил сделать своему сыну подарок. И ему, и остальным детям.

В подвале его заводика со стародавних времен хранилось несколько банок краски. Была там бордовая — вполне подходящая, чтобы нарисовать языки пламени. Была в тон брякунца — словно специально дожидалась, чтобы раскрасить на бумаге пожарную каску. Была зеленая, точно такая же, как роба у Великого Пожарного...

И Спичечник загорелся!

Машина, внимающая Спичечнику, произвольно охнула.

— Да нет, — улыбнулся тот. — Я загорелся идеей. Вы уже понимаете, какой... Я решил отпечатать спи-

141 чечные этикетки с Великим Пожарным. Пусть дети помнят, что и у нас есть Большие Люди, Герои, Великаны.

— Хорошо! Правильно! Отличная мысль! — раздалось сразу несколько похвал.

— Идея-то хорошая, — согласился Спичечник, — но чуть я ее не испортил. Художник нарисовал, как Великий Пожарный бьется со свирепым огнем. Картина получилась яркой, героической. А надпись подкачала. «НЕ ШУТИТЕ С ОГНЕМ!» — такие слова должны были лечь на этикетку. Я уже развел краски, раздобыл печатный станок, как вдруг опомнился! Разве такую надпись нужно нанести на картинку? Разве мог большой Человек, Герой, Великан изрекать банальности? То есть, изрекать-то он мог все что угодно, но для этикетки хочется выбрать самое важное. Я жду от вас, уважаемая машина, помощи! Великого Пожарного вы знали лучше всех. Напрягите, пожалуйста, память! Подскажите нам самые емкие слова вашего Учителя!

Машина послушно задумалась. Словно бесхитростная дорога, развернулась перед ней прожитая жизнь...

Вот они с Великим Пожарным бредут по городу. Машина только приступила к службе — и все ей внове. Учитель рассказывает, как погасить тряпье и как — хворост, чем опасна раскаленная черепица и чем — шершун. Он учит машину отличать каминный пожар от свечного, самовозгорание — от детских шалостей. Он много раз повторяет, где прячутся в горящем доме испуганные дети...

Вот машина жалуется Великому Пожарному на скуку, заговаривает о Столице. А тот пропускает ее слова мимо ушей и сворачивает к какому-то дому.

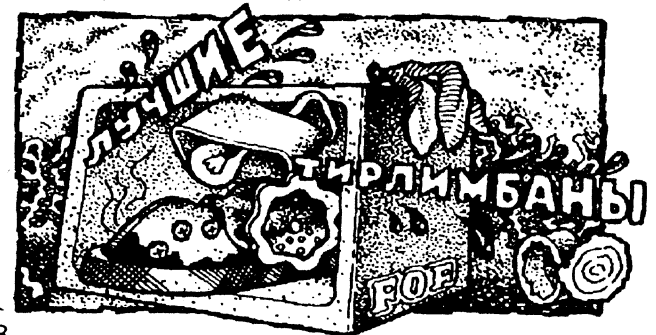
«Ты должна знать городок, как свои колеса!» — заявляет он и входит во двор. Останавливается у рогатины, на которой хозяева сушат мытые банки.

«Может показаться, что рогатину должно спасать в последнюю очередь, — говорит Пожарный. — Но посмотри! В ее стволе устроил норку паук-снеговик. Он ослепительно бел, поэтому днем прячется от проводастиков. Вот многие и не знают снеговика! Не подозревают о его существовании!»

Машина и Пожарный долго стоят у рогатины. Разглядывают ловчую сеть снеговика. Паутинка составлена из крохотных снежинок, настолько привлекательных, что машину не оттянуть от них!

«Случись пожар, паутину, конечно, не спасти, — думает она. — А снеговика спасу обязательно! Теперь я знаю, где обитает творец ажурных паутинок!» Про скуку же машина совсем не думает...

Вот Великий Пожарный совсем постарел. Ему тяжело говорить, но он улыбается. Шепчет: «Не горюй обо мне, машина! Я покидаю вас счастливым! Я побе-

дид много пожаров, и больших, и маленьких! А несколько раз бросал вызов даже самым сложным в мире! И тоже не проиграл!»

«Каким — самым сложным?» — шепотом спрашивает машина и ловит каждое

слово Учителя.

«Самый сложный случай в нашем деле — это пожар в сердце. Самый опасный случай! — медленно произносит Великий Пожарный. Говорить ему труднее и труднее. — Сердце не должно быть ледяным, оно должно светиться теплом. Но иногда в нем вспыхивает всепожаряющее пламя — пламя ненависти, зависти, жадности...»

«Что делать с такими пожарами?» — торопливо спрашивает машина.

«Мои советы тебе не помогут, — отвечает Учитель. — Как одолеть сложный случай, ты должна узнать сама. Такие секреты раскрываются с опытом». Он замолкает...

Машина вздохнула. Подумала, что никаких секретов ей так и не открылось. Сложные случаи обошли ее стороной. А может, она их проглядела?

Спичечник ждал ответа. С нетерпением смотрели на машину и остальные гости. Девушки из музея раздобыли где-то бумагу и карандаш — записывать...

Машина усмехнулась.

— Фраза короткая, без карандаша запомните. Если этикетки с Великим Пожарным получатся, пусть на них будет: «САМЫЙ ОПАСНЫЙ ПОЖАР — ПОЖАР В СЕРДЦЕ». Или все-таки длинно?

— В самый раз, — ответил Спичечник. Он немного помялся и снова спросил: — Машина, а если и ваш портрет на этикетку?.. Тоже с какими-нибудь словами, с вашими, а?.. Подскажите, что напечатать?

— Будто не знаешь! — донеслось вдруг из-за порога.

В гараж протиснулся Начальник Города. Он довольно оглядел собравшихся. А Спичечнику погрозил пальцем:

— Уж ты-то должен знать все высказывания машины! Вспомни, как она выражалась, когда в очередной раз заливала водой твой заводик! Хотя, нет, это не для детей... Выберем что-нибудь попроще! Может, вот это? «ГАСИТЬ ПОЖАРЫ НУЖНО ЧИСТОЙ ВОДОЙ, НЕЗАСТОЯВШЕЙСЯ!» Не так глубокомысленно, как у Великого Пожарного, но вполне, вполне симпатично. А главное, эти слова не расходились с делом. Могу подтвердить. Сам «волнушки» в баки ссыпал, чтобы вода не цвела... Как вечер, госпожа машина? Удался?

Не дожидаясь ответа, Начальник Города приложил палец к губам.

— Тс-с! — выдохнул он. — Вечер на исходе. Догорают каминны в домах. Дремлет пустыня. Засыпа-

ют вилляйки и расплющилки. Утих на время песчаный ветер. Еще на один день наш городок избежал ненужных встрясок, и пусть таких дней будет несчитанно. Вот только проводастики улетели... Но они обязательно вернуться. Им ли, сторожевым здешнего неба, не знать, что под этим небом все осталось по-прежнему: мы были вместе, мы никого не оставили наедине со своими тяжелыми думами, мы не принесли зла миру, который вокруг нас. Так пусть спокойным будет птичий перелет! И наш сон тоже! Прежде, чем попрощаться до утра, я хочу показать вам свою небольшую коллекцию. Мало кто ее видел. Мало кто знает, что я собираю детские панамы, фуражки, шляпы, пилотки. Не всякие, конечно, а те, под которыми в детских головах рождались светлые-пресветлые мысли. В моем собрании есть беретик, которому сто лет. Мальчик, который его носил, мечтал связать много-много варежек для проводастиков. Чтобы хватило на каждое крыло! Он думал, что тогда птицы ни на миг нас не покинут. Мальчик вырос. Понял, что варежками проводастиков не согреть. Но свет его детской фантазии так пропитал берет, что он и сейчас излучает сияние. А принадлежал берет Великому Пожарному... Про остальное я рассказывать не стану. Смотрите и додумывайте сами.

Начальник Города выключил свет в гараже. Настежь распахнул двери.

В вечернем мраке машина и ее гости увидели знакомую сухожилку у забора. Именно на нее развесил свою коллекцию Начальник, — и сухожилка светилась.

Словно светлячки, голубовато мерцали нацепленные на ветви панамы.

Прожженная соломенная шляпа на вершине дерева разливала вокруг себя лунный туман.

Розоватый свет трепетал вокруг девчоночьих косынок, вокруг газетных треуголок.

Дымчато-молочные, лазурные, зеленоватые пятна света висели над ветками, как пышные бутоны цветов.

Словно утренняя река туманом, словно охотничья избушка снегом, низкорослая сухожилка была окутана светом вековых детских фантазий. Свет этот не разбивал окружающего мрака, но его потуги на всемогущество развенчивал...

Люди молча выходили из гаража, и светлячковое сияние касалось их лиц, плеч, ладоней.

А машина вдруг заметила, что и в ее кабине разлито призрачное серебристое облако. На спящем малыше мерцала старенькая кепка.

Сыну Спичечника снился какой-то сон. Не исключено, что о проводастиках.

4. Полет в «Каталкере»

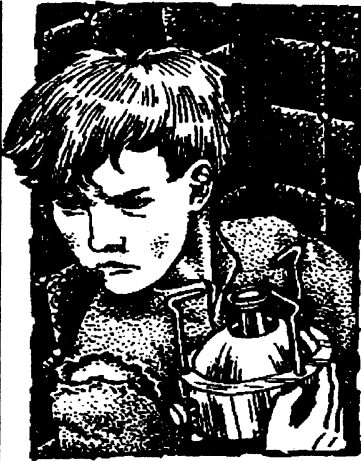
В лифте небоскреба рыжик взвел примус.

О безобидной кухонной горелке он так и подумал: «Успеть бы в з в е с т и...» — как о грозном оружии.

Он поспешно накачал в поддон примуса воздух. Отвернул вентиль. Из головки забила сжатые струи воздуха вперемешку с керосином.

Рыжик одной рукой обнял примус, словно гандбольный мяч. Во второй зажал спички.

Лифт плавно спешил вверх. Он был обит угольно-черными с червеной искрой драпировками.

Примус злорадствовал. Несколько мгновений — и под стать лифту украсит он кабинет господина Фофа. Одной — не привыкать! — рукой чиркнет спичкой о коробок. Горящую спичку — к примусу! И прокатится под сухими стульями, по коврам, по бумагам огненный клубок. И оставит за собой след, такой же, как обшивка лифта, густо-черный, с мерцающими угольками!

Лифт остановился на последнем этаже.

Расползлись в сторону дверцы.

Примус выскочил из лифта. И замер.

В окаймлении стеклянных стен раскинулось перед ним огромное помещение безо всяких закутков и перегородок. Во весь этаж! Пол был грубо забетонирован, а на шершавом бетоне стояли... автомобили.

Бесподобные «Каталкеры»!

Автомобили выстроились, как мальчишки в хоре: рядами-дугами, вполоборота к рыжику, чтобы не заслонять друг друга.

Первая шеренга состояла из машин сплошь черного цвета. Среди черных «Каталкеров» не было ни одного одинакового.

Ближе остальных стоял перед Примусом вытянутый автомобиль с прямоугольным кузовом. Обод и спицы были белыми. На капоте высилась белоснежная скульптурка: весы для обмера драгоценностей, с небольшими чашечками. Чашки отклонились так, будто их сшибает встречный ветер. На лобовом стекле виднелась легкая гравировка: «1 кг», «2 кг» и так далее — будто на шкале весов. А «дворники» напоминали весовую стрелку.

Соседний автомобиль был мягче в своих линиях, плавнее. Над передним колесом выпирало бочкастое крыло. Хвостик этого крыла тянулся вдоль всего кузова до заднего колеса. Там он завивался в сложный вентзель, и заднее колесо полностью скрывалось под этим вензелем. Вместо крыши над «Каталкером» был распахнут черный тент с белыми звездочками.

Примус заглянул внутрь автомобиля. Сиденья обтянула белая кожа, на ней в продуманном беспорядке золотились выпуклыми рельефами звезды. На каждой звезде виднелся оттиск: «Фоф». К внутренним

панелям крепились юркие вентиляторы. А с рулевого колеса свисала тяжелая золоченая бахрама.

У рыжика защекотало ладони: это он представил, что руки лежат на ободу руля, и шершавые золотые нити успокаивающе бьют под струями вентиляторов по пальцам.

Рыжик затащил вентиль примуса и поставил горелку на пол. Потер ладони. Подошел к следующему «Каталкеру».

Здесь кузов казался сложенным из мятой бумаги-копирки, — на сгибах она отливалась серебром. Ветровые стекла от хрустальных насечек по краям словно заиндевели, — уж не замерзшее ли оконце лачуги? А над капотом возвышались два оперных фонарика с вычурными хрустальными колпаками.

Примус открыл переднюю дверцу.

Под приборной доской он увидел небольшой решетчатый свод. Рыжик не сразу, но отгадал, что это камин. И клаксон он узнал, хотя тот не напоминал ни один из виденных и был — словно крепко скатанный снежок, лежащий среди приборов.

Примус коснулся «снежка».

Раздался нарастающий звук. Он напоминал вой метели.

Рыжик испуганно отдернул руку.

— Иду, иду... — вдруг раздался откуда-то бодрый голос, чуть сбитый одышкой.

Примус поспешно выскочил из машины.

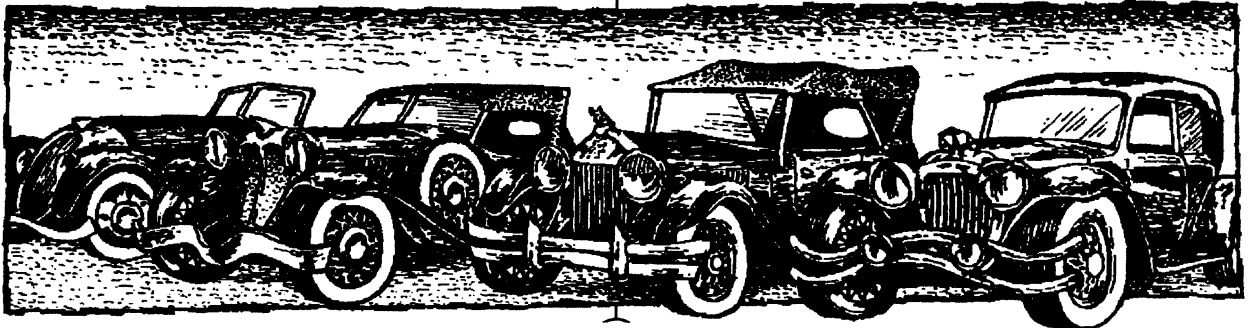
К нему, через лабиринт автомобилей, зигзагами приближался невысокий толстячок. Почти лысый, если не считать куцей рыжей прядки над левым виском.

Толстячок замер перед Примусом. Коротко оглядел его. Хихикнул:

— И впрямь рыжий! Как я в молодости! Ох, какую огненную шевелюру я носил! А сейчас что осталось!.. — толстячок беспечно крутанул короткой шеей, показывая Примусу затылок. Затылок был лыс. Лишь на шее пушились несколько кустиков волос.

Толстячок придвинулся к Примусу. Обнял его за плечи, стараясь не касаться бинтов. Легонько развернул мальчика лицом к автомобилям.

— Ну и как? Нравится? Обратил внимание, что я их по цветам расположил? Сначала — черные. За ними — серые «Каталкеры». Потом — фиолетовые, синие, голубые. А в последнем ряду — белые! Конечно, можно было бы по годам выпуска... Но так простривать получится. А если по моделям выстраивать, тоже нехорошо для глаза. Ты сейчас в «Грозу пустыни» в черную заглянул, а есть «Каталкер» этой марки сиреневый. А «Гроза пустыни-8» — зеленая. Последняя же модель «Грозы» вообще ни в один ряд не вписывается! Красавица! Любимица моя! Эту модель я храню под ма-

товым колпаком, чтобы ни один посторонний взгляд ее не коснулся, не осквернил. От всех прячу, даже от своих помощников. Ни один охранник ее не видел! А ты увидишь!..

Толстячок развернул Примуса к себе лицом. Заглянул ему в глаза.

— Ну, вот и познакомились. Это моя коллекция. Это... — толстяк указал на себя, — Фоф! А ты, конечно, Примус! Вот и встретились, мирно, запросто и — навеки! А то — не поверишь! — мои охранники панику устроили. Рыдают по рации: «Осторожно, господин Фоф! У мальчишки в руках спички!» Да хоть бомба! Тот, кто первый раз видит мою коллекцию, — тот столбенеет прямо на пороге лифта. Даже седые старики-компаньоны проглатывают языки, замирают со сведенными ладонями. А что говорить про мальчишек?!

Фоф снял руку с примусовых плеч. Стал пальцем завивать рыжую прядку над своим виском. Редкие волосы скрутились-таки в локон, в противный локон тараканьего цвета. Фоф подбросил его головой. И раздельно произнес:

— ПРЕЖДЕ, ЧЕМ ПОДАРИТЬ ТЕБЕ ЭТИ МАШИНЫ...

Он замолчал и быстро двинулся вперед.

Он не приглашал за собой рыжика. Но рыжик, сквозь мгновенную бурю чувств, вдруг понял: надо немедленно идти следом.

И Примус, независимый, гордый Примус, как дворян, покорно засеменил за Фофом.

Фоф то убыстрял шаг, то замедлял. Он словно нарочно петлял по этажу, протискивался между «Каталкерами», похлопывал их по капотам, сворачивал и несся по просторным проходам.

Примус точнехонько повторял его путь.

Вскоре они оказались у невзрачного пластикового купола. Фоф немного поколдовал над матовой поверхностью, и одна из долек купола поползла вверх. Фоф повернулся к Примусу, закрыв собой образовавшуюся щель.

— То, что за моей спиной, — сказал он, — еще никто не видел! Лишь по названию гадают, какая-то модель здесь запрятана. А название-то!.. У всех моих «колесниц» имена воинственные, наступательные, зубодробительные. Эту же я величаю по-домашнему. С юморком. «Змеинные кожурки»!

— «Кожурки»?

— Ну да! Я любовно называю «кожурками» змеиную кожу. Для этой модели понадобилось пять тысяч вяляек и расплющилок. Их «кожурки» — основной отделочный материал. Мои охотники ноги в кровь избили, пока добыли сырьё, сколько надо.

Фоф отступил в сторону, и рыжик увидел под куполом «Змеинные кожурки».

По первому взгляду «Кожурки» походили на плете-

(144)

ный кузовок. Бока обтянуты перевитыми кожаными полосками. Плетеным был и мягкий откидной верх. На этом сходство с корзинкой кончалось, ибо там редко кто подбирает прутья по цвету. Полоски же кожи были соединены так, что серые пятнышки сливались с серыми, желтые с желтыми, даже трещинки продолжали одна другую и завивались в сложные орнаменты. Внутри и снаружи автомобиля не было никаких лишних украшений. И это лишь подчеркивало его простоту и изящество. Машина с кожаными боками затмевала все! Плюхнуться бы за руль!..

Но Фоф не позволил задержаться здесь. Он вернул пластиковую дольку купола на место и двинулся дальше.

— Красавцы, — бормотал про себя Фоф. — Не машины — чистокровные рысаки! Не рысаки — стройноногие фотомодели! Одно обидно... — Фоф вдруг остановился у роскошной белой машины и обернулся. — Обидно, что не разговаривают. Я с ними и так, и сяк... А они молчат. Как рыбы. Как манекены.

Фоф открыл дверцу «Каталкера» и отступил в сторону, приглашая Примуса внутрь.

Примус смущенно — ну, не пастушок ли на королевском балу? — присел на краешек водительского сиденья.

«Каталкер» стоял, развернувшись носом к прозрачной стеклянной стене небоскреба. Плавные линии белоснежного капота искрились металлическим конфетти из брякунца. Брякунцом были обведены и выпученные — не рачьи ли глаза? — надфарники. А за ними...

Примус поднял взгляд и похолодел. За прозрачным стеклом расстилалась бескрайняя Столица. Ползали далеко внизу машины, неторопыги-машины-муравьишки. Ярко светилось Торговое Кольцо, не такое уж большое, если с небоскреба...

И плыли, плыли по городу цветные волны рекламы:

ЗАВОДЫ ФОФА.

РАДИО ФОФА.

МОРОЖЕНОЕ «ФОФ-ОЗНОБ».

ВОДА ОТ ФОФА.

Белый «Каталкер», отделанный брякунцом, казалось, плывет по ночному воздуху, разноцветные волны покачивают его, вот развернули, понесли на антенны соседнего небоскреба...

У Примуса закружилась голова.

Фоф щелкнул выключателем. В салоне зажглись желтые фонарики, — и видение Столицы померкло.

— Привыкнешь, — сказал Фоф с соседнего сиденья. — Полюбуйся-ка салоном! Эта модель называется «Горная затрещина». Обшивка по спецзаказу!

Бежевую обивку салона украшали бронзовые заклепки. В виде... примуса! Маленького стилизованного примуса!

Рыжик, задыхаясь от волнения, посмотрел на рулевое колесо. По ободу, переплетаясь, тянулись буквы: «ПРИМУС-ПРИМУС-ПРИМУС-ПРИ...» Собственную кличку рыжик обнаружил и на тормозной педали. Там она выглядела изящной монограммой, выдавленной на белом пластике.

Примус дернул ногой. Изо всей силы надавил на тормоз, на белый пластик, на свое имя. Будто пытался остановить, задержать, навсегда застопорить эти невероятные, чудесные секунды жизни.

Фоф улыбался.

1145)

5. Опасная дружба (рассказ Фофа)

Когда-то и Столица не отличалась от любого захолустного городка. Люди жили в небольших домишках из шершуна. Ухаживали за неприхотливыми деревьями сухожилками. Днем работали, а по вечерам любили собираться вместе. Разожгут камин, замрут у огня и о чем-то шепчутся. А то — петь вздумают!

Понятно, богатство к этим певцам не очень-то стекалось.

А под Столицей, в дремучих скалах, с давних времен обосновались три разбойника. Три брата Фофа.

Всю жизнь Фофы работали не покладая рук. По-своему, конечно, трудились, по-разбойничьи. С утра выходили на большую дорогу. Ждали, не появится ли кто...

Но что горожанам в пустыне делать? Им в городе веселее. Так что возвращались братья-разбойники к своим скалам несолоно хлебавши. А если иногда какой бедолага все же попадался в разбойничью засаду, не много удачи приносил он Фофам. Пусты были его карманы. А если «волнушки» и водились, то совсем немного, не больше двух-трех. Разве это пожива? Навару от случайных разбойничьих налетов никакого, а нервотрепки — выше головы! Ведь каждый ограбленный считал своим долгом сказать разбойникам: «А теперь вы ко мне в гости! Посидим у камина! Поподем!».

«Иди работай! — рычали от негодования разбойники. — В кармане ни гроша, а туда же — петь... Деньги зарабатывай, а не веселись! Что за срам: взять с тебя нечего!».

Но разве разбойники указ беспечным горожанам? Не слушались Фофов столичные жители. Работали, сколько считали необходимым, и веселились, когда хотели.

Однажды разбойникам это надоело.

«Мы уже старые, — сказал старший брат Фоф. — Скоро помирать придется. А детям оставить нечего. Какое наследство мы приготовили для наших любимых разбойничат, для наших Фофчиков? Всего ничего! Корзину «волнушек» — и ту не с верхом! Кошмар! Но еще кошмарнее другое «наследство» — этот нищий город, возле которого дернула нас судьба остановиться. Насто он кое-как кормил. А детей наших? Разве Фофчики нам простят, что мы им на растерзание ничего не оставили?!».

Младший брат горестно поддакнул:

«А и вправду не простят! Давайте-ка свинчивать отсюда побыстрее.

Туда, где люди не песни поют, а «волнушки» считают да по тайникам прячут. Нам тех тайников уже не выведать, так пусть хоть Фофчикам от них прок будет!».

Но старший брат не согласился:

«Так не годится! Бежать отсюда проще

— Я долго искал тебя, Примус, — снова заговорил он. — Мои охранники перебрали тысячи сорванцов. Но ни один не подошел! Мне требовался рыжик. Чтобы все ахали и говорили: «Ну, вылитый Фоф в детстве!» Мне нужен был ловкач и прыгира, которому ничего не стоит бесплатно набить карманы на Торговом Кольце. Подобных мальчишек мои охранники приводили десятками. Но чёго-то в них не доставало... А знаешь, чёго? Клички! Задиристой, вызывающей клички! Твои нищие соседи по свалке думают, что окликают тебя по названию какой-то вонючей керосинки. Как они ошибаются! На одном из мудрейших языков «примус» значит «первый». Когда я услышал, что ты не только рыжик, не только прыгира, но еще и Примус, — я понял, что попал в «яблочко». Я велел немедленно поймать тебя и отвести в «Пошивочную мастерскую»...

Примус опустил голову.

— Было больно? — спросил Фоф. — Очень хорошо! Просто замечательно! За бинты на предплечье благодари свою кличку! Именно она показала мне великим знаком и свела нас. Примус... Первый... Из-за этих двух слов я не забраковал тебя, а отправил в «Пошивочную мастерскую» и разговариваю теперь. Ты будешь первым! Если мы захотим, ты будешь первым в Столице, во всей пустыне, во всем мире! Я подарю не только коллекцию «Каталкеров», я оставлю тебе в наследство все свои заводы и фабрики, водопроводы и магазины. Но ПЕРЕЖДЕ, ЧЕМ ОКОНЧАТЕЛЬНО ОБЪЯВИТЬ ТЕБЯ СВОИМ НАСЛЕДНИКОМ, я решил провести маленькое испытание. Маленькое и не очень сложное! Справишься — значит все, что сейчас мое, будет твоим! Ну-ка, сними повязку!

Примус безропотно стал разматывать бинты. Бесконечная лента марли падала и падала с предплечья рыжика на бежевую обшивку сиденья. Она была ослепительно белой. Потом на марле заалели пятнышки. Кровь...

Фоф нетерпеливо хлопнул в ладони.

Примус развернулся к нему оголенным предплечьем, и Фоф зааплодировал.

На руке рыжика чернел рисунок: череп и скрещенные кости. Пиратская эмблема состояла из «крестиков». Если всмотреться, можно было заметить, что это вышивка. Вышивка по живой коже!

Черные толстые нитки намokли кровью.

— Наш родовой знак, — промурлыкал Фоф. — Чтобы успешнее пройти испытание, тебе надо знать, откуда этот знак взялся. Слушай!..

всего. Но разве вы не чувствуете ответственность за тех, кого мы столько лет грабили? Надо нам перед смертью им помочь! Заставить их трудиться, зарабатывать «волнушки!»).

И старший брат предложил один нехитрый планец.

Младшему разбойнику он отдал корзинку с «волнушками», велел объехать далекие, сказочно богатые города и привезти оттуда караван самых разных разностей, побрякушек-безделушек-финтифлюшек.

Когда караван прибыл, старый разбойник приказал младшему брату взять с собой всех разбойничат и идти в город.

«Вы будете продавать наши побрякушки. Только не дешевайте! Цены заламывайте такие, чтобы никто ничего не мог купить! Надо раззадорить горожан. Раздразнить их заморскими винами, яствами, халатами, золочеными уздечками, астрологическими инструментами, фарфором, игрушечными болванчиками, шапками-«лохматками», плевательницами, бархатными накидками на пни, концентратом рыбьего жира, ананасово-лимонным ассорти... Пусть у наших певцов задрожат от вожделения руки!».

Потом мудрый Фоф подозвал к себе среднего брата:

«Когда горожане рассмотрят невиданные товары и поймут, что «волнушек» не хватает ни на одну покупку, наступит твоя очередь. Ты пойдешь в город и объявишь: «Кто хочет заработать деньги? Становись в очередь! Есть много дел! Нужны рабочие руки! Я начинаю прокладывать водопровод! Строить завод по замораживанию воды! Начинаю разбивать собственный ананасово-лимонный питомник! Возводить первый небоскреб! Работа — на любой вкус!».

«Средний брат, — продолжил мудрый Фоф, — будет давать горожанам работу. Будет платить им «волнушки». Не много, конечно — чтобы хватило на одну безделушку, а лучше — на половину... А я — я займусь своими прямыми обязанностями. Я буду за всех нас разбойничать. Но так, что горожане этого и не заметят. Я заставлю их платить деньги за водопровод, который они сами же и построят. Я объявлю о штрафах за пение в неполюженном месте, а мест, положенных для пения, будет совсем немного, и каждое — платное. Я организую лотерею, где не найдется выигрышных билетов... За дело, братцы, в атаку! Через несколько лет наш городок никто не узнает!».

Но городок начал меняться в первые же дни.

Лотки младшего Фофа с разбойничатами были так ярки, завлекательны и пахучи, что горожане потеряли головы. Они бросились зарабатывать деньги. К среднему брату валили толпы людей, чтобы выпросить хоть какую-то работу...

Вскоре потянулся к Столице водопровод. Стали расти первые небоскребы. Завод мороженой воды выпустил пробные глыбы деликатесного льда: пока еще только с ягодой сухожилки внутри... Правда, лед с сухожилкой стоил так дорого, что не каждый морозильщик мог его купить.

Из-за этого льда однажды случилась история, которая очень напугала старых разбойников.

Разбойничонок, который торговал льдом, как-то подружился с сыном одного строителя. Нашел себе друга!.. Он часто стал бывать у него дома. Иногда даже оставался ночевать.

(146)

Едва шумный город засыпал, нищий строитель начинал свое черное дело. Он брал с собой сына и разбойничонка, и они шли на окраину, где еще не вся сухожилка была вырублена. Там они набирали ведерко ягод, а потом отдыхали под деревом. И строитель рассказывал сыну и его другу всякие глупости: что сухожилка живая, что она умеет чувствовать... Он вспоминал, что в давние времена, прежде чем собирать ягоды, горожане пытались рассмешить деревце. Они верили, что сухожилка начнет хохотать, и ягоды осыпятся сами.

Папа-строитель корчил дереву рожицы. Разбойничонок с другом хохотали. А сухожилка стояла по-прежнему грустной. Чувствовала, сорнячка, что в меняющемся городе места ей не будет. Грустила — и мальчишек заражала своим настроением.

Дома строитель разводил закопченный очаг и всю ночь распевал для сына и Фофчика разные подозрительные песни. Про сухожилку. Про старый город. Про прежнюю жизнь.

И вот как-то торговал наш разбойничонок кубиками льда. А мимо проходил его приятель. Разбойничонок подозвал его и сказал: «Варенье из сухожилки, что в вашем доме, вкусное, но ледяные кубики тоже ничего! Хочешь попробовать?» Сын строителя развел руками. Денег у него не было.

Тогда разбойничонок свернул из бумаги пакет, доверху наполнил его ледяными кубиками и отдал другу. Бесплатно!

Узнав о щедром подарке разбойничонка, старый Фоф очень испугался.

А если и у остальных разбойничат появятся друзья? Если и остальные Фофчики решат, что «волнушки» — не самое главное в жизни? Что тогда?! Фоф даже представить не решился, что будет тогда.

Он смотрел на город из своего небоскреба и гадал, как поступить, чтобы даже самая захудалая дружба не оказалась сильнее денег. И придумал! Велел привести в кабинет провинившегося разбойничонка. Сурово произнес:

— Ты, кажется, запомнил, что ты разбойник! Ты забыл, зачем мы появились в этом городе! Запомни!.. Мы хотим сделать город таким, чтобы грабить его было одно удовольствие! Для этого нужно сделать всех людей богаче! А жалость в этом деле не помощница! Чтобы ты не забывал такой простой истины, я начерчу на твоём плече небольшой рисунок: череп и скрещенные кости. Но не чернилами... Чернила быстро стираются. Этот знак на твоей коже я вышью!

Фоф подал знак, и разбойничонка схватили. Сорвали с него рубаху. А старый разбойник взял в руки иглу с черной атласной ниткой и стал «крестиком» вышивать на коже родовый знак.

Игла вонзалась в живую плоть. По атласной нитке сочилась кровь. Разбойничонок визжал и извивался. А Фоф только приговаривал:

— Запоминай, запоминай... Это унижение, эта боль — все из-за людей, которых мы хотим вытащить из нищеты. Научись они сами зарабатывать «волнушки», мне бы не пришлось штопать твою кожу. Из-за горожан такая адская боль в твоей руке! Помни это! всю жизнь мсти им за эту боль! Плати им за работу как можно меньше, а товары продавай подороже! И обманывай, обманывай их на каждом шагу!

Потом Фоф переделал то же самое с остальными разбойничатами. И сказал им:

— Пусть через это пройдут ваши будущие дети! И дети детей ваших! Пусть череп и скрещенные кости, вышитые на предплечье, украсят наших потомков, наших наследников! Пусть перенесенная боль породит в них ненависть к тем, кого мы делаем богатыми! Вот так и появился родовой знак Фофов.

... Толстячок с рыжей прядкой на левом виске с умилением посмотрел на груды окровавленных бинтов, перекинул взгляд на изуродованное предплечье Примуса и добавил:

— А теперь я расскажу, какое испытание тебя ожидает!

6. Примус расстается со Столицей

Из черного небоскреба Примус вышел только под утро.

Постоял немного у ступенек «Пошивочной мастерской». Подумал, что накануне в подвал могли затолкать другого мальчишку, и родовая метка Фофов украшала бы сейчас совсем иное предплечье.

Как хорошо, что у господина Фофа нет детей! Как замечательно, что он поссорился со всеми своими родственниками!

А еще Примус с уважением подумал о своей кличке. Выручила, родная... Помогла выбиться в люди! Теперь он с ней ни за что не расстанется. А что?.. «Господин Примус» — это звучит весомо. Пожалуй, посolidней, чем «господин Фоф».

Господин Примус выпятил живот и пошел к Торговому Кольцу.

Магазины, лавчонки и супер-киоски уже работали.

Примус по-хозяйски огляделся. Для начала он стянул с прилавка пару отличных кожаных сапожек, черных, с красными отворотами. Потом — штаны из «чертовой» кожи и темную рубаху с длинными рукавами.

На безлюдном берегу канала Примус переоделся. С удовольствием посмотрел на свое отражение в воде. Длинноногий поджарый мальчишка в сапогах с красными отворотами, в обтягивающих штанах, в свободной рубахе вполне походил на господина. Немного легкомысленно смотрелась кепочка с надписью «Магазины Фофа». Но рыжик не стал ее выбрасывать. Скоро таких не сыщешь! Скоро на всех кепках будут другие слова: про магазины Примуса.

Примус свесил ноги с гранитного парапета и, наблюдая, как течение играет с его старыми кедами, стал обдумывать задание Фофа.

Испытание было непростым. Сначала рыжик надо попасть в один захолустный городок, затерянный в восточной части пустыни. Его жители до сих пор не научились шептаться у чумазных каминов и петь дурацкие песни. В этом городке рыжик должен осмотреться, а потом придумать что-то такое, чтобы «волнушки» рекою потекли в его карман.

«Нужно заработать тысячу монет! — сказал на прощание Фоф. — Меня не интересует, как ты их добудешь: откроешь ли магазин, организуешь лотерею или объявишь сбор на строительство водопровода... Воровать не советую.

Городок маленький — сразу поймают. После того, как Черный Рог взойдет на небе и снова скроется за горизонтом, за тобой придут мои люди. Пересчитают «волнушки». Если их будет достаточно, ты становишься моим наследником. Бесповоротно!».

Легко сказать: откроешь магазин... А торговать чем? Песком, что ли? Братьям-разбойникам в свое время пришлось намного легче. Когда они начинали, «волнушек» у них была целая корзина.

Примус почесал сквозь рубашку саднящую рану на предплечье и двинулся на восточную окраину Столицы.

Небоскребы и ухоженные улицы остались позади. Потянулась череда лачуг.

Примус немного поплутал в незнакомых переулках и наконец вышел на берег мелкой речушки. Под ногами хрустело битое стекло, лопались бумажные стаканчики, шуршали драные газеты.

А на другом берегу раскинулась свалка. Она мало чем отличалась от той, где рыжик когда-то обитал. Так же уныло дымились кучи мусора. Между ними одиноко бродили какие-то оборванцы. Кое-где виднелись шаткие сооружения из пластиковых ящиков.

Примус нахмурился, отвернулся и быстро зашагал берегом.

Вскоре он наткнулся на рыболовов. Двое мальчишек не сводили глаз с самодельного поплавка. Старший держал в руке удилище, а младший пристроил на коленях трехлитровую банку.

В банке плавали пара ершиков, несколько карасей и один нефтяник, черный, с радужными расплывами на жабрах. Баночное горлышко было заткнуто пучком осоки.

— Как на тот берег перебраться? — спросил Примус.

— Вплавь! — ответил старший. — Только смотри, чтобы кепочку волной не смыло! Фофчик поганый! Реклама ходячая! Катись, откуда выполз!

Малыш хмуро оглядел новенькую одежду рыжика, задержал свой взгляд на кепке с надписью «Магазины Фофа» и тихонько проговорил:

— Такие кепки на макушке —

Лишь у порядочной свинюшки!

Дразнилку «про свинюшку» Примус знал. Сам когда-то с ее помощью доводил до белого каления ком-

мивояжеров, торговых агентов, рыскающих по лачугам с рекламными плакатами. Но то — надоедливые похвальбушники недоступных товаров... А Примуса за что обзывать?

— Двигай отсюда, прихлебатель Фофов! — грозно повторил старший рыболов.

Примус заложил руки за спину. Презрительно отвернул голову от сидящего на корточках сверстника. И вдруг точным движением ноги двинул его в плечо.

Рыболов повалился на землю. Вскочил. Вцепился в Примуса.

Малыш поставил банку в траву и отбежал в сторону.

А обитатели свалки — бывший и нынешний — схватились в яростной драке.

Они пинали, колошматили, царапали друг друга. С переменным успехом валили на землю один другого, пытаясь вцепиться в волосы или вывернуть руки. И все — в злобейшей тишине. Лишь дзвенкали под ногами стекла, рвалась старая бумага да всхрустывали корни волос и суставы.

Наконец рыболов не выдержал и отступил.

Он отбежал к хныкающему малышу. Прокричал от-туда:

— Я вернусь! С друзьями! Они очень любят рекламу Фофа! Так что не уходи... Покрасуйся еще немного в своей свинячьей кепочке!

Примус не стал дожидаться «любителей рекламы». Он подхватил с земли банку с рыбой, торжествуяще взмахнул ею на виду у рыболовов и торопливо зашагал вперед.

Кучи мусора за рекой становились все ниже и вскоре исчезли. Под ногами рыжика тоже стало чище.

Незасоренность и ухоженность берегов вскоре объяснились. Примус увидел перед собой полосатый пограничный столбик с щитом: «ЛИЧНЫЕ ВЛАДЕНИЯ ФОФА». В тени щита дремал огромный хмурый служака.

А еще дальше высился над рекой изогнутый, как кошачья спина, мост.

Прежде чем вступить на родную с недавних пор территорию, рыжик опустил на землю банку. Захотят рыболовы — найдут. Небось, на ужин рыбу-то ловили!.. Над костром собирались испечь!.. Невелик улов, но для постояльцев свалки и такая еда — праздник!

Жалость к мальчишкам, рыболовам-мальчишкам-неудачникам, колыхнулась в Примусе.

Но другая боль, еще резче, вдруг пронзила рыжика. Сдвинулись, едва он разогнулся, нитки на предплечье, потревоженные в драке. Под рубахой заструились ниточки крови.

Примус сразу вспомнил, из-за кого страдал он в «Пошивочной мастерской» — из-за таких вот горе-рыболовов!

«Никакой жалости!» — приказал себе Примус, неловко подхватил банку подмышку и двинулся к мужчине у пограничного столба.

Охранник личных фофовских владений уже давно, оказывается, поджидал рыжика. Он обрадованно вышел из тени на солнцепек. В руках — закопченный примус.

— Твоя вещичка? — спросил охранник. — Велели передать. Все-таки собственность... А к собственности господин Фоф относится с ба-альшущим уважением!

Рыжик хотел было зашвырнуть старую керосинку

(148) в реку, но передумал. И без того в отравленной реке дохнет рыба.

— Через границу-то можно шагнуть? — угрюмо спросил он.

— Шагай, — разрешил охранник. — Тебе нужно к мосту. Там вашу персону ждет сборщик «волнушек», тот самый, что берет деньги за переправу.

— Мне придется ему платить? — испугался рыжик.

— Нет, конечно! Просто сборщику велено задерживать все машины, которые направляются на восток пустыни. Хотя, какие там все!.. Вон одна пожарная стоит перед шлагбаумом, а больше никого. Хорошо, хоть ее тормознули. Беги быстрее! Уж очень она скандалит. Утверждает, что ее ждут-не дождутся в городке, там своя пожарная на пенсию ушла...

С примусом и банкой подмышками рыжик шагнул на ухоженный шелковистый луг.

Вскоре он приблизился к мосту.

Проезжую часть переправы перегораживал черный шлагбаум. На нем серебрилась надпись: «ЗА ПРОЕЗД — СТО «ВОЛНУШЕК».

На обочине дороги, на табуретке под парусиновым зонтом, сидел сборщик денег и пререкался с пожарной машиной. Увидев рыжего мальчика, он поднялся и почтительно вытянулся.

Но сборщик Примуса не интересовал. Рыжик впился взглядом в пожарный автомобиль.

Не «Каталкер», конечно... Но хоть не развалюха! Бока свежо и молодо сияют краской. Шипы на колесах не стерты.

— Только что с конвейера? — спросил Примус.

— Сам ты с конвейера! — огрызнулась машина. — Это у Фофа конвейер! Нас же по одиночке собирают. Садись живее! Я здесь из-за тебя чуть солнечный удар не схватила!

Примус вспрыгнул на подножку. Но машина легонько оттолкнула его дверцей.

— Не за руль! На пассажирское место садись! Нечего мешаться! Нам до ночи надо успеть...

Рыжик обошел кабину, плюхнулся на указанное сиденье. Поставил под ноги примус и банку с рыбами.

Машина нетерпеливо взвыла сиреной. Сборщик «волнушек» несколько раз мелко поклонился Примусу и суетливо поднял шлагбаум.

Машина рванулась с места, взлетела на горб моста, ухнула вниз. И, набирая скорость, помчалась по гладкому, без щербинки, шоссе, которое стрелой уносилось из Столицы, разорвав кольцо помоек.

Слева потянулась череда каменных выступов. Нагромождения шершуна становились все выше и выше. А справа до самого горизонта раскинулась пустыня.

В приоткрытом ветровом стекле завывало.

— Вот это скорость! — восхищенно ахнул Примус. — Так мы вмиг домчимся!

Вместо ответа машина вдруг замедлила ход и остановилась.

— Жду тебя ровно час. И ни секундой больше, — объявила она. — Опоздаешь — пеняй на себя! Ускользну, как змейка-виляйка.

Примус непонимающе уставился в окно. Что за привал? Где он должен провести целый час? За окном ничего примечательного не наблюдалось. Лишь нависали над кабиной серые скалы.

— Тебя что, не предупредили? — удивилась машина. — Это же музей Фофа. Там, в скалах — пещера, где когда-то жили три разбойника. Смотреть особо нечего: кривые кинжалы на стенах, древняя полусгнившая корзина из-под «волнушек» и какая-то иголка с черной ниткой, про которую никто ничего вразумительного сказать не может. В общем, можно за пять минут все осмотреть. Но мне заплатили за час...

— Заплатили? — удивился Примус.

— Ну да... И этого не знаешь? Мне дали полсотни «волнушек» и попросили, чтобы я подождала, пока ты осматриваешь историческую нору в скале. Фигушки бы я согласилась, да сборщик на мосту пригрозил: «Иначе шлагбаум не подниму!».

Примус, который уже ступил на подножку, вернулся в кабину. Сел на свое место.

— Машина, — осторожно предложил он. — А давай так... Я забираю «волнушки» назад — и мы не стоим здесь ни минуты!

— Забирай! — легко согласилась машина. — Там, в бардачке...

Примус поспешно откинул крышку на приборной панели и стал пальцами склеивать монетки.

— А больше тебе ни за что не заплатили? — спросил он.

Машина засмеялась:

— Не знаю, почему Фоф так печется о тебе, но хватка у тебя фофовская!..

Она заурчала мотором. Поиграла коробкой передач. И, развернувшись поперек шоссе, стала с него спускаться.

— Куда?! — ахнул Примус. «Волнушки», которые он пересчитывал, опять посыпались в бардачок.

— Банку лучше хватай, а не монеты! Настоящая дорога сейчас только и начнется. А шоссе — это так... фофовская забава... Делает петлю вокруг музея — и обратно в город.

Машина нащупала колесами едва приметные колеи и, изредка пробуксовывая, стала углубляться в пустыню.

Некоторое время ехали молча.

Примус тоскливо смотрел по сторонам.

Песок, песок, песок... Пустыня дышала в приоткрытое окно горячо и безвкусно, словно электрический камин. Иногда порывы ветра швыряли в кабину горсти песчаной пыли, и она оседала в складках кожаных штанов рыжика, скапливалась на влажных изломах остои, торчащей из банки.

Примус снял кепку и нахлобучил ее на баночное горлышко.

— Не поможет, — вдруг прервала молчание машина. — Если хочешь довезти рыбу живой, надо позаботиться о воздушном компрессоре. Жаль, я без запасной камеры, можно было бы ее приспособить.

— А верблюжий пузырь подойдет?

— Пузырь? Давай попробуем, — сказала машина и остановилась. Она велела рыжика достать из-под сиденья насос. Подсказала, где найти тонкую резиновую трубочку.

Примус живо накачал воздухом верблюжий пузырь, радуясь, что не выбросил его со старыми штанами. Вставил в горловину трубку, стянул огрызком шпагата. Трубку он опустил в воду — и забулькали среди водорослей искристые пузырьки, веселя уснувших было ершей, карасей и нефтянника.

— Это ты здорово придумал, — сказала машина, вновь разгоняясь по раскаленным колеям. — Необычный подарок, неожиданный... Любому жителю городка по душе придется. Они ведь там, в своем захолустье, и рыбы-то живой никогда не видели.

— Никогда-никогда? — не поверил Примус.

— Никогда. Как в зоопарке, к банке сбегутся!

Примус бережно поправил на коленях стеклянный «зоопарк». Огромный верблюжий пузырь с рисунком акулы на боку он пристроил на водительское сиденье. И задумался...

Он думал про испытание Фофа, и оно уже не казалось ему сложным. Совсем плевое испытание! Тысяча «волнушек», можно считать, в кармане! Завтра с утра он выставит перед жителями городка живых рыбок. Не за просто так! За одну, а то и за две «волнушки» с каждого зрителя! Может, уже к вечеру его карманы наполнятся деньгами.

Нет, торопиться не стоит! Обычная банка — дело несерьезное, несолидное. Не в сетке же ее по городу носить! Нужно придумать какое-то оформление, сделать так, чтобы зоопарк действительно выглядел зоопарком, ярким и экзотичным. Хотя, при чем здесь ЗООпарк? Дело Примуса должно называться «рыбим парком», «ихтиопарком»!

Туда будут приходиться целыми семьями, вырядившись в вечерние костюмы и платья. Входные билеты можно продавать и подороже! «Волнушек» за деньги! Все-таки прогуливаться по «Ихтиопарку Примуса» — это не на банку пялиться!

При мысли о «волнушках» фантазия рыжика разыгралась.

А что, если «Ихтиопарк» сделать передвижным? Пусть он сам раскатывает от дома к дому. За такие услуги люди и двадцати «волнушек» не пожалеют!

Возить рыбок по городку будет машина. С аквариумом вместо фургона. Конечно, сразу такую не отыщешь. Но на первый раз сгодятся и обычные баки, такие, как на пожарной машине. Лишь бы имелось какое-нибудь окошко...

А что, если пожарную машину переоборудовать — зачем другую искать?

Мысль о пожарной машине показалась Примусу такой простой и ясной, что он рассмеялся. Взволнованно спросил:

— Машина! А если кто захочет в твои баки загля-

лась тусклым красноватым светом.

Конечно, металлическая бочка мало походила на аквариум. Но если покрыть стенки фосфоресцирующей краской, если ввернуть лампочки поярче, если сменить красные аварийные плафоны на лазурные, — то через заднее стекло кабины вода покажется совсем морской. При движении она будет перекачиваться с борта на борт — чем не шторм? А рыбки, вольно играя плавниками, станут неторопливо приближаться к окну, к изумленным зрителям, теребящим свои кошельки...

Машина погасила аварийный свет. Заднее окно почернело. Но видение лазурных волн в косынках пены и серебристых рыб, вальсирующих перед зеваками, долго не оставляло Примуса.

— Что-нибудь высмотрел? — насмешливо спросила машина.

— Ага! Я высмотрел, как заработать кучу «волнушек»! Но ты должна мне помочь! — Примус, сбиваясь, стал рассказывать про передвижной «Ихтиопарк».

Машина слушала с любопытством. Потом ехидно поинтересовалась:

— А если пожар? Куда твоих рыб девать прикажешь? А зрителей в вечерних нарядах куда?

— Да зачем тебе пожары? — загорячился Примус. — У нас будет собственное дело, и пожары нас не коснутся. Твой рукав с брандспойтом мы спрячем подальше. Перекрасим борта в цвет морской волны. Напишем на них: «ИХТИОПАРК ПРИМУСА». А позже, когда разбогатеет, мы украсим тебя так... так... — Примус снова начал фантазировать. — Мы полностью сменим всю твою обшивку. Закажем из Столицы много-много рыбьих шкурок и натянем их на борта. Ты вся будешь в чешуе, как рыцарь в кольчуге. Ты будешь сиять, как металл брякунец. Вместо фар мы прикрепим акульки черепа. Представляешь? — два остромордых черепа впереди и светятся... А акулий плавник можно на кабину...

— Не стоит, — оборвала Примуса машина. — В чешуе, с акульими черепами и плавниками — это буду не я. Это действительно будет «Ихтиопарк Примуса», или «Живая рыба», или еще что-нибудь, но пожарной такую машину уже никто не назовет. Я не хочу терять своего имени. Тем более — из-за «волнушек»!

Примус обидчиво замолчал. А машина замурлыкала какую-то песню. И мурлыкала ее до самого вечера.

Городок открылся нашим путешественникам почти в полночь. Над темными каменными террасами он светился редкими огоньками — не странное ли, сиротливое созвездие, ластящееся к земле?

нать — это можно?

— Можно, — ответила машина. — Оборачивайся и гляди сколько влезет!

Примус обернулся. За задним стеклом ничего не просматривалось. Но вот внутри бака вспыхнули аварийные огни, и вся его изнанка освети-

(150)

У въезда в город лучи фар высветили отвесную скалу из шершуна, а в ней — пещеру.

— Здесь и тормозни! — попросил Примус.

— В пустыне ночью холодно, — предупредила машина. — Может, к Начальнику Города доберемся? Он устроит тебя на ночлег.

Но Примус отказался. Он перетащил под гулкие своды пещеры свою керосинку, банку с рыбами, верблужий пузырь.

Машина, пожалев упряма, велела взять из-под сиденья плащ-палатку и походный котелок.

Осветив холодную пещеру спичкой, рыжик отыскал укромный уголок и устроился там, закутавшись в сухой брезент.

Ветер доносил до Примуса запахи далеких каминных, стук ухватов о чугунок, напуганное завыванье пожарной машины, карабкающейся по городской улице, аромат пропеченного теста. А Примус вбирал в себя приметы незнакомого засыпающего городка, дрожал от холода и подбадривал себя мыслью, что когда-то и Фофы начинали с пещеры.

7. Старушка Тирли

Ранним утром, едва солнце принялось согревать пустыню, старая машина поднялась к памятнику Великому Пожарному.

Она видела, как Начальник Города разговаривает с новой пожарной красавицей, показывает ей дорогу к дальнему родничку.

Молодая коллега весело рванула по пескам, пружиня здоровыми рессорами.

— Будем надеяться, что у нас достойная замена! — сказала машина Великому Пожарному. Учитель согласно молчал.

Машина подставила бок под солнечные лучи, чтобы погреть свои изношенные детали. И расслабилась, словно змейка-расплющилка. Ее двигатель замедлил обороты.

«Если он остановится насовсем, пусть это произойдет здесь, — подумала машина. — Мне кажется, красный автомобильный остов не испортит памятника».

Но развернуть свои мысли о Вечности машина не успела.

Внизу, где въезд в город стерегли зевластые пещеры, она увидела огонь.

«Никак сухожилка снова дурачится?» — поморщилась пожарная машина, но вспомнила, что возле скал деревьев нету. Да и не походил бледный синий огонек на трепет багровой листы.

Машина стряхнула с радиатора пыль и стала спускаться к пещерам.

На валуне у скал сидел рыжий мальчишка. Он колдовал над примусом, нарушая тридцать три правила противопожарной безопасности. Хотя, по правде говоря, особо гореть среди камней нечему...

Машина остановилась за спиной рыжика. Обломки шершуна скрипнули под ее колесами.

— А, пожарная машина... — сказал нарушитель, не оглядываясь. — Я так и знал, что ты вернешься! От такого выгодного дельца ни один дурак не откажется! А у меня чуть рыбки не замерзли. Пришлось всю ночь греть на примусе бульжники и обкладывать ими банку. Теперь все... Солнце... Не вдохнуть!

Рыжий мальчик затянул вентиль. Обернулся. Охнув, поднялся с камня, будто увидел перед собой крупную холодноглазую тарасилку.

— Ты кто? — спросил он настороженно.

— Кто? — задумалась машина. — В самом деле, кто я? Пожарную машину ты во мне не признал. Вон сколько удивления в глазах! Теперь я и сама не знаю, кто я... Может, тирлибандер?

— Тирлим... чего?

— Тирлибандер! Придумали в Столице такую штуковину — смесь бульдога с носорогом... Металла много, а толку мало! Вот и я такой тирлибандер! Никому не нужная куча металлолома.

Мальчишка засмеялся.

— А можно я в самом деле буду так тебя называть? Чтобы не путать с молодой пожарной!

— Как представилась, так и зови. Старухи — народ капризный.

— Ты не обижайся, — перестал смеяться рыжик. — Я могу не полностью тебя называть, а наполовину: Тирли... Машина Тирли... Идет?

— Тогда уж «старушка Тирли», — хмыкнула машина и вдруг почувствовала, что новое, невзначай обретенное имя вполне ей подходит.

Хм... Старушка Тирли... Совсем, совсем неплохо! В меру легкомысленно. В меру кокетливо. Такое имя могло бы принадлежать поседевшей актрисе из Столицы.

— А я Примус, — отчеканил рыжик. — Один серьезный господин утверждает, что «Примус» значит «Первый». Но если честно, я пока не первый...

— У тебя много недостатков? — Машина взглянула из-под очков на рыжего мальчика, вспомнив, что перед ней злостный разжигатель керосинок.

— Нет, для «первого» у меня слишком мало «волнушек», — ответил злостный разжигатель. — Но это дело поправимое!

Он отнес в свою пещеру примус и вернулся оттуда с банкой, которую тщательно обернул плащ-палаткой.

— Тирли, хочешь узнать, что у меня в банке?

— Сокровища?

— Почти угадала! — серьезно ответил рыжик. — Там то, что твой городок никогда не видел! Там чудо! Там — загляденье! Там — пальчики оближешь! Если я сейчас громко крикну, ЧТО у меня в банке, выйдет переполох. Все сбегутся и начнут кланчить: «Покажи, покажи! Хоть в щелочку!»

— А ты? — спросила машина.

— А я скажу: «Платите десять «волнушек» — и любуйтесь на здоровье!»

— Значит и мне нужно заплатить? — нахмурилась машина.

— И тебе, Тирли! Я не должен отступать от правил. Но тебе, так и быть, обойдется дешевле. Как первой зрительнице! Всего пять «волнушек»!

Примус приткнул сверток с банкой между камней и коснулся пальцами своего предплечья. За ночь рана успокоилась, и сейчас рыжик нарочно ее бередил, чтобы боль напомнила, ради кого он старается.

— Всего пять «волнушек», Тирли! Смешная цена! Не жадничай!

— Конечно, смешная! — легко согласилась пожарная машина. — Пять жалких блямб из брякунца или невиданное сокровище — разве одно стоит другого? Да и «волнушек» у меня много — весь бак усыпан!

Она присела на задние колеса, чтобы рыжику сподручнее было вынуть из бака монетки. Примус откинул крышку, заглянул внутрь.

— Ого-го! — закричал он. — Тут у тебя целое состояние! Хватит, чтобы каждый день моим сокровищем любоваться! А ты, оказывается, тоже проныра! Столько «волнушек» скопить!..

— Ого-го! — в тон подтвердила машина. — Я та еще проныра!

Дурашливое настроение вдруг охватило ее. Но дурашливость была не радостной, скорее — печальной.

— Так давай десять «волнушек»! За полную цену! — затарговался Примус. — Я-то думал, ты еле концы с концами сводишь!

— Не пойдет! Первое слово дороже второго! Пять так пять! — дурачилась пожарная машина. Хотя нет, дурачилась-то не пожарная машина, дурачилась старушка Тирли. Несостоявшаяся столичная актриса. Неудачница, так и не купившая бархатный рукав с серебряным брандспойтом.

Примус отсчитал пять монет и сунул их в карман.

— Теперь закрой фары, — сказал он, — и сосчитай до десяти!

— Нет, — ответила машина. — Сначала ты зажмурься.

Примус пожал плечами и закрыл глаза.

А машина бесшумно развернулась и покатила в гору. Кродному Памятнику, Фонтану, к Маяку. Ключдям, которые не знают, кто такая старушка Тирли, но хорошо помнят и уважают старую пожарную машину.

— Тир-ли! — донеслось из-за скал. — Вернись, Тирли!

А машина уже вывернула на улочку, которая стрелой взлетала к памятнику Учителю.

Улица была пустынной. Разыгрывался суховей — и все попрятались от его опаляющего дыхания. С крыш струились песчаные поземки. Они ниспадали с карнизов маскировочными сетями — и ряды домишек казались сплошной серой стеной.

В суховей улицы всегда походят на окопы.

Машина представила, каким скучным, унылым и ничтожным кажется городок тому странному мальчишке, который приехал — разве скроешь? — из Столицы. Который говорил о пустяках, но выдал в себе главное. И который теперь, догоняя, окликал ее...

— Тир-ли! — послышалось совсем близко. — Пожди же...

Машина посмотрела на Великого Пожарного, чья

каска невозмутимо серебрилась посреди низкого неба. И вдруг в мельтешении песчинок ей при виде, что Пожарный поднял перед собой ладонь. Мягкий останавливающий жест...

Машина замерла, как вкопанная. Вкопанная в окоп улицы.

Вскоре появился Примус.

— Ничего себе жмурки! — сказал он, скрывая растерянность. — Еле догнал. Ты что — обиделась из-за денег? На обиженных воду возят!

— Когда-то возили! — поправила его машина.

— Что?

— Воду когда-то возили, — пояснила пожарная. — А теперь отвозились. Нынче я бездельница. И могу поступать как знаю!

Примус покачивался с пятки на носок, с пятки на носок. Песок под черными сапожками монотонно похрустывал. И снова, как в молодости, машине показалось, что это голос самой Скуки.

Что старушке-машине этот рыжий мальчик? За его примусом есть кому присмотреть. А за сердцем... Может, и за сердцем присмотрят! В самом деле, не ее же старушечья забота соваться в такие сложные пожары, которые — и незрячий увидит! — разгорались в душе столичного гастролера.

Ее старушечья участь — подняться к памятнику, пособачьи прикорнуть у подножия и забыться, чтобы голос Скуки не отравлял последних минут.

Машина вновь посмотрела на Великого.

Тот не убирал отталкивающей ладони.

Тот по-прежнему не допускал машину к себе.

Или верит, что сложные пожарные случаи еще под силу верной ученице?

— Давайте вернемся, — нерешительно сказал Примус. — Вам я бесплатно покажу банку.

— С чего ты перешел на «вы»? — встрепенулась машина. — Как раньше — мне больше нравится. Пойдем...

Она свернула в боковой переулок и медленно стала пробираться между спящих сухожилок.

— Так банка в пещере осталась. Мы не туда идем... — удивился Примус.

— Ту-уда! — протянула машина. — Я ведь вижу твою банку. И чем дольше ее разглядываю, тем больше понимаю, что за такое зрелище не то что пяти — всех моих «волнушек» не жалко.

— Что же ты там видишь? — недоверчиво спросил Примус. Он забежал вперед и теперь пятился, лишь бы быть лицом к машине. — И как это у тебя получается — видеть на расстоянии?

— А очень просто! Ты сказал, что в банке — сокровища. Вот я и придумываю, ЧТО там... То одно представляю, то другое. Так намного интереснее. Ведь ты закутал в брезент что-то определенное, я же могу вообразить несметное число сокровищ, выданных и невиданных,

непохожих друг на друга, собранных со всего мира. Примус споткнулся. Чуть не грохнулся. Снова пристроился сбоку.

— Ну, а сейчас?.. Сейчас ты что видишь за стеклом моей банки?

— Сейчас, милый Примус, я вижу там обычную шелковую ленту. Черную. Потрепанную.

— Ленту?

— Ну да! В детстве она была единственной моей забавой.

— Разве ты была маленькой?

— Была, — ответила машина. — Всего несколько недель, пока училась ездить да зубрила правила дорожного движения. Детство было куцым и ничем бы не запомнилось, если б не одна маленькая находка... Однажды я обнаружила, что слесарный ящик в гараже опоясывает черная лента. И даже бантиком завязана, будто на прилежной девочке. Я распутала ленту. Она была в дырах, как от пуль, а края словно обожжены пороховой копотью — ну, не пиратская ли повязка? Я нацепила повязку себе на фару и поскакала в пустыню.

И тут началось!

Песчаные дюны вмиг превратились в морские волны, скала из шершуна — в пиратский корабль, зеленая сухожилка — в надутые ветром паруса.

Плывет наш корабль по штормовому морю, к абордажу готовится. И вдруг навстречу — огромная цунами! Плюх — и проломила борт! Судно — буль-буль! Пираты — буль-буль! А я перевернулась на спину и поплыла к берегу. Еле спаслась!

Выбралась на какой-то тропический остров. А там — племя пожирателей пожарных машин! Все пальмы увешаны скальпированными радиаторами!

Увидели меня туземцы — похватили копья и давай окружать. Надвигаются да металлическими челюстями пощелкивают. А впереди — вождь племени. На волосатой груди — ожерелье из гаек и шестеренок. Ну, думаю, глуши мотор!

В общем, накинулись на меня! Связали! Подвесили вверх колесами на огромном шесте! И понесли к костру!..

— А ты? — спросил Примус и положил ладонь на крыло машины.

Машина поехала медленнее, принаравливаясь к шагам рыжика.

— А что я? Я одна, а их тьма! Лежу, связанная, под пальмами, горючие слезы проливаю. А туземцы ножи точат, гаечные ключи да отвертки у костра раскладывают.

Наконец вижу: вождь берет кувалду и направляется ко мне. А на губах — слюни, как у голодного волка. Взмахнул он кувалдой!..

Порыв ветра щелкнул песком по носу Примуса, и рыжик вздрогнул.

— Взмахнул вождь кувалдой, — повторила машина, — и тут меня осенило. Я как закричу: «Погоди! Только ужин испортишь! С чем вы меня жевать собираетесь? С бананами? С апельсинами?»

Вождь головой кивает. А они и в самом деле фрукты приготовили, даже почистить успели.

«Эх, туземье, туземье! — говорю я. — Кто же так делает? Весь цивилизованный мир уже давно не употребляет пожарных машин с фруктами».

«А с чем употребляет?» — спрашивает вождь. И кувалду на землю опустил. Очень ему хочется цивилизованным казаться!

«Пожарные машины хороши с ленточками! С шелковыми пиратскими повязками! Очень полезно для аппетита. Если перед едой, вместо салатика...»

Сдернул вождь с меня пиратскую повязку. Оторвал кусочек — и давай челюстями перемалывать. Тут остальные туземцы набежали: «И нам! И нам! Тоже хотим питаться цивилизованно!» Вмиг разодрали потрепанную ленточку на лоскутки. И все до ниточки — в свои желудки!..

— А дальше? — нетерпеливо спросил Примус.

— А дальше все просто. Съеденная-то повязка из шелка была. Поэтому туземцы сразу ШЕЛКОВЫМИ стали. Послушными. Покладистыми.

«Развяжите меня!» — приказала я.

Они развязали.

«Делайте плот!»

Они безропотно побежали валить деревья и вязать плот.

Потом плот опустили на воду. И отправилась я к себе в пустыню. А вождь несколько миль за мной плыл и подсказывал, какой курс держать, чтобы в море не заблудиться.

Вернулась я в свой городок — тут и детству конец. Не до игр. Не до пиратских приключений. Но ленточка, та самая, съеденная туземцами, мне часто вспоминается. Ведь и вправду сокровище?!

— Сокровище... — задумчиво поддакнул Примус. — Мне тоже вдруг показалось, что в банке пиратская повязка, а никакие не рыбы. Хотя, зря я тебе сказал, ЧТО на самом деле в банке. Да, Тирли? Когда знаешь, что там ерши, окуни и нефтянник — трудно представить что-то другое. Так?

— Нет, не трудно, Примус, — ответила машина. — Одно другому не помеха.

Улица городка оборвалась. Мостовая тоже... Впереди громоздились плиты шершуна. Примус вскочил на камень, на другой... Пожарная машина хотела было предупредить его, что дальше — крутой обрыв. Не хватало, чтобы к своей пещере рыжик попал отсюда напрямую, с головокружительной высоты. Но Примус сам остановился. Развернулся и стал смотреть на город.

Домишки скрывались серыми террасами, где-то наполовину, где-то на треть, а где высились лишь островерхие крыши. Ветер утих, пыль осела. И небо поднялось, осветилось солнцем. Стены и крыши домов заблестели крапинками слюды. Этих крапинок в шершуне мириады — и весь городок был осыпан солнечными бликами, штрихами-бликами-светлячками.

— Хорошо? — спросила машина.

Примус понял вопрос по-своему.

— Хорошо! — ответил он. — Даже удивительно! Жили мы были на свете. Ничего друг о друге не знали. Потом немножко познакомились. Потом чуть не поссорились. Ты немного рассказала о себе, я чуточку о себе. И вот из этих «чуточек» да «немножек» сложилась какая-то ерунда!..

— Какая же? — усмехнулась машина.

— Я очень захотел с тобой поиграть! В пиратов!

— Увы, моя пиратская повязка давно съедена голодными туземцами.

— Да нет! Мы по-другому будем играть. По-современному! Ты наберешь полные баки воды. Я запущу туда своих рыбок. И мы поедем по городу. «Передвижной иксиопарк!» — буду кричать я. А ты будешь раскланиваться со своими знакомыми, подмигивать им и говорить: «Совсем-совсем недорого! Всего десять «волнушек»! А запомнится на десять лет!» До восхода Черного Рога мы с тобой заработаем по тысяче «волнушек», а может, и больше. Здорово? Хорошая игра?

— Игра несложная, — снова усмехнулась машина. — Только при чем здесь пираты?

— Ну, даешь... Мы же «волнушки» в землю закапываем. Ты — вот здесь, рядом с этими скалами. А я уеду в Столицу и спрячу свои деньги где-нибудь там. И получится у нас два пиратских клада!

— Зачем они?

— Зачем, зачем... Мы скоро расстанемся. Будем скучать. Станет тебе невесело — придешь к своему пиратскому кладу и будешь представлять, что там, под землей, лежат «волнушки», которые мы добывали кровью и потом. Будешь вспоминать, как мы в пиратов играли. Весело тебе станет. А я в Столице тебя вспомню, тоже развеселюсь. Согласно, Тирли? Поиграем в «пиратский клад»?

Примус невинно улыбнулся. Ловко соскочил с камней. Дружески пихнул машину плечом. И охнул. Схватился за предплечье. По его лицу пробежала гримаса страдания.

Машина не знала, отчего эти страдания. И спрашивать не стала. Но ей вдруг захотелось, чтобы вот так же исказилось лицо рыжика, когда они будут расставаться. Исказилось не от физической боли, а от горечи разлуки...

«Так! Старушка сбрендил! — сказала себе машина. — Ей, кажется, становится симпатичен самый обыкновенный плутишка. Она, кажется, готова хоть сейчас превратиться в рыбозовку, глупо подмигивать своим старым друзьям, выклянчивать у них «волнушки» для пронырливого мальчишки и делать вид, что не замечает в юном сердце никакого пожара... Приехала!»

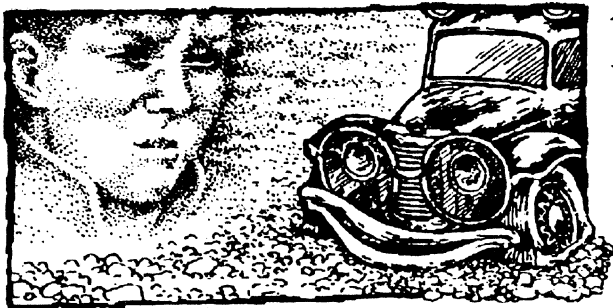
Примус, оттянув ворот рубахи, дул на плечо. Потом снова улыбнулся:

— Так что, Тирли? Готовим пиратские клады?

Пожарная машина взглянула на памятник Великому. Тот гордо расправил плечи и благосклонно опустил голову.

И тогда машина сказала:

— Хо-ро-шо! Я сделаю все, что ты хочешь! Буду шелковой, как туземцы-пожиратели! Отправляйся в пещеру и никуда не высовывайся. Я приду ночью, и мы начнем.

Когда Примус ушел, машина стала разрывать колесами песок. Выкопав яму, она ссыпала туда все свои «волнушки», заровняла ее. И прилегла подле.

Она мысленно путешествовала по городку, по его окрестностям и решала, что показать рыжику, чтобы отвлечь его от «игры в пиратов». И вдруг вспомнила об одном необычном уголке в пустыне. Он был замечателен тем, что будил в посетителях тревожную, болезненную фантазию, а самое главное — в полной мере давал почувствовать, что такое одиночество, чудище-одиночество-коварище.

8. Океан шумит...

Весь день Примус сидел в пещере и, как велела машина, никуда не высовывался.

Он ни о чем не волновался. Понимал, что заправиться водой — не морозильный автомат ограбить. Пока сгоняешь к дальнему родничку, как раз день и пройдет. Одно его немного беспокоило: откуда ночью зрители для «Ихтиопарка»?.. Все же спят!

Но потом рыжика осенило! Да ведь ночью деньги легче заработать! Подъезжаешь к первому попавшемуся дому. Стучишь в темное окно. Заговорчески спрашиваешь: «Хотите на чудо полюбоваться? Выкладывайте «волнушки!»» Хозяин спросонья трясет головой: «Что за спешка... Почему утра нельзя дожидаться? Наверное, под покровом ночи мне покажут та-акое!..» И бежит за монетами.

Молодец, машина! Хорошо придумала! Проныра так проныра!

С такими мыслями Примус и заснул.

Снилась ему кавалькада «Каталкеров». Тех самых, коллекционных: черных, синих, голубых...

Рассекая воздух, машины мчали по городу. А впереди, восхищая зевак, летели «Змеиные кожурки». Неповторимый автомобиль, собранный, нет, буквально сплетенный из змеиной кожи. И его руль безропотно подчинялся Примусу.

Разбудил рыжика свет фар.

Тусклый луч пробежал по сводам пещеры и погас. А у входа возникла темная фигура. То была не старушка Тирли! Крыло и капот машины отсвечивали змеиной кожей.

Спросонья Примус возмутился. Это кто же смел сесть за руль бесценного «Каталкера», того самого, что Фоф прячет под матовым колпаком?! Это кто же гнал хрупкую красавицу через всю пустыню?!

Потом возмущение сменилось испугом.

Неужели «Каталкер» прибыл за ним, за Примусом? Неужели господин Фоф укоротил срок испытания и ре-

(154)

шил на два дня раньше проверить, как наследник справляется с заданием?!

Но это же нечестно! Благородные люди так не поступают!

Примус лихорадочно похлопал по карману, где лежали первые добытые «волнушки». Может, этого достаточно? Пятьдесят пять монет за два дня — вовсе неплохо!..

— Слезьте, слезьте! — вдруг раздался ворчливый голос. — Прокатились — и хватит!

Примус выскочил из пещеры. С изумлением увидел, что змеиная обшивка на машине вдруг ожила, стала распадаться на отдельных змеек. Змейки ловко соскальзывали с капота, с крыльев и уползали в темноту. А перед Примусом обнажился знакомый кузов пожарной машины.

— Эти виляйки и расплющилки игривей детей! — вновь проворчала пожарная машина. — Любят скорость! На ходу запрыгивают. От нетерпения хвостами похлопывают. Требуют «с ветерком»... А как «с ветерком»? Вдруг какая малышка под колесо свалится? Вот и пришлось мне ползти, словно черепаха. Извини, что опоздала.

Примус радостно пробежал глазами по вмятинам и трещинам на пожарных боках. Ни один «Каталкер» не казался сейчас привлекательней, чем эта пенсионная колымага.

— Привет, Тирли! — сказал он охрипшим голосом. — Ты совсем не опоздала. Самое время для пиратских дел!

— Нет, — задумчиво протянула машина. — Сейчас подходящее время для других забав.

— Для каких? — насторожился Примус.

— Давай совершим небольшую прогулку! Я хочу показать тебе Первобытный Океан, большой, чужой, странный. «Волнушек» он нам не принесет, но, может, что другое подкинет!

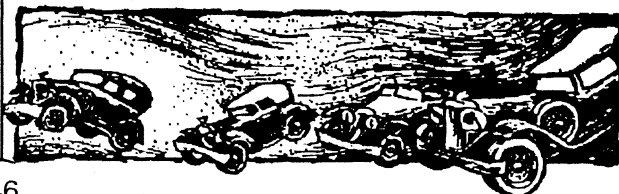
— Ты что, перегрелась?! — выдохнул рыжик. — Какой океан?! До восхода Черного Рога осталось два дня! А как же клады? Ведь не успеем!

— Будут у нас клады, будут! Своей я уже сделала. Закопала в песок кучу монет. Там, где ты подсказал, наверху, над пещерой. Пока я жива, буду проводить свою сокровищницу. Буду вспоминать тебя, мой рыжик. Думать: «Какой славный друг у меня в Столице!» Грустить, что тебя нет рядом.

— А я? — возмутился Примус. — Мне где прикажешь грустить? Где тебя вспоминать? У меня-то клад — тю-тю! Давай, Тирли, не дури! Договорились «в пиратов» играть, так играем! Ты набрала воды?

— Нет, — простодушно ответила пожарная машина. — Я же сказала, что весь день хлопотала о кладе. Носилась со своими «волнушками», как черепаха с яйцами. Видел бы ты меня, со смеху бы умер!

— Я от разочарования умру! — простонал Примус. — Я тебя с водой жду, а ты!.. Только о себе думаешь!

— Почему о себе? Я же пообещала, что без сокровищ мы не останемся. Будут и у тебя «волнушки». Увезешь ты в Столицу тысячу монет, увезешь! В любом случае!

— Где же я их возьму?

— Ну, недогадливый! — засмеялась машина. — Тоже мне, проныра! Зря, что ли, я тебе про свой клад рассказала? Подберешься к нему в одну из ночей. Раскопаешь. Соберешь монеты в мешок. И в Столицу! Пиратствовать так пиратствовать! Или, скажешь, разбойники не таскают сокровища друг у друга? Ого, еще как таскают!

— А ты как же? — растерянно спросил рыжик. — Ты-то где будешь обо мне скучать?

— Где-где... — засмеялась машина. — Там, наверху, на скале. Я же не буду проверять, на месте клад или нет.

— Ладно, Тирли! Договорились, — вздохнул Примус. — Сегодня я подчиняюсь тебе.

— И еще завтра, — невозмутимо протянула машина.

— Хорошо, и завтра... — сдерживая себя, согласился рыжик. — Но в последнюю ночь ты все-таки заполняешь баки водой. И мы устраиваем «Ихтиопарк»! Я хочу иметь собственные «волнушки»! Боюсь, что когда-нибудь ты не выдержишь и начнешь проверять свой клад. А его нету! Ты обидишься, и не останется на свете никого, кто грустил бы обо мне!

Проговорив последние слова, Примус почувствовал в себе какое-то незнакомое щемящее чувство. Но не стал в нем разбираться.

Машина распахнула дверцу. Рыжик забрался в кабину. И они помчались в пустыню.

Дорогу преграждали свежие барханы. Машина, глухо гремя, прыгала через песчаные навалы. Кабина ходила ходуном. Талисман перед лобовым стеклом — бусы из сухожилки — раскачивало из стороны в сторону.

— Это и есть океан? — спросил Примус, поспешно хватаясь за дверную ручку. — Морская качка, да?

— Нет, это еще не Океан, — ответила машина и сбавила обороты. — Но скоро дотянем. Да, я забыла тебя предупредить! Океан опасен!

Примус улыбнулся:

— И что же нас ждет? Акулы? Подводные лодки? «Летучие голландцы»? Плавающие драконы?

— Я серьезно, Примус... На берегу Океана с тобой может приключиться беда. Настоящая.

Примус перестал улыбаться.

— Нам, пронырам, и девятый вал не страшен, — робко пошутил он.

— Там не имеет значения, проныра ты или нет, — откликнулась машина. — Там важнее другое: есть ли у тебя друзья... Если есть, тогда все нормально: стоит их вспомнить, и любые опасности покажутся пустячными, все неприятности исчезнут. Но друзья должны быть настоящими, не выдуманными. Не знаю, как у вас в Столице, а у нас в городке любой малыш знает: вообразить можно все, что угодно — тирлибандеры, небоскребы, игру в пиратов, вкус ледяных кубиков, обладание несметными сокровищами... Но нельзя вообразить Друга! Это, пожалуй, единственное на свете, чего нельзя вообразить...

Примус беспокойно заерзал на сиденье. Стал пе-

ребирать в памяти людей, с которыми его сталкивала судьба. Есть ли среди них Друг? Показалось, что есть!

В свете фар вдруг возникла бескрайняя россыпь камней. Кабину затрясло, как в приступе лихорадки. Стало не до разговоров.

Некоторое время они пробирались по каменной пустоши. Потом впереди возникла одинокая скала. Причудливая, похожая на бивень мамонта. Машина вырулила к «бивню», завернула за его основание и остановилась.

Впереди в лучах фар расстиралось ровное угольно-черное плато. Без конца и края.

— Приехали, Примус! — тихо сказала машина. — Это и есть Первобытный Океан. Теперь слушай... Прежде чем вступить на берег, произнеси про себя имя Друга. Только не ошибись! За ошибку здесь можно поплатиться. Да, еще... Я пойму тебя, если ты не захочешь выходить из кабины. Мы можем развернуться и поехать обратно, не испытывая судьбу. Решай!..

— Я выйду на берег, — торопливо произнес Примус. Набрал в легкие воздуха, будто собрался нырять. Произнес про себя: «Господин Фоп!» Выскочил из кабины.

Ничего не случилось с рыжиком на твердой каменной почве.

Впереди, за обломками шершуна, начиналась угольно-черная каменная плита. Ее края терялись во мраке.

По лучу света, как по путеводной нити, Примус подошел к этой плите. Присел на корточки. И вздрогнул! Из камня на него смотрели выпученные глаза!

— Не бойся! — проговорила за спиной пожарная машина. — Это ископаемая рыба. Сама по себе она вполне безобидна.

Примус уже и сам видел, что на камне — всего лишь отпечаток чешуйчатого рыбьего силуэта.

Рыба была необычной. Вместо плавников на ней дыбились короткие шипы. На голове, кроме длинных усов, имелась и бородачка, небольшая, но грозная.

Рядом с этим отпечатком виднелись другие: причудливые мальки, водоросли, какие-то раковины.

Машина включила дальний свет.

— А вон там тварь покрупнее! Хищница! Саму ее отсюда не видно. Только окаменевшее барахтальце торчит, плавник такой над головой.

Рыжик разглядел вдалеке извивчатую окаменевшую ленту. Она возвышалась над плато. По ее кромке можно было проехать на «Каталкере».

Примус поежился.

— Действительно, океан... — растерянно произнес он.

— А ты не верил? Этот Океан хозяйничал здесь миллионы лет назад. Не было на земле ни машин, ни людей, даже виляек и расплющенок не было. Лишь катились от берега к берегу огромные валы, да рассекали воду безмолвные чудища. Замечательный «Ихтиопарк», а Примус?

— Да-а... — начал Примус. — Если организовать сюда экскурсию из Столицы, то столько «волнушек» можно...

Но машина его перебила.

— А теперь побудь один! — вдруг сказала она и погасила фары.

На рыжего мальчи-
ка обрушился девятый
вал темноты. За ним —
девятый вал тишины.
Когда глаза немно-
го освоились во мраке,
рыжик разглядел пе-
ред собой несколько
тусклых звезд. А еще
— кончик Черного
Рога. Тот торчал над
горизонтом, как обго-
релый сучок.

Под ногами же мрак не рассеивался.

— Тирли... — прошептал Примус. — Что-то не очень приятно стоять здесь истуканом. Какое-то ощущение, что мы лишние... Этот твой океан мне на нервы действует. Можно подумать, важнее его нет ничего на свете.

Примус обернулся.

Пожарной машины рядом не было. Кругом — лишь варево мрака, приправленное серой солью звезд.

— Тирли... — еще раз позвал Примус. Вместо ответа раздался невнятный шум — будто волны грозно накатывались на берег.

«Мерещится», — подумал рыжик, но голос прибора усилился. Примус зажал уши, но шум нарастал, становился враждебнее. Почудилось, что океан готовится к атаке.

Примус почувствовал себя так, будто ему за шиворот бросили горсть ледяных кубиков. Он попробовал унять озноб. Не получилось.

«Я же назвал имя Друга. Я же сделал все, как надо, — тоскливо подумал Примус. — Чего еще нужно этому проклятому океану? Неужели он считает, что я один на белом свете? Такой жеребеночек, отбившийся от стада, да? И на меня можно напасть, ага? И никто меня не защитит, так? Да не один я, не один! Возьму и пожалуюсь Фофу! Он этот океан в бараний рог согнет, он из него лужу делает! Фоф всеильный! Он меня из любой беды выручит! Шумы, океанишко, шуми!.. Сейчас я вернусь в городок, дождусь Фофа, а потом уж мы поговорим с тобой... Еще посмотрим, кто тут кому мерещится!»

Примус развернулся и быстро зашагал туда, где, по его представлению, лежал городок.

Впереди вдруг туго плеснула волна, преграждая путь к отступлению. Соленые брызги оросили лицо.

«Откуда в пустыне брызги? Мерещится все это!» — снова попытался убедить себя Примус. Он щипнул свое ухо. Сжал пальцами предплечье с родовой меткой. Не помогло. Первобытный Океан не исчезал.

Он шумел где-то рядом, единственный хозяин планеты. Грозный, безжалостный, чужой. Он прикидывал, как расправиться с мальчишкой, который так бесцеремонно вторгся в начало Времен. И не было на берегах этого Океана ни людей, ни машин, ни змеек! Никого, кто мог бы помочь Примусу! Кто мог бы прикрыть его своей грудью и, изловчившись, вернуть в прежний мир!

Полная беззащитность...

Полное одиночество...

Одиночество было таким пугающим, таким непере-

(150) носимым, что рыжий мальчик, задиристый, независимый и гордый, вдруг закричал, обжигая голосом гортань:
— Тир-ли!..

Вместо старушки-машины вновь откликнулся Океан. Он тяжело и безжалостно ударил по барабанным перепонкам своей громадной тушей.

Примус присел от боли и беспомощности. Съежился. Промелькнула мысль: «Надо повторить имя Друга! Как советовала машина... Тогда это дурацкий океан заткнется!»

Как заклинание, рыжик забормотал:

— Господин Фоф, господин Фоф, господин Фоф...

И сразу монотонную песню прибора перебил новый звук — уж не весла ли резали воду?

Примус вскинулся. Уставился во мрак.

Сейчас, сейчас вынырнет оттуда спасательная шлюпка. Стремительная и изящная. Обтянутая кожей первобытных монстров. Выйдет из лодки Фоф. Одернет свой черный костюм. Спросит: «Кто обижает моего наследника?» И — от ужасающего одиночества не останется и следа.

Плеск весел приближался.

И вдруг Примус расслышал, что никакие это не весла.

Вибрируя громадным барахтальцем, разгоняясь и разгоняясь, неслось к берегу громадное чудовище.

Примус вскочил. Бросился бежать. Споткнулся. Со всего маху приложился к земле...

Очнулся он в своей пещере, укутанный в плащ-палатку.

Колени горели ссадинами — новые родовые метки, да? Но серьезнее ссадин ничто не тревожило Примуса. Чувство одиночества, хоть и не прошло, уже не казалось таким безысходным.

Уютно булькали пузырьки воздуха в стеклянной банке. В воздухе витал легкий запах керосина, словно напоминал, что пора накалять бульжники, обогреть рыбу.

А еще пахло хлебом.

Голодный Примус привстал. Нащупал рядом с собой горячий каравай.

— Я разбудила булочника, — раздался знакомый голос, — и он, не дожидаясь утра, испек тебе хлеб.

В проем скалы заглянула пожарная машина.

— Ожил? — спросила она. — Жаль, сорвалась наша прогулка. Но ты сам виноват. Я предупредила: высаживаясь на берег Первобытного Океана, нужно вспомнить самое дорогое имя. Ты выбрал не то имя, иначе одиночество не напугало бы тебя.

— Тирли, — обиженно спросил рыжик. — Почему ты меня бросила? Почему уехала без меня?

— Я тебя не бросала. Я все время была рядом. Ты просто не замечал меня, — ответила машина. — До завтра, милый Примус! Не забыл, что за мной еще одна ночь? Примус пожал плечами.

9. Детская Песочница

И пришла новая ночь.

Подремав в гараже до темноты, машина направилась к пещере Примуса.

Было холодно и ветренно. С неба сыпали сухие снежинки. Песок под колесами смерзся. Заунывно скрипели в вышине флюгера. Но ничто из примет надви-

гающегося межсезонья не огорчало нашу пенсионерку. Наоборот, она чувствовала себя бодрее, чем обычно.

Машина то мурлыкала песню, то передразнивала голоса флюгеров, а если позволяла ширина улиц, пыталась изобразить танго.

Она вела себя так, будто по ее жилам бежало не горячее, а грог или ром.

В одном из переулков машина встретила Спичечника, который отчего-то еще не спал. Тот сразу заметил ее необычное настроение и спросил:

— У вас случайно не день рождения? Вы просто светитесь счастьем!

Машина остановилась и охотно поболтала со старым приятелем. Она рассказала ему про Примуса. Про то, какое неприятное впечатление произвел он в первый момент...

— Представляете, господин Спичечник, — говорила машина, — сперва Примус напомнил мне маленького разбойника, который выскочил на дорогу, встал на пути, достал нож и потребовал: «Кошелек или жизнь!» Но потом оказалось, что никакой это не разбойник, а вполне симпатичный мальчишка. Просто никто не успел ему разъяснить, что в жизни главное, а что нет... Пришлось свозить его к Первобытному Океану. О, господин Спичечник, как этот Океан подействовал на рыжего мальчишку! Темнота, тишина и ископаемые останки сделали то, чего не сделали бы сотни нравоучительных слов. Океан показал рыжику, как бывает, когда человек остается один, без друзей. Он смыл с нашего гостя всю столичную пыль, и теперь это совсем другой ребенок.

Спичечный мастер, потупившись, теребил подол фартука.

— А сегодня, господин Спичечник, — не замолкала машина, — я хочу предложить моему новому знакомому побывать в Детской Песочнице. Да-да, вон в том созвездии! Пусть-ка представит, что он — среди звезд. Оттуда, из Песочницы, очень хорошо видно, что на земле важно, а что нет...

Про «Ихтиопарк» же машина рассказывать не стала. Зачем вспоминать плохое о том, к кому относишься с теплотой?

Спичечник с интересом выслушал пожарную машину. Оглядел Детскую Песочницу, другие созвездия. А потом вздохнул:

— Ваш рыжик побывал у меня. Днем. Кто-то подсказал ему, где можно найти краску, вот он и заявился. Я не хотел отдавать ему ни сурика, ни индиго, ни охры, но он так умолял, что пришлось сдаться.

— Зачем ему краска? — ахнула машина, и тревожные предчувствия погасили в ней радость.

— А гляньте на забор...

Машина подкатила к забору-каменке. К плитам из шершуна был прилеплен плотный лист бумаги.

«ВНИМАНИЕ! — значилось на нем. — ОДИН ТОЛЬКО ДЕНЬ! ПРОЕЗДОМ ИЗ СТОЛИЦЫ — ЗНАМЕНИТЕЙШИЙ «ИХТИОПАРК ПРИМУСА»! ВСЕГО ЗА ДЕСЯТЬ «ВОЛНУШЕК» ВЫ УВИДИТЕ ВСЕВОЗМОЖНЫХ РЫБ! РАЗНЫЕ ПОРОДЫ! РАЗНАЯ ОКРАСКА! РАЗНЫЕ ХАРАКТЕРЫ! ЖДЕМ В ПЕЩЕРЕ! ЗАВТРА СПЕШИТЕ — А ПОСЛЕЗАВТРА НЕ ВЗЫЩИТЕ! УЕЗЖАЕМ!.. ОДИН ТОЛЬКО ДЕНЬ!»

Машина поправила очки, сползшие к бамперу от усердного чтения, и торопливо двинулась за город, к пещерам.

... В пещере Примуса горела керосинка. Сам он, привалившись к стене, держал над огнем прутик с наизнанными ломтиками мяса.

— Что ты здесь жарить? — спросила машина, заглянув в убежище столичного гостя.

— Таращилку поймал, — ответил рыжик. — Мне не понравилось, как она на меня смотрит.

Он расправил плечи, и косматые тени на потолке зловеще кольхнулись.

— Прикатилась — не запылелась... — Рыжий мальчишка отложил в сторону шампур и поднялся. — Давай, двигайся ближе! Мне многое нужно тебе высказать!

Машина почувствовала, что ее двигатель дает сбой. Под капотом противно заныло. А провода, ведущие к фарам, несколько раз коротнуло — и быстрые вспышки света, похожие на нервный тик, выдали внезапное волнение старой машины.

— Чего разморгалась? — зло поинтересовался Примус. — Приглядываешься к рыбкам? Отвернись! Последних сглазишь!

— Почему «последних»? — растерянно спросила машина.

— Почему, почему... Потому что окуну и нефтянику — каюк! Кверху брюхом плавают! А все ты виновата!

— Я?!

— А кто же? Вместо того, чтобы переселить рыб в свои баки, потащилась к какому-то океану. Расстроила все планы. Погубила лучшие экспонаты «Ихтиопарка»! Мне настроение испортила! Думаешь, приятно вспоминать прошедшую ночь?!!

Машина тоскливо слушала.

— Ты действительно пронырливый механизм! — вновь бросил Примус. — Даже меня вокруг пальца обвела. Вывела идею про «Ихтиопарк». Согласилась помочь. А потом — от ворот поворот! Сочинила прогулку к Океану. Думаешь, я не знаю, зачем тебе эта прогулка? Да все просто! Ты вздумала отвлечь меня от Дела! Наболтала про какие-то несуществующие опасности! Наврала с три короба, как от них защищаться! И пока я, как недотепа, повторял в темноте имя своего друга, ты стояла за скалой и изображала морской шум! Так? Ты хотела, чтобы я разволновался, занервничал, схватился за голову. Ты хотела, чтобы вместо «Ихтиопарка» я думал о том, почему мне не помогло самое дорогое имя. Ты все представила так, будто у меня нет друзей. Думала, я начну рвать на себе волосы и совершать глупость за глупостью?! Ошибаешь

ся! Когда ты уехала, я вопреки твоей просьбе отправился в город. Послonyaлся по улицам. И знаешь, что услышал?

— Что? — отрешенно переспросила пожарная, чтобы хоть как-то заполнить зловещую паузу, которую Примус сделал в своем монологе.

Рыжик вскинул в воздух кулак. Изо всей силы ударил по своему предплечью.

— Я услышал, что пустыня непроходима, когда восходит Черный Рог! Завтра там не проехать! А ты?! А ты?! Когда ты собралась за водой?! Завтра!!! Хитро придумано! Сегодня ты попотчешь меня еще какой-нибудь прогулкой, отвлечешь. А завтра заявишь: «Ой, Примус, совсем забыла! В пустыню не проехать...» И будешь невинно хлопать своими фарами. А потом станешь хохотать, подслушивая, как я объясняю Фофу, почему не смог добыть тысячу «волнушек». Ты чуть не оставила меня без небоскребов! Без заводов Фофа! Без его каналов! Ты чуть не лишила меня великолепной коллекции «Каталкеров»! Это просто чудо, что я вовремя догадался о твоей затее! Какое коварство!.. Ты в одиночку решила сделать «Ихтиопарк»! Ты знала, что я не поташу банку обратно в Столицу! Задумала ее присвоить! Потом, после заката Черного Рога, сгонять к родничку! Набрать воды! Запустить в свои баки моих рыбок! И делать, делать, делать из моей выдумки «волнушки»!.. Так?

Пожарная машина включила «дворники». Стрелки медленно заходили по лобовым стеклам, счищая растаявшие снежинки. Их натуженный, но мерный ход успокоил машину. Когда стекла стали сухими, машина ответила:

— Нет, Примус, не так! Ты забыл про клад. Я закопала все свои сбережения не для того, чтобы появился уголок воспоминаний. Мне не нужно специального места, чтобы грустить о тебе. Помнить тебя и тосковать я буду везде. Я сделала клад не для себя, а для тебя, и ты это уже слышал. Все «волнушки», которые там, наверху, твои! Смело бери их и отчитывайся перед своим Фофом. Я не знаю, что вас с Фофом связывает, но если деньги — не волнуйся: ты не останешься без заводов, каналов и «Каталкеров»...

— Так я и поверил в твой клад, — хмыкнул Примус. — Ты просто мечтаешь, чтобы я терял время, роаясь в пустом песке. Нет, госпожа проныра, твой «клад» не сбил меня с толку. Сегодня днем я не теряю времени. Разгадав твои замыслы, я бросился добывать бумагу. Стал делать афиши. Пригласил всех горожан в свою пещеру. Пусть смотрят на оставшихся в живых рыбок! Пусть выкладывают деньги! Я многое успел сегодня!.. Даже раскрасил свою пещеру под «Ихтиопарк»! Любуйся и завидуй!..

Только тут машина заметила, что каменные своды расписаны. На стенках не очень умелыми, жирными мазками были изображены водоросли, раковины. А на самом видном месте — ископаемая рыба с выпученными глазами и всклокоченной бородкой.

Примус недобро наблюдал за машиной.

А машине чудились страшные видения. Едва Примус проговорился о Фофе, машина поняла всю нелепость своего поведения. Пожар в сердце мальчика решила она загасить! Захотела подружиться с рыжиком! Взялась показать ему, что такое беспредельное

Одиночество, — и наивно ждала, что от такого потрясения уймется в юном сердце очаги жадности, хитрости, вещелюбия, жестокости... Как бы не так!

Пожар в душе столичного сорванца подпитывался неиссякаемым огнем, негасимым жаром. И теперь машина знала, каким... Экая наивность — не заметить над мальчиком великанской тени Фофа! Какая глупость — суетиться возле маленького костерка и не видеть, что рядом изрыгает раскаленную магму беспощадный вулкан, к которому невозможно даже приблизиться. Таким вот вулканом и представлялся пожарной машине Фоф, и, отгоняя от себя видение исполинской горы, раскаленных рек, текущих из ее жерла, черных хлопьев сажи, она подытожила: «Сдаюсь! Сдаюсь! Сдаюсь! Встать перед вулканом — это не листву сухожилки побрызгать! Давай-ка, Тирли, возвращайся в свой гараж! Не смей зевак! Пусть никто не знает, что твой старческий рассудок опять подвел тебя, заставил пробовать то, перед чем бессильны армады пожарных машин, молодых и энергичных! Задний ход, Тирли! В гараже тебя ждет увлекательное поделье! Нужно намазать поясницу солидолом. Нужно заизолировать проводок, чтобы не дергалась так нервно фара. Нужно отдохнуть и успокоиться».

Машина зарыскала взглядом между темными башнями и крышами городка, выискивая фигуру Велико-го Пожарного. Он, Учитель, должен понять свою воспитанницу и простить ее...

Каска Великого невозмутимо светилась над темными террасами шершуна, над спящими домами и деревьями. Но было в ее облике что-то непривычное. Машина всмотрелась в далекое сияющее пятно и больше чутьем, чем зрением разглядела: козырек каски развернут из привычного положения, будто Учитель повернулся в сторону дальнего родничка и что-то выискивает там своим взглядом...

— Ну-ка, машина, освети дорогу, — вдруг проговорил Примус. — Сюда кто-то идет! Клянусь, что в «Ихтиопарк»! Первый посетитель!

Из непроглядной тени, которую роняла на дорогу скала, и впрямь выкатился торопливый пешеход. Это был Спичечник.

Примус чертыхнулся.

— Этого придется пустить в пещеру за «просто так», — пробубнил он. — Мужик краску мне подарил. И наверхника пришел за ответным даром. Ладно, пусть смотрит! Не обеднею!

Но «Ихтиопарк» Спичечника не интересовал.

Спичечный мастер остановился возле пожарной машины и, не глядя на рыжика, проговорил:

— Госпожа машина! Простите, что нарушаю ваше уединение, но я с приятной вестью... Совсем забыл показать вам новые этикетки. С портретом Великого Пожарного. Вот, любуйтесь, пожалуйста, и не считайте, что я растранижил всю краску по пустякам. Нет, для доброго дела я оставил маленький запас и охры, и ультрамарина, и индиго...

Горожанин в фартуке протянул машине спичечный коробок.

В свете фар цветная миниатюра ласково сияла всеми тонами и полутонами. Детали и подробности на ней не отпускали взгляд.

Засучив рукава, Великий Пожарный боролся с огнем. Из брандспойта вырывалась струя воды. Она описывала в воздухе каракули, из которых складывалась надпись: «САМЫЙ ОПАСНЫЙ ПОЖАР — ПОЖАР В СЕРДЦЕ». И лишь потом струя рассыпалась брызгами, которые готовились осесть на пунцовое сердечко, почти такое же, какое рисуют влюбленные девочки, только без стрелы Амура. Стрелу заменяли три огненных языка. Они вольготно трепетали над сердечком, но было понятно, что недолго измываться огню над чьей-то беззащитной душой. Осядут брызги — и от пламени не останется помина.

Машина поблагодарила Спичечника за коробок. Потом предложила:

— Раз вам сегодня не спится, давайте поиграем!

Спичечный мастер не удивился.

— Охотню вам подыграю, — согласился он. — И подпою, если надо. И подтанцую. Сделаю все, чтобы разделить ваше странное состояние. Только вы подсказывайте, как мне быть, как поступать...

Понятливым оказался Спичечник.

Не бессонница заставила его плестись по пятам за пожарной, и не новая этикетка, конечно... Складывая все впечатления дня, Спичечник понял, что нынешней ночью нельзя оставлять машину наедине с тем, кто в первый миг показался ей разбойником, хоть и маленьким. И вот — пригодилась назойливость простоватого горожанина!

— Давайте поиграем в «монетный дождь», — предложила ему машина. — Правила у игры несложные, а радости хоть отбавляй! Это самая звонкая игра, которую я знаю! Когда вокруг скрипит и шуршит сама Скука, звон монет способен поднять настроение даже у угрюмых тарасилок.

Машина замолчала. Над ее корпусом вдруг возникла лестница. Она росла, росла, и вскоре дотянулась до вершины скалы.

— Последний раз я пользовалась лестницей, когда загорелась деревянная балюстрада Маяка. Давненько это было!.. — вспомнила машина. — Великого Пожарного тогда не оказалось рядом (пожар случился глухой ночью!), и по лестнице стал карабкаться Охотник из Столицы. Помните такого? Он приехал за шкурками вяляек и расплющилок. Все ходил по нашим лицам с капровой петлей и выклянчивал у Начальника разрешение на охоту. Разрешения ему не давали, вот он и решил показать себя героем, смягчить начальническое сердце. Кстати, до сих пор загадка, отчего вспыхнула балюстрада и почему Охотник оказался в ночную пору у Маяка! Но как бы там ни было, он взялся погасить огонь. Схватил ведро с водой.

Пополз по лестнице. И вдруг, едва одолев середину, замер. «Холодно, — просипел он с высоты. — Невероятный холод! Я превращаюсь в груду ледяных кубиков!» Охотник кубарем скатился со ступеней, принялся растирать побелевшие уши и щеки. А надо сказать, стояло знойное лето. Тут примчался Великий Пожарный, еще кто-то из горожан. С пожаром быстренько справились. А я вспомнила про Охотника. Откровенно, мне было немного стыдно. Уши-то он отморозил из-за меня. Я совсем забыла его предупредить, что когда взбираешься вверх — Детская Песочница становится чуть ближе. А Песочница — созвездие своеправное. Так запросто оно к себе не подпускает. Я думала, Охотнику хорошо известно то, что знают все наши малыши. Собираешься к Песочнице, даже понарошку, придумав себе мазь от тяготения или изобретая крылья, — обязательно реши, кто из друзей будет с тобой! Не любит Песочница тех, кто презирает Дружбу! Не любит и жестко наказывает! И во время воображаемых путешествий к ней, и тем более, когда приближаешься по-настоящему... Я думала, Охотник знает эту тайну неба. А он не знал. Вот и обморозился. Искала, искала я этого бедолагу, чтобы извиниться перед ним и объяснить, откуда взялся холод, но так и не нашла...

— Помню я этого «гостя», — вздохнул Спичечник.

— Когда он исчез со своими обмороженными ушами, во всех окрестностях вдруг пропали наши змейки. А те, что изредка встречались — шарахались от людей, как от кровожадных филинов. Жаль, искренности жаль, что этот охотничек не успел обморозить рук! Вы вот искали его, чтобы извиниться, а я, когда про змеек узнал, возмечтал растереть его обмороженные уши. Бросился вдогонку. Повезло ему, что успел удрать от меня и других наших «лекарей»!

Спичечник встал на приступку кабины. Приобняв пожарную машину, сказал:

— Детская Песочница меня не оттолкнет. К звездному «песку» я буду приближаться, держа в памяти сотни дружеских лиц. Но — сделайте одолжение!.. Разрешите, чтобы самым ярким среди этих лиц было ваше... Можно, я поднимусь вверх с вашим именем на устах?

Машина засмеялась.

— Смотрите, не ошибитесь! А вдруг примерзнете к ступенькам! Я ведь вас не пожалею! Вывезу в город прямо на разложенной лестнице! Дождусь утра. И буду всем предлагать: «Хотите на влипшего Спичечника глянуть?»

— «Если хотите, платите десять «волнушек!»» — шутиливо подхватил спичечный мастер. — А если серьезно, не получите с меня навару! Не прилипну я к вашим переключателям. Я же подстраховался! У Песочницы я буду думать о

160

вас, но не о нынешней, а о совсем-совсем маленькой. Помните, вы тогда носились по городку с шелковой лентой? А однажды заглянули ко мне в гости. Я уже был взрослым и мудрым. Даже лысиной успел обзавестись. Но перед вашим любопытством не смог устоять. Вы с таким интересом разглядывали цеха моего заводика, что я решился показать вам свое любимое развлечение. Помните, какое?

— «Блуждающий огонь»! Не для посторонних ушей будет сказано!

— Точно! Мы навтыкали в землю много-много спичек, одну за одной. Спички, как бабульки в очереди, тянулись по всему двору, выписывали разные кренделя. Замысловатейший узор получился из их головок! Мы подождли начало «очереди», и пламя покатилося по извилистому пути, для него приготовленному, а мы — следом. Ползли за огоньком и радовались, что он послушен нашим прихотям. Огненный язык докатился до последней спички, лизнул ее и погас. А мы увидели перед собой огромные сапожищи. Великий Пожарный, прищурившись, наблюдал за нами.

— Ой, ой, дальше не вспоминайте! — притворно заохала машина.

— Я хочу напомнить лишь одну фразу Великого, самую первую. Не забыли? Он сказал: «Так... Спелись, пиротехники, сдружилесь!». «Сдружилесь»! Великий Пожарный знал толк в дружбе и зря ничего не говорил. Вот поэтому я поползу навстречу Песочнице безо всякой опаски. Рядом со мной будет девочка-машина с навинными круглыми фарами, в которых так много тепла!

Спичечник ласково похлопал машину по кабине и стал непринужденно взбираться по лестнице. Вскоре он был на скале.

— Привет, Песочница! — послышалось оттуда. — Мы только что вспоминали про столичного Охотника. Хорошо ты ему наподдала тогда! Прими нашу поздравную благодарность!

Машина рассеянно смотрела на россыпь звезд в вышине. С неба продолжали соскальзывать снежинки. И хотелось верить, что этот редкий снежок, белый и чистый — маленький дар далекого созвездия, посланный тем, кто разобрался, что на земле важно, а что не очень...

— Жду указания, — негромко напомнил о себе Спичечник.

Машина спохватилась.

— Недалеко от вас торчит из песка гаечный ключ, — сказала она. — Эту «вешку» я оставила над кладом. Раскопайте его. И все монеты — горстями — вниз! Пусть звенят! Пусть заливаются! Пусть хохочут! Пусть прошумит над нами монетный дождь!

Спичечник исчез за карнизом скалы. А потом появился вновь. Взмахнул рукой...

И зазвенел над скалами брякунец!

Монетки сталкивались в воздухе, рикошетили, задевали каменные уступы... И звенели, звенели, звенели!

Тысяча звонов зависла над пустыней, а может, и больше!

Когда монетный ливень, веселый и упругий, кончился, Спичечник буднично сообщил с высоты:

— Теперь и поспать можно. Я уж не буду спускаться. Отсюда ближе к дому. Спокойной ночи, машина!

Он был догадливым, этот Спичечник. Он прекрасно понимал, что теперь машину нужно покинуть.

Когда затихли его шаги и гроыхание спичечных коробков в карманах, из пещеры выбрался Примус. Поднял с земли монетку. Повертел в руках. Хмуро сорвался на басок:

— Ну и аттракцион ты устроила, Тирли!

От его недавней запальчивости ничего не осталось.

— Немножко аттракцион, — согласилась машина.

— Но как иначе можно было всучить тебе эти жалкие «волнушки»? Ты же не поверил в клад! Вот и пришлось его разрывать! Теперь-то, думаю, ты понял, что старушка Тирли слов на ветер не бросает?! Пока, Примус!

— Погоди... — еще пасмурнее попросил рыжик. — Я про другой аттракцион!.. Прямо не знаю, верить вам со Спичечником или нет?!

Примус подошел к пожарной. Робко приложил ладонь к радиатору. Машина не пошевелилась и подрагивающей руки рыжика не оттолкнула.

Тогда рыжик рывком забросил свое тело на кабину. Вскочил на первую ступеньку и по-обезьяньи стал карабкаться вверх.

На середине лестницы он замер, и через железные лестничные штанги докатился до машины его озноб.

Машина печально улыбнулась.

Но Примус неожиданно справился с собой. Двинулся дальше. Все медленнее и медленнее. Каждая новая ступенька давалась ему в мучении, но их количество все же уменьшалось, уменьшалось...

И вот — Примус замер на верхотуре.

— Не такая уж ты, Песочница, и страшная! — весело крикнул он. Колебания его голосовых связок передались лестничным стойкам и болезненно отозвались в изношенных деталях и соединениях нашей пенсионерки.

Машина еле сдержала стон.

«Ты не пожарная машина! — обругала она себя. — Ты просто безмозглый «Каталкер»! Ты забуксовала там, где все твердо и прочно. Ты с чего-то взяла, что этот рыжий верхолаз одинок, что Фоф не может быть ему другом. Но почему?! Ведь это очень логично: мальчик с пылающим сердцем прислонился к плечу огнедышащего вулкана. Обоим тепло! И никакие «волнушки» не помеха такой дружбе! Даже наоборот!..»

Примус спустился на землю. А машина торопливо, чтобы не выдать слез, промолвила:

— Часть обещаний я выполнила. Деньги у тебя есть. Осталась вода... Я изо всех сил постараюсь сдерживать и это слово. Но если не хватит сил, не держи зла на старушку Тирли. Не все подвластно старости.

— Да подожди, Тирли... — начал было рыжик. Он хотел рассказать про покорение лестницы. Про то, как на первых же ступеньках и впрямь набросились на него злые морозные сквозняки. Решив не призывать себе в помощь никаких имен, Примус упрямо взбирался

к Песочнице, но холод колот все больше и больше. Вот тогда-то Примус и догадался, кто спасет его от расправы далекого созвездия. Он представил малютку-машину, которая носилась по пустыне с шелковой лентой. Подумал, что с такой егозой никакие опасности не страшны. И сразу почувствовал, что морозный ветер отступает. Сердце разнесло по телу рыжика волны тепла...

Вот такие слова подбирал растерянный Примус, готовил их для пожарной машины.

Но машина не стала слушать. Она рванула вперед и исчезла за поворотом.

10. Под Черным Рогом

И случилось то, что неминуемо должно было случиться в нашей затянувшейся истории.

Едва забрезжил рассвет, машина подалась к дальнему родничку.

Есть зрелища красочные, наполненные ловкостью и удалью. Выезд машины был не из их числа. Она тащилась по пустыне нерешительно и с опаской — уж не гусыня ли, которая сдуру забралась на забор-каменку? Она то теряла наезженные колеи и притормаживала, подслеповато озираясь, то налетала днищем на камень и замирала от боли.

К ключу пожарная добралась под вечер. Передохнула. Склонилась над водой. И увидела, что на ее поверхности плавают черные лоскуты. Подобные лоскуты Мусорный Ветер изредка приносил из Столицы. Машина знала, что это остатки лопнувших верблюжьих пузырей, траурных. Черные шары развешивались по всему городу, если от Фофа ускользала выгодная сделка, или пущенные в оборот «волнушки» не приносили ожидаемого дохода, или когда один из любимых «Каталкеров» налетал на фонарный столб...

Машина попыталась выловить клочки пузыря и с горечью обнаружила, что за траурную лоскутину она приняла отражение Черного Рога. Дурная примета!

Сам Черный Рог уже выполз на небосклон и неутомимо карабкался вверх. Его острие покачивалось, словно стрелка спидометра. Зловещий небесный «спидометр» показывал миру скорость, с которой пустыня неслась к катастрофе.

Машина торопливо втянула воду в свои резервуары. Припустила в обратный путь.

Стрелку настоящего спидометра вскоре зашкалило — давненько наша пенсионерка не демонстрировала таких скоростей. Счетчик пробега выбрасывал цифру за цифрой и часа через два показывал, что половина обратного пути пройдена. Если обойдется без неожиданностей, то к началу песчаного прилива машина будет в городке.

Раздался гулкий треск. Впереди лопнула смерзшаяся песчаная корка. Из трещины зафонтировал песок. Это был еще не прилив — лишь первое его предвестье. Машина без труда преодолела барьер. Поправив сбившиеся очки, она убыстрила ход. Ее сухое неровное дыхание разносилось в зловещей тишине на многие километры. Но никто этого не слышал. Пустыня вымерла.

Внутри Черного Рога безмолвно полыхнули ветви-

тые молнии. Тут же погасли. Вместо обгорелого древесного сучка Рог стал походить на кристалл, излучающий черное сияние. Упав на пустыню, черное это зарево отражалось от каждой песчинки и вновь поднималось к небу — уже мириадами тончайших лучей. В такт Черному Рогу лучи покачивались: влево-вправо, влево-вправо... Жутковатое зрелище! Пустыня превращалась в оцетинившееся чудовище.

В молодости, во времена своих вызывающих прогулок под Черным Рогом, машина всегда хохотала, оказавшись в окружении черных «игл». Она казалась себе блохой, плутающей в шерсти мамонта. Сейчас было не до смеха. Смех отбирает энергию, а между тем наступал важнейший момент. Вот-вот замечутся в воздухе песчинки, сначала робко, а потом все отчаяннее. Черные лучи сразу изломаются, смешаются в такую «копну», какой мир не видывал. И лишь над колеями, где песок хорошо утрамбован, черные лучи не раздробятся, они такими же тонкими иглами будут уходить в небо и так же будут покачиваться: влево-вправо, влево-вправо... В хаосе пыли, ветра и мрака возникнет замечательный ориентир: два лезвия лучей над невидимыми колеями. Жми на газ и ни о чем не думай! Да не мешкай! Буря разыграется, потом грянет прилив, пустыня заворачивается, словно живая туша, сметая дороги, тропинки и все, что на них окажется.

По обочинам дороги и в глубине пространства часоток черных лучей сбился с единого ритма. Песчинки начали взлетать в воздух, разбрасывая отражения Черного Рога вкривь и вкось. Машина приготовилась к последнему броску.

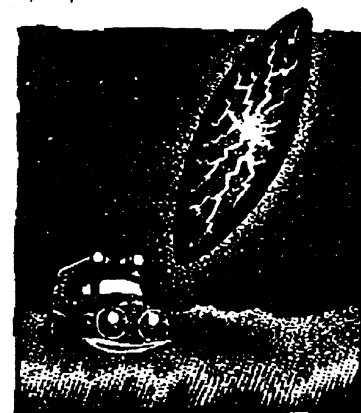
Вдруг справа мелькнул свет фар. Наперерез пожарной мчался какой-то автомобиль. Если бы Черный Рог начал падать с небосклона, это вызвало бы меньшее удивление. Машина замерла.

Из перекрестья черных лучей бесшумно вынырнул «перехватчик». Белый «Каталкер»! Он, не сбавляя скорости, шел на таран. Пожарная машина бросила себя вперед. И в тот же миг страшный удар обрушился на ее правый борт. Пожарную кинуло, развернуло. Все ее существо пронизала невыносимая боль — уж не молнии ли рванули между фарами и задними «поворотниками»? Машина потеряла сознание.

Целую вечность она плавала в каком-то тумане, пытаясь разыскать там отсвет каски Великого Пожарного. Великий Пожарный нужен был лишь для одного: чтобы осыпаться вокруг его постамента звонким дождем гаек, шестеренок, поршней.

Наконец машина очнулась. Забытье, оказывается, было мгновенным. «Каталкер» лежал рядом на боку. Его колеса стремительно вращались. А из кабины выбирался молодой господин в черном костюме-«тройке».

— С ума спятила? — истерично закричал он. — Ты что, не знаешь, что «Ка-

талкерам» положено уступать дорогу?! Ты!.. Колымага! Консервная банка! Тебе бы мусоровозом работать! И ни шагу со свалки! Ничтожество!

— Тихо, смертник! — превозмогая боль, цыкнула машина.

— Смертник? — господин вдруг сбился на шепот.

— А кто же? Разве не знаешь о приливе? Вот-вот закрутятся воронки, а им нет разницы, кого похоронить в песке: старую колымагу или новенький «Каталкер»!

— Ну и что, прилив? Мой керосиновый компас показывает, что городок совсем рядом. Я успею удрать от прилива! Даже пешком! Вот захвачу компас и пошлагаю...

Господин в черном костюме по пояс скрылся в перевернутой кабине. Разыскал там какой-то приборчик, похожий на часы. Поднес к самому лицу. Уверенность сполна вернулась к нему.

— Вот, — щелкнул он по крышке прибора. — Стрелка показывает, что пещера с рыжим мальчишкой и с его керосинкой совсем рядом.

Господин начал озираться.

— Как он работает, ваш компас? — насмешливо спросила машина.

— Очень просто! В этот зачуханный городок приехал один мальчик, наш посланник. Он привез с собой примус. Ну, прихоть такая у ребенка — керосинки по белу свету таскать. Чтобы мальчик не потерялся, господин Фоф велел нам подсыпать в примус, прямо в керосин, горсть «щекотливых шариков». Эти шарики растворяются в горячем и притягивают к себе стрелку компаса. Керосиновый компас способен за сотню километров уловить, где находится меченый примус. Вот, посмотри... Стрелка, как ни верти прибором, всегда показывает на «щекотливые шарики», то есть на мальчика и его примус. А когда цель совсем близка, на циферблате загорается надпись: «ХА-ХА-ХА!» Видишь, она уже горит! Ловко, а?

Водитель «Каталкера» снова завертел головой.

— Где же эта чертова пещера?

— А про пещеру вы откуда знаете? — спросила машина. — Тоже техника помогла?

— А как же? — гордо ответил господин в черном костюме. — Мы обещали приехать за рыжим мальчиком после восхода Черного Рога. Но микрофоны, встроенные в головку его примуса, передали в Столицу: мальчик выполнил задание до срока! О, Фоф был так доволен! Всю вчерашнюю ночь он сидел у подслушивающего устройства. И было бы что подслушивать! Мальчик просто считал «волнушки»: «Одна, две, три... Тысяча две, тысяча три...» Но Фоф слушал эту бормотню, словно неземную музыку! А когда счет был закончен, господин Фоф вызвал меня и приказал: «Срочно! За рыжиком! Немедленно в Столицу его!.. Испытание он выдержал превосходно! Но есть настораживающие обстоятельства!.. Нельзя терять ни минуты! Другого такого мальчика мне не добыть! Сегодня же усадить его в «Каталкер» и вернуть в черный небоскреб!» Да где же эта пещера?! — Господин из Столицы приставил ладони ко рту и закричал: — Рыжик! Ры-жик! При-и-мус!

— Значит, «щекотливые шарики», — задумчиво проговорила машина и окликнула водителя: — Эй, горе-каскадер! Не надрывайся! Примус далеко! К его

пещере добираться не меньше двух часов! Если бы твой «Каталкер» не валялся кверху брюхом, может, ты бы и успел, господин смертник! Тебя подвели «щекотливые шарики»! Там, в своем черном небоскребе, вы не учли одного: что рыжий мальчик может положить свою ладонь на мое крыло, на капот. А руки в керосине! Поэтому «шарики» начали щекотать ваш компас не из пещеры, а отсюда, с моей кабины. Я оказалась ближе, чем Примус, и стрелка компаса сбилась на меня. Приехали, господин порученец!

Пожалуй, впервые за жизнь машина испытывала злорадство. А что еще испытывать к человеку, который только что чуть не отправил ее на тот свет? Ей хотелось вновь и вновь бросать в самоуверенного горемыку злые клички: «смертник», «каскадер», «таксист», «порученец»... Но дорога была каждая секунда! К тому же машина чувствовала, что в аварии есть и ее вина: нечего было лезть к рыжику, нельзя было позволять ему касаться кабины своими руками!.. Не испарялись бы сейчас с ее бортов «щекотливые шарики», не зажгли бы на компасе глумливую надпись: «ХА-ХА-ХА!»

— Вот тебе и «ха-ха-ха!», — подытожила машина. — Садись, смертник, в мою кабину! Может, успеем... Господин из Столицы нерешительно шагнул к машине, но вдруг побледнел.

— А «Каталкер»? — прошептал он. — Если я погублю автомобиль, Фоф вышвырнет меня с работы. Даже в лоточниках не оставит! Одна дорога — на свалку! А это гибель!

Машина снова услышала внутри себя заупокойный звон. Откровенно увидела, как к подножию Учителя осыпаются ее искореженные детали. О, если бы так!.. Но конец будет другим! Ее похолодевший кузов останется не у памятника, а здесь, в пустыне, под толщей песка...

— Быстро!.. — выпалила машина. — В моей кабине — домкрат-пятитонник! Нужно приподнять «Каталкер», иначе его не поставить на колеса! И прикрепи трос к раме! Живее!

«Смертник» засуетился. Он делал все довольно быстро, но казалось — проходят часы. Машина, отвернувшись, смотрела на скрытый за дюнами городок, на дорогу. Черные лучи обозначали ее уже не так явно. Все больше трещин пробегало по колеям, песок расползался, как квашня, новые отражения от Черного Рога пытались замаскировать, скрыть путь к спасению. Частокол лучей, указывающий направление к городку, редел, редел...

Наконец машина почувствовала, что обвисший трос связал ее с «Каталкером». Не обращая внимания на боль, она напряглась, рванула вперед. Позади раздался мягкий шлепок: «Каталкер» встал на ноги.

Его мотор заурчал. Белый автомобиль аккуратно объехал пожарную машину.

— Вон лучи, — показала машина. — Гони прямо по ним! Успеешь — твое счастье!

Двигатель «Каталкера» взревел. Из раскрытого окна высунулась голова фюфювского посланца.

— Еще посмотрим, кто из нас смертник! — перекричал он шум мотора. Выжал сцепление. «Каталкер» исчез во мраке.

А нашу героиню опутало равнодушие. Для пущей убедительности нам бы следовало добавить: «полное»... Полное равнодушие! Но это несправедливо! Откуда-то из глубины души выбиралось на поверхность другое чувство, теплое, знакомое, заставляющее бороться за жизнь...

Была то симпатия к Примусу, необъяснимая, упрямая и — спасительная! Она заставляла подавить приступы пусточувствия, заставляла двигаться. Она, почище керосинового компаса, показывала верное направление.

Машина поползла вперед. До начала прилива оставалось меньше часа. Будь у пожарной реактивный двигатель, успела бы вернуться к Маяку, к Фонтану, к памятнику Учителю, к серым улочкам, знакомым до каждой царапины на мостовых, к милым землякам, к бедовому, наконец, мальчишке с рыжими патлами волос... Но о реактивном двигателе приходилось лишь мечтать. Зато имелся опыт!

Машина свернула с наезженной дороги влево. Подпрыгивая на барханах, выползающих — не крем ли из тюбика? — из новых трещин, стала набирать скорость. Она спешила к Первобытному Океану. До Океана, если не сбиться с пути, полчаса езды! Нужно успеть! Тогда песчаный прилив не так страшен. Каменное плато в воронку не закрутишь. На нем машина в относительной безопасности. Правда, оставалась песчаная пурга. Разгуляется — и перевернуть может, и обратно в пустыню утащить. Но незачем торчать на плато и дожидаться пурги. Первобытный Океан велик, у него много бухт и заливчиков. Один из таких «заливов» — извилистый каменный язык, полускрытый слоем песка, подступает прямо к городскому Маяку. Лишь бы отыскать его во мраке!..

Бежать становилось все труднее. Треск смерзшегося песка уже не прекращался. На свежих барханах колеса юзили, скорость сбивалась.

Ослепительные молнии вновь полыхнули внутри Черного Рога. Он стоял в самом зените — добрался, беспощадный бедокур! И сразу же кузов машины повело вбок. Пустыня закручивала первую воронку.

Машина поспешно погрузила передние колеса в песок, свела их вместе, пытаясь удержать себя. Песок уползал из-под днища. По осям били смерзшиеся комья, похожие на льдины. Медленное круговое движение влекло машину за собой.

Пожарная включила на миг сирену. Резкий звук полоснул тишину. Подстегнутая этим звуком, машина отчаянно прыгнула вперед и... приземлилась на камни, на твердую спасительную опору.

Первобытный Океан!..

Из шины переднего колеса со свистом уходил воздух. Напоролась-таки на обломок! Но — некогда, некогда прислушиваться к боли! Городок совсем рядом...

Быстрее, быстрее к его улицам, защитникам-улицам-окопам!..

Только где они, эти улицы? В какой стороне?

Буря скрыла все! Даже силуэт Черного Рога! Ни одного ориентира вокруг, ни одной подсказки! Мир, окружающий машину, съезжился, превратился в осиное гнездо, свитое из тьмы, ветра и песка. А внутри этого гнезда — словно полумертвое насекомое — наша пенсионерка!

Хотя бы один ориентир!.. Хотя бы один огненный всполох над родным городком!..

11. Подарок для Фофа

Горожане сбились у Маяка. Их взгляды были обращены к пустыне.

— Она неизменна, наша пожарная, — то и дело повторял Спичечник. — Опять, как в молодости, решила поиграть с Черным Рогом в кошки-мышки. Ох, проказница!

— На этот раз ей крепко от меня достанется! — подхватывал Начальник города. — Посажу под домашний арест! На три дня! Пусть только появится!

Но машина не появлялась.

Уже и Рог показался над горизонтом. И первые трещины зазмеились по песку. Холодная тьма облепила городок со всех сторон. А машины не было!

— Больше ждать нельзя, — сказал Начальник города. — Нужно...

Он оборвал себя на полуслове, потому что кто-то воскликнул:

— Я вижу свет фар! Едет, едет, дорогуша...

Пятна света приближались. Вскоре из тьмы вынырнул автомобиль. Как вы догадались, это был белый «Каталкер».

Он остановился перед молчаливой толпой.

Водитель, вместо того, чтобы выйти из машины, чуть-чуть опустил стекло дверцы. Сквозь узкую щель он прокричал:

— Дайте проехать! Я не к вам спешил! Я к рыжему мальчишке, в пещеру!..

— Он здесь, твой рыжий мальчик, — тихо сказал Начальник города, нисколько не заботясь, слышит ли его водитель «Каталкера». — Он стоит вон там, за Маяком. Слушает, как я отчитываю пожарную, как грожу арестом, и радуется, что все сошло ему с рук. Считает, несчастный, будто мы и впрямь решили, что машина отправилась к роднику в поисках приключений. Зовите своего рыжика, убирайтесь вместе с ним с глаз долой!

Горожане расступились, образовав проход между Маяком и «Каталкером».

Из-за высокой башни вышел Примус. Вытирая ладонью слезы, медленно побрел к белому автомобилю.

Люди смущенно отворачивались от понурого мальчугана в черном облегающем одеянии, в кепочке, рекламирующей столичные магазины.

Все уже знали, что это за человечешко. Афиши рассказали больше, чем было на них написано.

Водитель «Каталкера» воровато приоткрыл дверцу.

— Быстрее, господин Примус, быстрее! — прошептал он.

Но Примус остановился. Развернулся к горожанам.

— Я... — кусая губы, начал он. — Я хочу...
Начальник города лишь отмахнулся.

— У нас было время узнать о твоих желаниях! Сейчас не до тебя!

Горожане сомкнулись вокруг Начальника, ожидая его указаний. Он же заговорил быстро и решительно:

— Если машина догадалась сделать крюк через каменное плато, то еще есть надежда! Только нужно подсказать ей направление, дать ориентиры! Нужно, чтобы у Маяка загорелся яркий свет!

— Мой дом подожгите! — спокойно предложил кто-то. — Вон он, с новым искрогасителем на трубе!

— Это в крайнем случае! У нас еще есть минут тридцать в запасе! Нужно успеть собрать хворост для сигнального костра. А сын Спичечника отправится со мной, поможет принести коллекцию детских панам, пилоток и косынок. Думаю, с башни Маяка они полыхнут так, что и в Столице заметят. А вы, не дожидаясь, зажигайте костер. Одно другому не мешает. За дело!

Начальник взял за руку малыша Спичечника и... замер.

По шерботой башне Маяка карабкалась чья-то фигурка. Все выше и выше.

— Примус! Вернись! Ущипни себя за предплечье! — слышались из «Каталкера» глухие причитания. — Мне из-за тебя шею свернут! Куда ты? Наследникам Фофа не полагается взбираться к небесам!

Рыжик молча продвигался вверх, по-обезьяньи цепляясь за выступы шершуна. Вскоре он был у вершины башни, прямо под основанием деревянной смотровой площадки. Ухватиться за край площадки или за столбик балюстрады не было никакой возможности — слишком далеко от каменной кладки, в которую вжался Примус.

Тогда Примус немного спустился вниз. Нащупал ногой выступ пошире и, оттолкнувшись от него, взмыл в воздух, изогнулся, выкинул руки вверх и назад...

Начальник города молниеносно бросил свое грузное тело к основанию Маяка. Но рыжик не сорвался... Его ладонь коснулась резного столбика балюстрады, соскользнула с него, но в последний миг зацепилась за край площадки.

Чуть покачиваясь, рыжик висел на одной руке на высоте в полсот-

(64) ни метров. Люди внизу онемело смотрели на него. Но вот рыжик дернулся. Схватился свободной рукой за переплет балюстрады. Стал подтягиваться. Извившись змейкой, забросил на площадку Маяка одну ногу, вторую... Перебрался через перила.

Очутьившись на верной опоре, рыжик не передохнул ни секунды. Поэтому, когда он закричал, горожане услышали в его голосе и стук загнанного сердца, и жаркие конвульсии легких. А кричал рыжик:

— ТИ-И-ИИ-ИР-ЛИИ-ИИ-И...

— Тирли! — взывал он. — Я здесь! Я рядом! Тирли, я должен сказать... Я приготовил подарок... Фофу!.. Сразу, как ты исчезла... Осталась краска... Черная... Я вымазал верблюжий пузырь!.. Будет у Фофа траурный шарик! Будет! На память обо мне! Возвращайся, Тирли!.. Мы возьмем рыбок! И покажем их всем! Бесплатно... Ти-и-ирли!.. Вернись!.. Без тебя холодно и одиноко! Ну, Тирли!.. Слышишь?!!

Люди под Маяком по-прежнему не двигались. Не собирали хвороста. Не напоминали Начальнику о его коллекции. Не поджигали домов, чтобы помочь этим отчаянным поступком своей машине...

Их промедление было бы ужасным, непростительным, если бы не одно обстоятельство: Маяк светился!

Это лучилась кепка на голове Примуса.

— Вот он, свет добрых мыслей, — тихо протянул Начальник Города. — Иногда его так трудно пробудить... Но если это получилось, такой свет не победит ни одна тьма!

— Видит ли этот огонек наша машина? Сориентируется ли?

— Еще бы! Ведь она сама затеплила его в душе столбчатого мальчишки...

Горожане, не отрываясь, смотрели на вершину Маяка. А кепка на голове Примуса, словно яркое солнце,

все шире расплескивала золотистый свет. Он озарял площадь у подножия башни, его отблески колыхались на крышах домов, на флюгерах, на каске Великого Пожарного.

Свет разливался все дальше и дальше — и вскоре никто из горожан, оберегая глаза, не решался взглянуть на мятую кепчонку, не смог проверить, остались ли на ней рекламные буквицы...

Эльфийский Новый год

В Екатеринбурге (более известном для фэндома как Свердловск) второй раз праздновали Эльфийский Новый год, второй раз в вечной редакции вездесущего «Уральского следопыта» (да пошлют ему боги хоть немножечко удачи...). Организаторы — Лариса Бочарова, Евгений Сусоров & Co. Собралось более 100 человек, из них половина — гости из Тюмени, Орска, Кургана, Уфы, Омска, Новосибирска, Новокузнецка, Казани, Москвы, Воронежа... словом, по географии получилась маленькая «Аэлита». При этом была задумка частично «Аэлиту» воспроизвести вручить приз «Старт» по номинациям 1995 года за первые книги, вышедшие в 1994 году; предполагалось, что «Старт» получат сразу трое (вернее, четверо): Г.Л.Олди (Д.Громов и О.Ладыженский) из Харькова, А.Щупов из Екатеринбурга и И.Чубар из Архангельска, — но нет денег, не стало и призов, в том числе планировавшегося мемориального приза имени В.И.Бугрова для редакторов. А Новый год, по отзывам, получился не хуже, а в чем-то даже лучше и глиповского, и зилантовского.

Глипкон-96

Шестой Глипкон, он же «семинар по нетрадиционной педагогике», он же конвент, посвященный (когда-то) Толкиену, фэнтези и ролевым играм, почему-то объявленный в этом году юбилейным, состоялся в маленьком волжском городке Плес, в 70-ти км от Иваново, известного в народе как город невест и Колобаева. Размещались в том же детском пансионате. Оргвзнос в этот раз был дифференцированным: Москва, Казань и прочие европы платили по 85 тысяч «деревянных», а восточные люди, в том числе из Екатеринбурга, всего по 25; причем, как выяснилось впоследствии, за эти гроши еще и кормили. Гостей было человек 50. Московских

Ведущий рубрики
Сергей КАЗАНЦЕВ

Эта информация получена по компьютерной сети «Интернет» из Санкт-Петербурга, от «Курьера SF» под редакцией Сергея Бережного (подписка через «Интернет»: Internet, в эхоконференции SU.BOOKS, SPB.BOOKS, RU.SF.NEWS, RU.FANTASY и UA.SF&F.PRO, файл-эхи XFNZ_TXT, C89_NONF). Дано в редакторском пересказе.

дивных эльфов и орков практически не было. Не появилась также Ниенна со свитой, придававшая прошлым Глипконам неповторимый колорит. «Крутые» все три дня предавались воспоминаниям о днях золотых и хором обижались на Кэтрин Кинн, которая в своем фэнзине «Талисман» объявила их «отжившим поколением» и предложила уступить место молодежи. Собственно, большая часть их нетрезвых монологов как на семинарах, так и в кулуарах, сводилась к попыткам объяснить окружающей общественности, что нет никаких «жестких» или «мягких» стилей Игры, а есть игроки хорошие и не очень; весь вопрос в том, кого каким считать... Кстати, о семинарах. Конечно, это не вина оргкомитета, что народ на семинары приходилось тащить чуть не волоком, но все же — если бы Канцлер (Миша Конин), Эрсатор (Дима Игнатъев) и Юра Колобаев (это не игровое имя, хотя в фэндоме стало почти нарицательным) взялись за воспитание на пару лет раньше, — возможно, Глипкон сегодня выглядел бы не хуже Зиланта... А семинары были интересные. И павильонная игра по «Гипериону» Дэна Симмонса многим понравилась. И Колобаев был местами даже конструктивен... Но я не встретил многих... Очень жаль. Надеюсь, что увижу их на следующем Глипконе.

*Владислав ГОНЧАРОВ, Ульдор,
Екатеринбург*

Вильнюс-96

Таки были мы на EUROCON/BAL-TICON/LITUANICON-96. То есть это были в одном флаконе европейская/стран Балтии/Литовская конвенции. Все это было в Вильнюсе, столице Литовской Республики, на территории местного общества «Знание», организовано местным клубом «Dorado» с Гедиминасом Береснявичусом во главе. В подготовке евроконновской части поучаствовали вездесущие Бриджет Вилкинсон и Леонид Куриц. Общее впечатление: чуть улучшенная версия обычного советского конвента. Ну, как если бы на «Аэлите» всем выдали не один листок, а толстенную брошюрку с расписанием, а дальше — как обычно.

Эта программа, в общем-то, небезуспешно выполнялась. И семинары были, и лекции, и спектакли, и музыка, и дискотека, и приватная пьянка для иностранных гостей (private party, то есть). Иностранцев из Великобритании, Латвии, Польши, России, Румынии, Украины, Финляндии, Швейцарии, Швеции было 34 человека, из них поляков 14 и шведов 7; Россию представили трое. Остальные 400 — местные, литовские фэны. Но не простые любители фантастики и выпить, а... Правильно — фанаты ролевых игр, толкиенисты в том числе. Так что исчезновение и трансформация постсоветского фэндома — не чисто российский прикол.

Премии: лучший автор — Andrzej Sapkowski, Польша (в номинации был еще Евгений Лукин, Россия); художник — Денис Мартынец, Украина; журнал — «Alien Contact», Германия (в номинации «Если», Россия); издательство — «Eridanas», Литва; promotor (хороший человек) — Гедиминас Береснявичус, Литва (в номинации Борис Сидюк, Украина, Александр Васильковский, Александр Сидорович, Россия); переводчик — Александр Щербаков, Россия, посмертно (в номинации Валерия Моторина, Россия); encouragement award (за будущие успехи) — Марина и Сергей

Дяченко, Украина, George Geausu, Румыния; специальный приз — «SF-Journalen», Швеция, художник Игорь Шаганов, Украина.

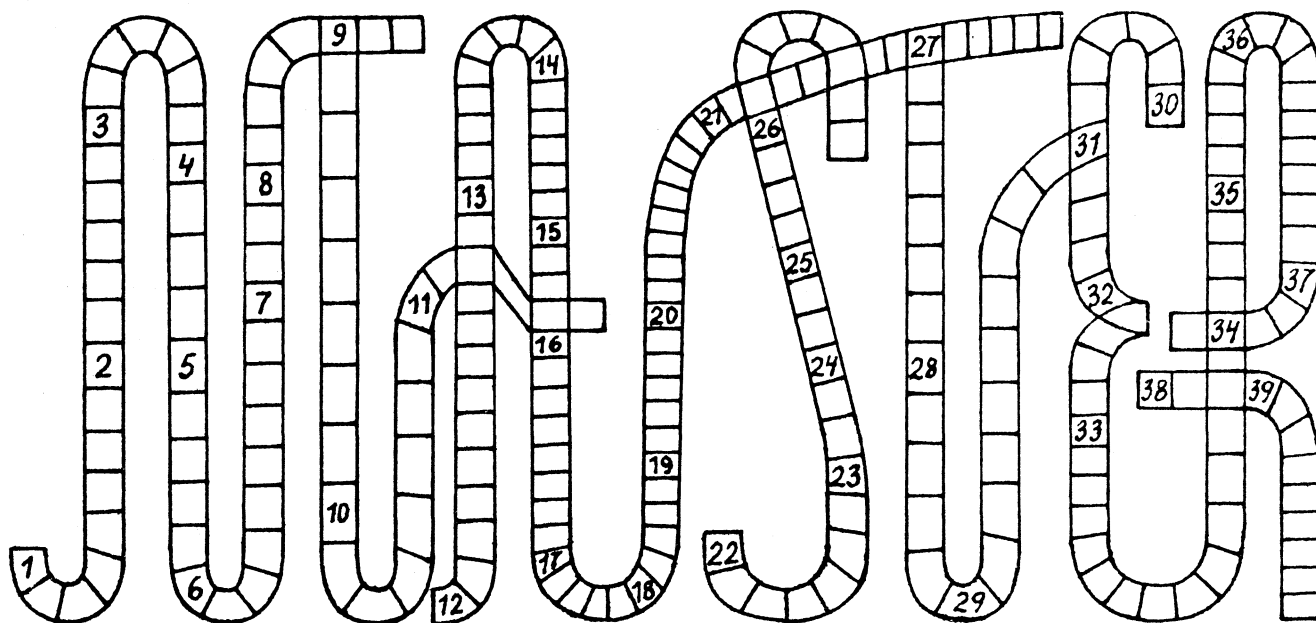
Будущие конвенты: Литуаникон-97 пройдет в Каунасе, Балтикон-97 — в Германии, Еврокон-97 — в Ирландии. Шведы носились с идеей про-

вести Балтикон-98 в Санкт-Петербурге. Вдруг получится?..

Максим КАЧЕЛКИН,
Санкт-Петербург

Чайнворд «Мастер»

(названия произведений зарубежных авторов)

1. Пьеса С.Лема. 2. Рассказ Р.Брэдбери. 3. Рассказ А.Азимова. 4. Роман К.Саймака. 5. Рассказ Р.Силверберга.
6. Рассказ Р.Брэдбери. 7. Рассказ Р.Брэдбери. 8. Роман А.Азимова. 9. Рассказ К.Саймака. 10. Рассказ Р.Брэдбери.
11. Рассказ Р.Силверберга. 12. Рассказ Р.Брэдбери. 13. Рассказ С.Лема. 14. Рассказ К.Саймака. 15. Рассказ Ф.Брауна. 16. Рассказ Г.Каттнера. 17. Роман Г.Каттнера. 18. Цикл романов Э.Р.Берроуза. 19. Рассказ Г.Каттнера.
20. Рассказ Р.Шекли. 21. Рассказ Р.Шекли. 22. Рассказ Г.Каттнера. 23. Рассказ С.Лема. 24. Роман Вернора. 25. Рассказ Р.Брэдбери. 26. Рассказ М.Муркока. 27. Рассказ У.Ле Гуин. 28. Рассказ Р.Брэдбери. 29. Роман С.Лема.
30. Роман С.Лема. 31. Сборник рассказов С.Лема. 32. Рассказ Р.Шекли. 33. Рассказ Р.Брэдбери. 34. Роман Г.Уэллса. 35. Рассказ Р.Силверберга. 36. Рассказ Р.Брэдбери. 37. Рассказ Р.Силверберга. 38. Рассказ У.Ле Гуин. 39. Рассказ С.Лема.

Составила Ирина МАТВЕЕВСКАЯ, с.Петровское Московской обл.

Ответы на кроссворд «Миры Василия Головачева» (№ 3-96г.)

По горизонтали:

5. Гаруа («Отклонение к совершенству»). 7. Грант («Реликт»). 8. Вестник («Тень Люциферова крыла»). 9. Динго (цикл о будущем). 10. «Комар» («Консервный нож»). 12. Лапарра («Спящий джин»). 13. Гриф (цикл о будущем). 14. Толя («Тень...»). 18. Тадзана («Тень...»). 20. Огонь («Тень...»). 21. Маат («Черный человек»). 22. Никита («Тень...»). 24. Тритон («Реликт»). 27. Метро (цикл о будущем). 28. Флейт (цикл о будущем). 29. Ксенурс («Всадники»).

По вертикали:

1. Панэниф («Отклонение...»). 2. Вудволл (цикл о будущем). 3. Драккар (цикл о будущем). 4. Антимат (цикл о будущем). 6. Интравизор («Отклонение...»). 9. «Дерево». 11. «Реликт». 15. Маунт («Особый контроль»). 16. Инфор (цикл о будущем). 17. Индивер («Контрольный выстрел»). 19. Лабовиц («Реликт»). 23. Игрок («Контрольный выстрел»). 25. Иблис («Тень...»). 28. Деон («Беглец»).

Начало на стр. 13

Обнаружил слежку? Но ни охранник, ни электрика ее не выявили. И где доказательства? И почему не согласовал действия, выходящие за рамки указанных двух суток с начальством? И вообще, не паранойя ли это на почве нездорового служебного рвения — этикие масштабы в уездном городишке?! По зубам ли такая операция даже средней руки национальной разведывательной службе? Десятки людей, десятки машин, миллионы задействованных средств! Не круто ли?

Я бы, наверное, тоже засомневался в психическом состоянии человека, рассказывающего мне такие похожие на сказку истории! Не прочитанный ли ночью роман Яна Флеминга явился сему причиной? Любый нормальный человек предпочтет простые объяснения фантастическим. А простое решение здесь запрашивается одно-единственное.

И будет итогом всех этих приключений разборка персонального дела Контролера №... Не допустил ли он понятной человеческой слабости, не загулял, не напился ли и, загубив тем задание, не придумал ли в оправдание залихватский, достойный детективного боевика сюжет? Как-то это больше похоже на правду!

Но даже, допустим, я кого-то смогу убедить в своей правоте. Пошлют комиссию, которая ровным счетом ничего не найдет. К тому времени все концы будут надежно упрятаны, а мостовые, по которым шагали армии шпиков, тщательно подметены и вымыты стиральным порошком. Тишь да гладь.

...Это если что-то было, а не пригрезилось!

Единственное, что мне дает хоть какой-то шанс на внимание начальства, — доказательства! Но где их взять?

Средств технической слежки у меня нет. Я Контролер, а не ищейка. Купить простой фотоаппарат, приставить к нему бинокль, нащелкать кучу любительских снимков? Но что они покажут, кроме набора неповторяющихся лиц? Поймать в подворотне, долбануть по затылку и допросить одного из шпиков? И что он расскажет? И как я докажу, что эти показания не сфальсифицированы или просто не написаны под мою диктовку левой рукой моей же любовницей?

Та щ и т ь живого шпика через всю страну как приложение к бумаге? А если

он, очухавшись, все отвергнет? Да и как умудриться хоть на полчаса выкрасть спеца, чтобы не поставить на уши всю работающую с ним команду? Мне тогда и доказательства не потребуются — лишь бы ноги унести.

Безнадега со всех сторон!

Лучше бы я ничего не заметил, не добавил эти два дня, за которые теперь придется так или иначе расплачиваться.

Итак, резюме. Единственное, что меня может спасти, — это доказательства. Единственные, кто может помочь их добыть, — технари.

Сформулируем задачу. Как выйти с ними на связь, не засветив себя? Ну, думай, думай, Контролер. Ломай голову, авось сломаешь и тем избавишь себя от проблемы. Тоже выход. С безголового какой спрос?

Почтовые ящики дают одностороннюю, я — им, и строго ограниченную двумя посланиями связь, а мне необходима живая беседа. Любые подходы к моим агентам блокированы намертво. Всякий вступивший с ними в контакт человек наверняка фотографируется, отслеживается и идентифицируется. Был бы я размером с клопа, может быть, еще и проскочил бы.

Как же мне с ними встретиться? Прикинуться бабушкой-побирушкой и поклоняться у охранника милостыню? Проверят и обнаружат под лохмотьями доказательства принадлежности к сильному разведполку. Угнать танк и разутюжить по тротуарам всех шпиков? Хорошо бы. Вползти в квартиру через канализацию? Влететь через открытую форточку? Пробраться, как когда-то, в бытность курсантом, через стену? Нет, все это громко и, значит, бессмысленно. Мне нельзя спугнуть противника, мне нужны доказательства его наличия, а не отсутствия.

Вот разве только канализация?

И еще раз. К охраннику не подобраться. К квартире не пройти. Значит, выхода нет?

Нет!

А вот в это поверить я не могу! Не так учили! Не может не быть выхода, даже когда не может быть в принципе! Только так! Вопрос лишь в крепости мозгов и нестандартности мышления.

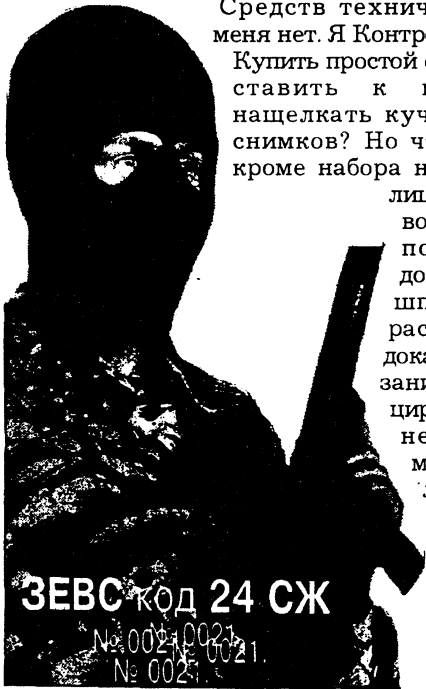
А ну еще раз. И еще раз.. И еще..

И я нашел выход! И иначе быть не могло!

В очередную проходку охранник снял с доски объявлений свежую начальственную писульку, шпики, как я и предполагал, дураками не были и задерживать его не стали. Их вся цепочка интересовала, а не отдельные ее звенья.

В сообщении были указаны обстоятельства, время и место встречи. До секунды! До метра! Теперь все зависело от пунктуальности моих подопечных. Опоздай они хоть на мгновение, забеги хоть на дециметр, и разработанный план мог рассыпаться, как доминошная пирамидка.

Я начал готовиться к встрече загодя. Достал за пару бутылок у строителей старую телогрейку, замызганный оранжевый жилет, каску и стоптанные резиновые сапоги. Купил объемный рюкзак, полиэтиленовые мешки, раскладную лестницу-стремянку и набор инструментов. Инструменты, лестницу и рюк-

зак я, конечно, вывалился в грязь, обил и поцарапал, так как они были слишком новыми на вид. После такой работы они выглядели замечательно — грязно и гнусно. Следующие двадцать часов мне предстояло провести не в самом приятном месте. И отчего я пошел не во внешнюю разведку, где можно выследить добычу за коктейлем на очередном великосветском рауте? Плохо у нас поставлена подростковая профориентация. Из рук вон!

Вечером, шаркая резиновыми подошвами сапог об асфальт, громыхая инструментальным ящиком и проклиная бригадира, пославшего меня на ночь глядя на аварию вместе с куда-то запропастившимся напарником, я брел по улице. На заранее облюбованном перекрестке я установил посреди проезжей части треногу с привязанной к ней грязной тряпичей, подцепил монтировкой крышку на кабельном колодце и спустился в люк. Часа два я изображал работу: стучал молотком о железо, распутывал прихваченные с собой провода, матерился вслед неаккуратно проезжающим автомобилям.

В итоге я, конечно, аварии на линии не устранил, но зато успел выложить горловину люка тонкой круговой прокладкой из пористой резины. Ближе к ночи, убедившись, что за мною никто не наблюдает, я убрал треногу и задвинул крышку люка. Здесь, в темноте бетонного склепа, мне предстояло высиживать семнадцать часов тридцать две минуты. До времени «икс» я уже не мог влиять на события, происходящие снаружи, — я мог только ждать.

Технари не были пай-мальчиками, обожающими дисциплину, как клубничное варенье, но и не имели дурной привычки обсуждать начальственные приказы. Они не имели привычки обсуждать приказы, но не отказывали себе в удовольствии обсуждать само начальство, их отдавшее.

— Это полный бред, — сказал один из них. — Он просто сошел с ума.

Второй пожал плечами.

— Это выходит за рамки его компетенции.

— Мы не знаем его компетенции.

— Он угробит и себя, и нас.

— Он начальник.

— Хотел бы я увидеть его живьем.

Второй только улыбнулся.

Оба замолчали.

У них не было альтернативы: они могли не согласиться с приказом, но не могли его не исполнить. Они могли усомниться в лояльности начальника, но не могли не подчиниться его воле. Они могли догадываться, что последующие шаги будут угрожать их жизни, но ничего не могли предпринять для ее сохранения.

— Будем надеяться, что он знает, что делает.

— Будем.

Надежда — единственное, что не запрещал им Устав.

В 16.15 охранник, в точности следуя изложенным в приказе указаниям, завершив шестой от центральной улицы поворот, вышел на пересечение улиц Магистральной и Рабочей. Он никогда здесь не был, но

шел уверенно, так как знал, сколько и в каком направлении ему еще предстоит сделать шагов. Его вели мои ноги, отмерившие этот путь с точностью до миллиметра.

Еще один поворот. Небольшой пустырь со сквером, захламленный самостроем и импровизированной стоянкой частного и государственного автотранспорта. Сто двадцать шагов на юго-запад. Поворот! Налево.

Охранник шел, не глядя под ноги, поигрывая брелком от связки ключей и насвистывая какую-то легкую мелодию. Ему не надо было смотреть под ноги, он был здесь дома, знал каждый камень и чуть ли не каждого встречного прохожего. По крайней мере, так должны были думать случайно увидевшие его люди.

Он остановился возле фургончика «УАЗ», похозяйски носком ботинка пнул скат, одновременно окинув взглядом замок дверцы, выбрал из связки требуемую отмычку, открыл дверцу, запустил мотор и неторопливо выехал со стоянки.

Если бы машина по каким-либо причинам сорвалась, он прошел бы еще пятьсот метров до другой стоянки и там открыл бы другой отмеченный мной ранее однотипный фургончик. Осечка была исключена.

С 16.50 до 17.20 охранник, вырабатывая резервное время, отстаивался, предварительно залив полные баки, на стоянке возле бензозаправки.

В 17.35 он подхватил на улице в условленном месте покинувших логово ревизоров.

В 18.05 в машину загрузили вытащенное из тайника оборудование.

Конечно, все это время за ними следили чужие глаза, но это было уже неважно: игра пошла в открытую.

С 18.20 до 23.00 машина безостановочно болталась по городу, неважно куда, лишь бы крутились колеса и гудел двигатель. И все это время, утирая пот со лбов, технари вертели ручные дрели и постукивали деревянными (чтобы звук был глуше) молотками по остро заточенным зубилам.

В 23.05 машина встала в исходную точку. В 23.07 сдвинулась с места со строго запрограммированной скоростью — пятьдесят пять километров в час. Если бы она опоздала или поторопилась хоть на минуту, операция была бы провалена.

В 23.17 и 23.25 машина миновала точки контрольного времени. На последней опоздание не превышало трех секунд при допустимом отклонении в шесть.

23.26.15. «Уазик» приблизился к условленному месту. Не хватило буквально секунды, чтобы проскочить под угасающий свет желтого глаза светофора. Теперь надо было ждать 30 секунд. От них, этих малых 30 мгновений, зависело все: успех или провал операции, карьера, а возможно, двадцать-тридцать оставшихся лет жизни каждого из нас. Тридцать секунд, разделявших красный и зеленый свет светофора, против тридцати долгих лет жизни.

23.26. Я не слушал поверхность земли — я смотрел на часы. Дополнительные сигналы условлены не были. Ровно в 23.26.15 я должен был открыть люк. Другой попытки мне отпущено не было. Если бы ма-

шина на месте не оказалась, я просто бы свернул операцию.

23.26.13... 14... 15... 16! Две секунды резерва. 17...

Я надавливаю головой и руками, приподнимаю чужую крышку люка, слышу урчание работающего мотора, чую запах выхлопных газов, вижу тени колес по бокам — машина надо мной, своя ли, чужая. Разбираться нет времени. Я сдвигаю крышку, тянусь руками к дну автомобиля и сразу вижу чуть более светлый, чем окружение, прямоугольник выпиленного, высверленного, выдолбленного за эти несколько часов с помощью подручного инструмента «десантного» окна. И еще я вижу две пары устремленных в мою сторону рук. Я вытягиваю ладони вперед, и меня мгновенно втягивают внутрь, обдирая о неровные края ткань телогрейки. Еще пять секунд — закрыть колодец. Люк тихо падает на резиновую прокладку.

23.26.43... 44... 45...

Зажигается зеленый свет светофора. Машина трогается с места. Для посторонних глаз вся эта хитроумная операция выглядела вынужденной тридцатисекундной остановкой перед закрытым светофором.

Все. Я вошел в контакт с подведомственными мне ревизорами. Они не увидят моего лица: на мне глубоко надетый колпак с прорезьями для глаз. Они не услышат моего естественного голоса — я изменяю тембр. Но узнают, что отпускающий им приказ за приказом начальник — не миф, а вполне конкретный, среднего возраста и среднего же телосложения мужчина.

Это грубое нарушение Устава. Несанкционированный контакт Контролера с подчиненными! Куда уж дальше! Но мне некогда деваться, мне необходима их помощь. Их замечательно устроенные электронные мозги, их опыт, их руки. Они мне помогут. Не могут не помочь!

— Поворот налево, сто километров по Северному шоссе. Без остановок, — командую я водителю.

Продолжать крутить бессмысленные вензеля по городу — значит вызывать дополнительные подозрения.

Охранник пожимает плечами и делает левый поворот.

На все про все у меня не более трех часов.

— Ревизия легализована. Вы вторые сутки под облавой. Результаты проверки, скорее всего, не соответствуют истине, — кратко излагаю я суть дела. — Считаю необходимым продублировать результат.

Технари переглядываются. Они не хотят рисковать, у них семьи, дети, зарплата. Им не так долго осталось до льготной пенсии.

— Вы не можете продлить операцию. Вы превышаете свои полномочия.

— Ответственность моя.

— Вы не можете отвечать за то, на что не уполномочены. Ваши 48 часов истекли.

Они правы, их будет взгрывать их начальство. А то, что за такую самодеятельность мое может загнать меня под трибунал, их судьи не облегчит. В Контроле каждый отвечает за себя. Это правило распространяется и на прикомандированных.

— И тем не менее.

— Нет.

Ну что ж, я был готов к отказу. Почему они должны мне доверять? Ни разу не виденный ими начальник отдает один приказ безумнее другого, заставляет угонять автомобиль, вылезает на запретную встречу чуть не из канализационного люка и плюс к тому требует помощи в каком-то совершенно непонятном, смахивающем на безумие деле. Кто здесь согласится?

— Ладно, мужики, — оставляю я начальственный тон. — Я понимаю, что перепрыгнул свои полномочия десятикратно, но четыре недели мы были под колпаком! Четыре недели мы писали туфту! У меня не мания преследования. Я знаю это точно. Я это проверил. Последние два дня я наблюдал облаву! В этом ошиться невозможно.

Охранник мотнул головой и невнятно хмыкнул.

— Я не знаю, как вас убедить. У меня нет времени вас убеждать. Мне нужны доказательства. Мне нужна ваша помощь.

— Принятие подобных решений вне вашей компетенции.

— Послушайте, ведь я подставляюсь больше вас. Вы рискуете премией, ну, может быть, квартирой. Я — свободой. Да чего там — самой жизнью. Если здесь туфта, она все равно вылезет рано или поздно. И тогда с вас спросят. Неужели поставленная на кон моя жизнь не убеждает вас в серьезности происходящего?

На этот раз они молчали дольше. Они считали. И все же здравый смысл взял верх.

— Вы должны обратиться по инстанции. Вы не уполномочены.

— Вы дундуки, — сказал я. — Четыре недели вам, профессионалам, терли уши, словно школярам пер-

вой ступени. Вы ничего не заметили и теперь боитесь признать это. Вы готовы подыграть чужой игре, всучив запрограммированную дезу начальству, лишь бы не потерять свой вонючий кусок к обеду и свои вонючие полтора рубля прибавки к пенсии. Вы не технари — вы собачье дерьмо с законченным высшим образованием!

— А может... — начал один, похоже, младший из ревизоров.

— Нет! — резко прервал его другой. — Мы исполнили свою работу.

— Тогда извиняйте, — разочарованно развел я руки, вытягивая из подрукавной кобуры пистолет. — Я желал сговориться по-доброму, но, кажется, вам нагадить на наше общее дело. Извиняйте, — я показал глазами на высунувшееся из рукава дуло, — у меня нет другого выхода, мне нужны доказательства.

— А тебе, — обратился я к водителю, — одну руку завернуть за голову и засунуть под воротник, другую держать на баранке. И очень попрошу, без патриотизма. Надеюсь как профессионал ты понимаешь, что пальба нам ни к чему.

Водитель чуть скосил глаза и согласно кивнул головой.

Они не испугались — они были профессионалами. Они понимали: стрелять с бухты-барахты я не буду: не пацан-десантник, у которого палец опережает сознание.

— Я же говорил — сумасшедший, — произнес один.

— Сумасшедший тот, кто боится раскрыть глаза на очевидное, когда оно мешает его благополучию! Помочь мне вы не желаете. Прошу хотя бы снабдить аппаратурой.

— Просит, — кивнул на пистолет один из технарей.

— Хорошо, требую.

— Аппаратура имеет определенную цену...

— Жизнь тоже.

— Будешь стрелять?

— Буду! — твердо сказал я.

— Не будет, — вступил в разговор охранник, — хотя бы потому, что он, кажется, прав.

Все насторожились.

— За нами хвост, — пояснил водитель. — А его, — кивнув на меня, — в машине нет. Он миф. Пустота. Любой выстрел для него все равно, что публичное предъявление визитной карточки. Как только он потеряет инкогнито, вся затея утратит смысл. Я не прав?

Он был абсолютно прав.

— Можно опустить руку?

Я молчал. Молчали технари. Водитель крутил баранку. Кажется, я проиграл по всем статьям. Особенно позорно выглядел эпизод с пистолетом. Стыдно, не найдя других аргументов, тыкать железом в лица своим же коллегам. Но вдвойне глупо, вытаскивая оружие, не пустить его в ход. Это чистой воды дилетантизм. Если ствол оголен, он должен стрелять!

Со вздохом я потянул ставший бесполезным пистолет в потайной карман.

— Бабахалку-то не убирай, — с укоризной сказал старший технарь, — без нее мы аппаратуру не выдадим.

Водитель громко хмыкнул.

— В общем, будем считать, мы уступили силе. Три дня обещаем потянуть. На четвертый, не обессудь, накатаем рапорт о вооруженном изъятии части аппаратуры; если желаешь, можем акцентировать внимание на твоём неадекватном психическом состоянии. Может, войдут в положение — скостят по бездне. Больше, извини, ничем помочь не можем.

Второй ревизор, не ожидая разрешения, вскрывал замки кофров.

— Что требуется?

— А вы, мужики, ничего! — благодарно сказал я.

— Да нет, это просто у тебя пушка здоровая, — хохотнул водитель.

Три последующих часа меня в самом убыстренном темпе учили обращению с передовой сыскной техникой.

— Так включать, так устанавливать. Очень аккуратно с этим и с этим блоками. Здесь подстройка, здесь запуск самоликвидатора, здесь... Ладно, этого тебе не понять. В том блоке информация сортируется: лишнее отбрасывается, суть сжеживается сюда. Здесь шифруется. Здесь уплотняется и сбрасывается вот в эту секрет-дискетку. Пароль ликвидатора секрет-дискетки выдумашь сам. Все?

Я посмотрел на часы: 03.15. Сворачиваемся.

Еще 15 минут покрутив по городу, машина замерла у перекрестка. Нет, не того, другого.

— Счастливого пути! — искренне пожелал я, скальзывая через десантный люк в очередной колодец.

— Нам счастья хватит — ты лучше о себе побеспокойся, — ответили ревизоры, бросая мне на руки под завязку заполненный рюкзак и в последний момент показывая три пальца.

— Помни — три дня. Три!

Я быстро сдвинул крышку, услышав, как прокатились по краям колеса моего «уазика». Сделано. Теперь ждаты по крайней мере час. Я удобнее устроился на металлических скобах, торчащих из стены колодца.

Черт, нехорошо получилось. Но в конечном итоге все-таки хорошо. Будем надеяться, преследователи ничего не заподозрили. Покрутилась машина по городу, остановилась у случайного перекрестка, рванулась, отмахала по шоссе сотню километров от города и сотню обратно, опять покрутилась, опять остановилась — в результате полегчала на один очень важный рюкзак. Тот, кто его заполучил, так и остался невидимкой.

А все-таки я провернул дело, которое провернуть было практически невозможно! Все-таки я молодец!

Теперь, когда я отвечаю только за себя, можно и на рожон лезть. Теперь мне терять нечего. Кроме жизни.

Согласно всем правилам конспирации и здравого смысла, мне требовалось выдержать неделю карантина, чтобы муть, поднятая последней двухдневной суетой, осела, противник поуспокоился, пригупил бди-

тельность. Но этой недели у меня не было. У меня на все было отведено три дня. И значит, мне надлежало действовать немедленно, не откладывая ни на секунду, пока внимание шпииков было приковано к совершающей странные маневры машине. Черт его знает, может, повезет, может, проскочу, пока облава гоняется по городу за пустышкой.

Раз, два, три и еще десять раз проверившись, я приблизился к объекту. В первую очередь меня интересовали окна. К сожалению, установленные ранее микрофоны выработали свой ресурс и самоликвидировались. Мне приходилось начинать все сначала. Задача усложнялась тем, что использовать специальную, предназначенную для отстрела микрофонов винтовку я не мог по причине ее громоздкости. Я располагал лишь небольшой, размером с авторучку трубкой с приданным ей баллончиком, вроде тех, что используют в сифонах с газированной водой. Дальность стрельбы подобным приспособлением не превышала 15 метров.

Пройти на расстоянии пятнадцати метров от охраняемого объекта и быть незамеченным невозможно. А ведь мне предстоит появляться здесь не однажды. Два раза подряд мелькнет перед скрытыми телекамерами или глазами охраны моя физиономия — и я на подозрении, три — я раскрыт.

Значит должно быть не одно, а два, три, четыре или сколько там надо лиц. Лиц, которые никто не сможет узнать. Задача была бы не из самых сложных, если бы не отсутствие времени и средств.

Изменение пола отпадало: это только в кино герои легко влезают в женскую одежду и остаются неузнаваемыми. В жизни это несравнимо сложнее. Кроме напаянных поверх мужской плоти платья, туфель и парика есть еще и походка, а это минимум два дня вживания в конкретные каблуки, движения рук, пальцев, посадка головы, десятки «машинальных» чисто женских жестов: поправить прическу, подтянуть колготки, придержать развевающую юбку, облизать губы и прочее. И еще, что, пожалуй, самое трудное, постоянный настрой на женскую психологию — обратить внимание не на стройные ножки, а на фасон платья идущей навстречу девушке, оценить, стрелять глазами прохожему мужчине, чуточку притормозить у ателье мод. Да, не у пивного ларька или рыболовного магазина, а у ателье мод! И не соваться по инерции в мужской туалет. Каждое мгновение помнить, что ты женщина, женщина, женщина!

Здесь, чтобы не проколоться, не насторожить опытный взгляд, надо быть семи актерских пядей во лбу и у зеркала, как у станка, неделю отработать. И то не раз и не два ошибешься. Сигарету из пачки помужички вытащишь, или на юбке ширинку пальцами искать начнешь, или в трамвае женщинам место уступишь. Именно поэтому женский образ можно разыгрывать в исключительных случаях, когда есть время на подготовку. Мне он не по зубам, а жаль: такая маскировка обеспечила бы наибольшую неузнаваемость.

Придется довольствоваться чем попроще. В пер-

вом же магазине галантерей я приобрел требуемый набор инструментов и парфюмерно-косметических изделий. Кое-что прикупил в аптеке, кое-что в отделе бытовой химии хозяйственного магазина. Заперевшись в кабинке малопосещаемого общественного туалета, я, прилепив пластирем к стене небольшое зеркальце, приступил к созданию образа. В одноразовом картонном стаканчике я смешивал пудры и замазки, губные помады, растворители и размокшую туалетную бумагу. Рецептуру я, по понятным соображениям, приводить здесь не буду. Трудясь, как вдохновенный скульптор, я изменял себе цвет лица и прикус, наращивал щеки и расплющивал нос, вытягивал брови и оттопыривал уши. В итоге из кабинки туалета вышел совершенно не тот человек, который туда зашел. Обновленный гардероб довершил картинку перевоплощения.

Теперь подвигаться, походить, поприседать, поподтягиваться, погримасничать. Вроде ничего. Приемочная комиссия в моем, точнее, уже не в моем лице претензий не выразила. Новоиспеченный внешний облик готов в эксплуатацию.

Дело за малым — за оружием. В булочной я купил максимально длинный батон, разрезал вдоль, выкрошил середину, уложил в образовавшуюся пустоту газовую трубку, предварительно накрутив на затворный конец баллончик. Теперь довольно было нажать на спуск, чтобы прозвучал выстрел.

В толпе спешащих на работу людей я шел по изученной мною до последнего камешка улице. Едва ли охрана смогла бы выделить меня в потоке движущихся мимо лиц. Такие же уши, нос, глаза. Разве только батон, зажатый в левой руке. Двадцать метров, семнадцать, четырнадцать. Напротив объекта я, чуть запнувшись, сдвинулся влево. Встречный прохожий, не успев среагировать, задел меня корпусом. Качнувшись, я взмахнул руками, стараясь сохранить равновесие. Прохожий извинился, и мы разошлись в разные стороны. Вот что заметили все.

На самом деле, когда левая рука вскинулась вверх, я нажал курок. Газ, сжатый под огромным давлением в баллончике, вырвался в трубку, выстрелив из нее капсулу с микрофоном. Пролетев четырнадцать метров, капсула ударилась в окно, размазалась, расплылась по стеклу прозрачной дождевой каплей. Внутри нее темной мушкой завяз микрофон. Таким образом окно превратилось в гигантскую сверхчувствительную мембрану. Достаточно было кому-нибудь в комнате произнести хотя бы слово, произвести шорох, как звуковые колебания достигали окна и, усиленные стеклом, приводили в действие микрофон. Питался жучок от тепла, поступающего с поверхности стекла.

Самым уязвимым звеном звукового шпионажа был предварительный усилитель. Из-за малых размеров мощности его могло хватить не далее, чем до соседнего здания. Технарям было проще: их логово располагалось в доме напротив, который для меня был закрыт. Я не был достаточно безумен, чтобы, пытаясь повторить маневр ревизоров, снимать квартиру в засвеченном доме. Поэтому, чтобы хоть что-то услышать, мне надлежало установить на нем промежу-

точный усилитель и поставить мне его следовало в пределах прямой видимости от интересующего меня окна.

Более всего для этого подходил чердак, но именно на подходах к нему меня было проще всего перехватить. Не так часто жильцы, а тем более гости карабкаются по чердачным лестницам. По тем же причинам отпадал подвал. Оставались окна, но за ними жили живые люди. Неизвестно, как они отнесутся к человеку, пришедшему монтировать на их подоконнике какой-то хитроумный прибор.

Все эта чертова экономия. Есть же, знаю, есть усиливающие станции величиной с грецкий орех, которые можно налепить на стенку дома с помощью обыкновенного, быстро схватывающегося клея. Есть-то они есть, да не про нашу честь. А про нашу эти устаревшие, вечно ломающиеся «портсигары» — их бы не в дело, в помойное ведро. Ладно! Если не подходят нелегальные методы, применим легальные, если не сказать, наглые. В пять я направился в магазин и купил переносный радиоприемник. По-быстрому выдернув из него несколько лишних, но так, чтобы он работал, деталей, я запаковал внутрь усилитель.

Вновь изменив облик, я объявился в одном из подъездов. Планировку квартир я изучил еще ранее, что облегчало решение задачи. Я позвонил в квартиру.

— Здравствуйте, тут вашему соседу посылка, а его дома нет. Передайте, пожалуйста, — и, всунув пакет в руки, стал спускаться с лестницы.

Нет, меня интересовала не эта квартира, где глухая стена съедала сигнал, а соседняя, с окнами, выходящими на улицу. Но давать посылку адресату напрямую я не мог: откажется, а так, от соседей, примет. Убедившись, что пакет предназначен не ему, на что имелась странная поздравительная открытка

на имя какого-то Вовочки, он будет вынужден до выяснения оставить его у себя. Не станет же он в самом деле выкидывать новый и к тому же чужой приемник в мусорный бак. Так и останется он стоять где-нибудь в уголке, незаметно для хозяина квартиры принимаемая, усиленная и транслирующая дальше тихий голос прилепленного к чужому окну «клопа». Приемную аппаратуру я установил на чердаке другого, стоящего в трех кварталах дальше дома. Разве могут противоборствующие мне сыскари обшарить снизу доверху городской район? Едва ли, просто сил не хватает.

Вечером приемник заговорил — посылка дошла до адресата.

Но это был не единственный жучок, который мне пришлось установить. Другой я «выстрелил» в машину Резидента. Еще один надел на него самого!

Утром следующего дня я, точнее, не я, а третий мой образ, ожидал Резидента у булочной. Резидент — это он для сведущих большой человек, а для окружающих самый что ни на есть обычный: за молоком ходит, за хлебом, в парикмахерскую. Нельзя ему отличаться от соседей — такая работа. В момент, когда уже знакомая фигура подходила к двери, я, спеша, протиснулся за ним следом и, чуть задев за руку, мгновенно нацепил клопа на рукав.

Мое дело сделано, теперь слово за техникой.

Уже к исходу первых суток, прослушивая очередную кассету, я услышал то, что желал. Из бесконечной шелухи сказанных слов я вытянул три ключевых фразы:

«Ревизоров проследить до места...»

«Поиск Контролера прекратить...»

«Благодаря человеку в Центре...»

Остальное не суть важно. Моя, безумная на первый взгляд, догадка подтвердилась. Резидент заранее знал о готовящейся ревизии. За-ра-не-е!! А это было возможно в одном-единственном случае. Его предупредил тот, кто знал о готовящейся проверке в самом сердце Конторы, которая всего-то состояла из нескольких человек.

У Резидента был информатор!

Предположить такое было так же нелепо, как ожидать восхода солнца на западе, как кипятить чайник, поставив его на глыбу льда, как пытаться разжалобить проводника общего вагона какого-нибудь пассажирского 500-веселого поезда. Это было не-воз-можно!

Но добытые мною факты утверждали противоположное!

И диск солнца выкатывался на западном горизонте, и кипел чайник, согретый теплом горящего льда, и рыдал сочувствующий безбилетному пассажиру проводник!

Мир перевернулся!

Я не знал, что могло заставить человека Конторы подыгрывать далекому неизвестному Резиденту. Я не знал, что убедило Резидента, рискуя головой, вести двойную игру. Я даже не хотел об этом думать, чтобы не свихнуться раньше времени. Я хотел одного: как можно быстрее доставить информацию в центр. Я стал

стрелой, которая искала самый быстрый и короткий путь к цели. Я не мог ждать: тетива лука была натянута до предела.

Все сколько-нибудь важные сведения, полученные за последние сутки, я вогнал в секрет-дискетку, которую запер выдуманым тут же на месте шифром. Теперь любой посторонний человек, вознамерившийся просмотреть дискетку и не знающий пароля, мгновенно и необратимо уничтожил бы всю заключенную в ней информацию. Дискетку, которая размером была чуть более человеческого ногтя, я уложил в презентованный мне технарями металлический неразбиваемый и несгораемый контейнер. И был он, этот контейнер, выполнен — в голову не придет — в форме обыкновенного металлического рубля. Самое интересное, что он был изобретен не Конторой, а теми же технарями, когда-то на спор распилившими монету вдоль! Чтобы работе, которой мог бы гордиться и Левша, не пропадать зря, они выфрезеровали в одной половине углубление, которое залили ртутью. Таким образом получилась хитрая денежка, которая, будучи подброшенной соответствующим образом, падала на «орел». Не один литр спирта выпили вдрут возлюбившие глупые споры технари благодаря своей сметке и умению.

— Бросим монетку. Если «орел» — ставите, если «решка» — мы. Все по-честному! Доверимся судьбе...

И вот эту монетку перед выходом, точнее, выползом из машины они презентовали мне.

— На счастье. Только после вернуть не забудь!

Заклеенная монета ничем не отличалась от прочих обыкновенных рублей, но номинал ее благодаря заключенной внутри дискетке вырос в сотню тысяч раз. По крайней мере Резидент отдал бы за нее все, в том числе и мою голову.

Всю прочую аппаратуру я, чтобы лишний раз не подводить технарей, собрал в кофр. Осталось лишь изъять усилитель. Технически это было несложно: «Здравствуйте, я тот самый именинник Вовочка. Друзья ошиблись домом... Уж простите...». Время у меня оставалось: контрольная встреча с технарями должна была состояться в одном небольшом, расположенном в трехстах километрах южнее городке только завтра вечером. Суетиться не стоило — утром изыму приемник, днем сяду в поезд.

Но утро все изменило.

На подходах к дому я почувствовал неладное. Нет, явной слежки не было — было ощущение угрозы, которому я привык доверять. Я прошел мимо.

Если это снова облава, то обнаружить ее сейчас, не имея живца, каким был охранник, было невозможно. Я не располагал двумя-тремя днями, необходимыми для контрнаблюдения. Может быть, я пугаю сам себя? С чего бы они вдруг возобновили операцию? Что-то случилось? Вряд ли. Единственным человеком, который мог бы подвигнуть их на этот подвиг, был я. А у меня все прошло гладко. Значит, все-таки ошибка, перестраховка воспаленного суетой последних дней воображения?

Но интуиция?!

Нет, рисковать сейчас, когда на руках у меня была

дискетка, я не мог. Но и уйти не мог. Дело даже не в усилителе, уж за один приборчик технари как-нибудь бы отбрехались. Дело в слежке. Есть она или нет? От этого должны строиться все мои дальнейшие действия.

Так есть или нет?

Эх, был бы у меня лишний агент, которым не жалко пожертвовать, непременно послал бы его в пекло. Но единственный агент, которым я располагал, это я сам, и в пекло он не хочет, а хочет целым и невредимым приехать домой. Ладно, если у меня нет своих агентов, привлечем сторонних. Как вы, сыскари-ребята, насчет целой вооруженной бригады? Не сробеете? Не засуетитесь, если вы, конечно, реальность, а не фата-моргана моего переконспирированного воображения? Ну тогда приготовьтесь!

Я подошел к ближайшему телефонному автомату и, разыгрывая ужасное волнение, позвонил по 02.

— Поножовщина! Да, пять человек! Одного зарезали!

И для верности добавил еще один звонок — от соседей.

— Ой, убивают! Ой, скорее! Ой, караул!

Милиция приехала через 20 минут. За это время можно было, будучи даже очень вялым хулиганом, успеть вырезать полдома. Патрульный «уазик» остановился на улице. Три милиционера, поправляя кобур, зашли во двор. Я засек время. Минута на подход, две на подъезд, три на выяснение, пять на лень и утомление от службы. Итого одиннадцать.

Милиционеры вышли через двадцать пять, противно кривя физиономии. Мне все стало ясно.

Еще до этого я заметил, как вслед им во двор протиснулось пяток случайных прохожих. Все-таки они испугались, заподозрили, что под видом патруля приехали спецы изымать аппаратуру. Шутка ли, три вооруженных агента! Тут засуетишься! Вот они и засуетились. Вот они и погорели. Ладно, хоть битвы не случилось. Наверное, повязали доблестных стражей порядка так, что они и охнуть не успели. То-то удивились блюстители: ехали брать хулиганов, а сами в треть секунды оказались обезоруженными, уложенными и упакованными по всем правилам спецбоя. Даже жалко их немножко. Ну да ладно, в добром деле поучаствовали. А мне пора.

Тихо выйдя из наблюдательного убежища, я, смешавшись с ничем не замечившей толпой, отбыл — нет, не на вокзал: старый путь в связи с изменившимися обстоятельствами отпадал. Также отпадал большой аэропорт. Если облава началась, значит основные транспортные точки уже пасут. Конечно, они меня не знают в лицо (иначе давно бы взяли), но рисковать не стоит.

Я воспользовался резервным вариантом эвакуации. Отправился на местный автовокзал, сел на небольшой автобус, уехал за сотню километров в районный центр. Там снова сел в автобус и отправился в соседнюю область, где купил на небольшом, местного значения аэровокзале билет на самолет до еще одной соседней области, расположенной еще севернее. А уж оттуда я полечу в Москву.

Едва ли они догадаются ловить меня по северным городкам, зная, что путь мой лежит на юг. Но даже если надумают, где они возьмут такую прорву сил, чтобы заблокировать транспортный узел каждого, даже не очень удаленного от них городка. Это надо армию поднимать, и еще как минимум им надо знать меня в лицо.

Дождаясь открытия касс, не столько по необходимости, сколько следуя вбитому мне в голову еще в Учебке рефлексу, я сменил внешний облик. Инерция в нас зачастую бывает сильнее разума. Вначале сделать, как выдрессировали, а уж потом как считаешь нужным. На то и правила, чтобы их исполнять. Научили после завершения каждого этапа операции скидывать, словно змея, старую кожу — действуй, а потом вопросы задавай. Что это мне вдруг захотелось гардероб сменить? То и захотелось, что начальству захотелось!

Пакет со старой одеждой, обувью, носками и даже бельем я выбросил в мусорный бак и, привыкая к новому обличью и освежая в голове новую легенду — ведь и фамилия, и паспорт у меня изменились, отправился в аэропорт.

Теперь до завершения самостийно задуманной операции мне оставалось два перелета, пять остановок автобуса и звонок по контактному телефону. А там я погляжу, как засуетится Контора, если, конечно, увижу. Едва ли меня включают в состав трибунала. Да и трибунала как такового не будет. Просто пара человек, сидя за казенным столом, почешут затылки, повздыхают, попьют кофейку да и пойдут домой отдыхать в кругу семьи после нудной службы. А где-то в далеком городе скоростной, очень естественной смертью умрут три или десять, или тридцать человек. И в самой Конторе, может случиться, у кого-то вдруг оторвется тромб от стенки сосуда и заткнет клапан усталого, изношенного за десять лет непорочной службы сердца профессионала. Сторают на работе люди жарким пламенем.

И всем этим смертям будет цена — рубль. Один рубль, лежащий у меня в потайном месте. А осталось ему там лежать — сутки.

Поздно вы, ребята, спохватились, поздно облаву начали! Нет у вас теперь шанса, ни единого. Не существует в мире спецов, которые могут выловить не известного им ни лицом, ни фигурой, не вступающего ни в какие контакты с другими людьми, не сидящего на одном месте человека на площади в несколько сотен тысяч квадратных километров. Это даже не иголку в стог сена искать. Это, скорее, искать тот стог в топке варящего сталь мартена, чтобы засунуть в него мгновенно тающую в огне иголку!

Проиграли вы игру. Вчистую проиграли. Единственное, что может отсрочить вашу печальную участь, — это моя случайная (нет, действительно случайная, не по прихоти начальства, а по воле всевышнего) смерть в дорожно-транспортном происшествии. Но я обещаю постараться этого не допустить. Очень постараюсь: и улицы я буду переходить только на зеленый свет светофора, и налево глядеть, и направо, и трамвай обходить спереди, и вообще в бли-

жайшие часы более законопослушного гражданина найти будет просто невозможно. Даже есть несвежие консервы и ввязываться в чужие драки я не стану. Не дождетесь!

А вот вам безопасности не гарантирую, даже если вы будете день и ночь прятаться под одеялом в своей спальне на девятом этаже — вас и там какой-нибудь шальной «КрАЗ» переедет, потому что управлять им будет не божье провидение, а чужая беспощадная воля. Так что я выезжаю. Ждите.

Однако выехать сразу мне не удалось. Рейс отложили на час, потом еще на три, потом на десять. Это только в нашем деле все измеряется секундами, а в Аэрофлоте... А как иначе: если у нас случается — за полминутное опоздание голову снимают, а в воздухе в ведомстве — только премию.

Пассажиры вначале расстраивались, потом возмущались меж собой, потом в голос ругались с администрацией вокзала, потом успокоились, стали играть в карты, пить водку и спать, сдвинув вместе скамьи в зале ожидания. Все верно, чего нервничать: линия местная, самолет один — ори не ори, другого не будет.

Через пятнадцать часов заспанный дежурный объявил, что можно собираться. Замызганный «Анчик» подрулил к взлетной полосе.

— Они чего, левак, что ли, летали, что так приподнились? — раздраженно возмущались пассажиры.

— Ага, левка — баб на полярную станцию возили.

Все расселись, захлопнули дверь. Взлетели. «Ан» болтало нещадно, и перепивших во время долгого ожидания пассажиров пробрало.

— Вы только салон не пачкайте, — попросил высунившийся из кабины пилот.

— А вы ежайте потише, — огрызнулись страждущие. — Что вы мотаетесь из стороны в сторону? У вас дорога, поди, прямая и без колдобин.

Через сорок минут «Ан» сел. Снова взлетел. Снова сел.

— Ребята, с поросем можно? — поинтересовалась какая-то старушка.

— А жарким угостишь?

— Мужики, без билета возьмете?

— Так мест нет.

— Ну очень надо. Жена рожает.

— Ладно, садись.

Чисто деревенский автобус. Провинция, одним словом.

Снова посадка.

— Сейчас деньги грузить будут, — сказал кто-то из пассажиров. — Они здесь всегда зарплату для газозиков загружают. Так что двигайтесь.

— Они что, с ума съехали? Мы и так с перегрузом летим!

— Да ладно, я видел, в такие коробки и по 20 человек наталкивали. И ничего, не падали, и даже куда надо прилетали.

В салон заглянул милиционер.

— Граждане, освободите хвостовой отсек для спецгруза. Побыстрой.

Снаружи забросили брезентовые мешки, влезли несколько мужиков в гражданском.

— Ну, я пошел, — то ли спросил, то ли поставил в известность милиционер.

— Давай, — кивнули инкассаторы.

— Мешки там бросьте, — указал второй пилот. — Сколько килограммов?

— Мы считали, а не взвешивали.

— Чего раньше-то не привезли? — возмутился кто-то из пассажиров. — На четыре дня зарплату задержали. Товар завезли, а денег — шиш!

Инкассаторы сгрудили мешки, сели с краю.

Самолет пошел на взлет.

Такая сумма, и так банально перевозится. Интересно, сколько там, если пересчитать объемы на сумму?

Перебравших пассажиров опять затощило.

— Попросите водителя остановиться, я вылезу, — вяло пошутил один из них.

Инкассаторы вытащили бутерброды и начали лениво жевать.

— Ой, мужики, у меня живот схватило, — вдруг сообщил сидевший до этого тихо парень. — Ой, терпелу нет. Ой, мамочки! Ой!

— Но-но, только не здесь, дуй в хвост, — возмутились мучимые тошнотой соседи.

Пассажир, мотая головой, держась за живот, встал и поплелся в хвост. Его мало заботило, что он нарушает центровку самолета, ему надо было освободиться.

— Эй, паря, сядь на место, — закричали люди. — Не в автобусе!

Но мужчина, ни на кого не обращая внимания, икая и хныкая, шел назад. Инкассаторы перестали жевать.

— Ну-ка, шагай на место! - приказали они.

— Да на хрена ему ваши деньги, ему скорее ваши мешки нужны!

Пассажиры захихикали.

— Пусть идет, раз приспичило, не помирать же.

Бедный пацан, сгибаясь в три погибели, постанывая и хлюпая носом, стал расстегивать штаны. Пассажиры, кто брезгливо, кто стыдливо, отвернулись.

— Тьфу, гадость!

И поэтому они не увидели главного. Согнувшийся, стонущий, опускающий штаны парень вдруг мгновенно распрявился и быстрыми, точными движениями выхваченной из-под одежды монтировки ударил одного инкассатора сверху по голове, другого острием в шею. Инкассаторы упали, даже не успев сменить выражение лица.

Я автоматичеки подобрался и тут же расслабился. Я не имел права раскрывать свои навыки, ввязываясь в постороннюю драку. Я был обычным гражданином.

— Ты чего, парень? Ты чего? - вначале недоуменно, потом с нарастающей угрозой спросил рабочий-грузчик, так и не получивший зарплату. — Ты чего?! — и, поднявшись, шагнул в хвост. — Ну-ка, брось железку!

Еще несколько мужчин встали с кресел.

Казалось, парень совершенно не испугался. Скинув недвижимых инкассаторов на пол, он лез к их карманам, не обращая никакого внимания на приближающуюся угрозу.

Он зря надеялся на оружие. Он все равно не успевал вытащить, взвести пистолеты, даже если бы сразу нащупал их. Справедливый гнев настиг бы его гораздо раньше. Развязка должна была наступить через секунду.

— А теперь все сядут, — раздался от кабины уверенный голос.

Мужики обернулись. Им в глаза смотрели два вороненых ствола.

Перепившиеся, страдавшие от тошноты аэровокзальские алкаши смотрели абсолютно трезвыми глазами, вода от человека к человеку дулами пистолетов.

— Этот готов, — сообщил из хвоста парень.

— А... а... а! — истошно закричала женщина.

Ее не прерывали: ее крик был на руку преступникам.

Из кабины, привлеченный шумом, высунулся пилот.

— Что тут?

В подбородок ему уперся холодный ствол пистолета, другая рука сорвала наушники и микрофон.

— Быстро в кабину!

— Послушайте, мужики, это бесполезное дело, — начал выдвигаться пришедший в себя лидер спасателей. Но довершить фразу не успел, получив удар пистолетом в лицо.

— Всем сесть по местам!

Люди повиновались.

Вот это влип! Наверное, даже наверняка, я бы мог справиться с этими подготовленными, но все-таки недостаточно опытными для меня бандитами. Но тогда я неизбежно выкажу свое инкогнито. Внизу нас встретит усиленный наряд милиции. Начнутся допросы, информация о каком-то спеце, голыми руками обезвредившем трех вооруженных бандитов, мгновенно разнесется по округе, и я, еще не успев получить орден за проявленное мужество, получу пулю в слишком много узнавшую голову. Все расценят это как месть со стороны сообщников, оставшихся на свободе.

Я бы еще мог рискнуть, если бы это был, например, автобус. Обезвредить преступников и тихо сойти на остановке, растворившись в ближайшем лесном массиве. Правда, за этим стоит по крайней мере тысячекилометровый марш-бросок. Ну да это осилил бы, в крайнем случае, позаимствовал бы у пассажиров дополнительную одежду и обувь.

Но самолет? А ну как среди пассажиров есть еще сообщники? Наверняка есть, если не дураки. Начнется стрельба, которая в воздухе может завершиться чем угодно. Самолет не человек — от выстрелов уворачиваться не умеет. В результате и я, и дискетка, и пассажиры можем оказаться в одной общей, разбросанной на площади в несколько десятков гектаров могиле.

Нет, сидеть, не дергаться. Чтить Устав, который

разрешает действия только в случае непосредственной угрозы для жизни, и лишь если это не вредит делу.

Непосредственная угроза для меня есть? Пока нет. Значит сидеть и изображать растерянного и испуганного обывателя, первый раз в жизни увидевшего настоящий пистолет и настоящего преступника.

Из кабины, судя по повадкам, главарь вытолкнул пилота, посадил его на пол и заставил держать руки за головой.

— Значит, так. Самолет меняет курс. Если будете вести себя тихо, отпустим на четыре стороны. Нет — пеняйте на себя. Вставать, говорить запрещается. Смотреть в пол. Женщинам держать руки на коленях. Мужчинам — вытянув перед собой.

Люди повиновались. Молодой бандит прошел по рядам, связывая одной неразрывной бечевой выставленные руки мужчин.

Мудрые ребятки — связали не каждого по отдельности, а всех вместе, лишая тем некоторых рискованных героев маневра. Как в песне: «Связанные одной цепью...»

Ах, как не повезло! Уйти от суперпрофессионалов, чтобы напороться на воинствующих дилетантов. Теперь посадят самолет где-нибудь в чистом поле у черта на рогах, вытащат мешки и, если, не дай бог, не постреляют всех как лишних свидетелей, то бросят на произвол судьбы. Другим ладно, им сиди и жди помощи, а мне эта помощь, что острая кость в горле! Начнутся неизбежные выяснения личности, осмотр документов, запросы на место жительства. А меня в том месте нет. Мои документы — липа. Протянется эта волюнка, пока не вмешаются либо Контора, либо люди Резидента.

А кто первый успеет — поди угадай. Нет, такие перспективы меня не радуют. Надо лиять при первой возможности. А будет такая раньше, чем самолет коснется земли. Поэтому ждать. Ждать и по возможности отдыхать. Силы мне еще пригодятся.

Пройдя второй раз, у пассажиров вытряхнули багаж и вывернули карманы. Жадные ребята. Миллионы взяли, а мелочью не гнушаются. Ладно, хоть мой рубль, надежно припрятанный, им не достался, и еще хорошо, что я вовремя освободился от опасного груза, оставив спасенную аппаратуру в импровизированном тайнике.

Самолет сделал еще один глубокий вираж и лег на курс.

«Северо-северо-восток», — определил я направление. Глубоко забираются — достанется мне оттуда пешком топать!

Еще минут сорок «Ан» находился в воздухе. Судя по болтанке, он шел над самой землей. Чего они хотят? Уйти от гражданских и военных радаров? Или тянут, грешным делом, к границе? Тогда совсем плохо.

Бандиты заметно нервничали: часто переглядывались, посматривали в иллюминаторы, ходили в кабину.

Пошли на снижение. Сели, причем с такой тря-

кой, что стало сразу ясно — на колхозное поле в лучшем случае. Самолет замер, но дверь не открыли и еще почти час держали всех внутри. Наконец старший объявил:

— Обстоятельства изменились. Милиция захватила наших... — на секунду он запнулся, не зная, какое подобрать слово, — коллег. Вы все будете заложниками. Если их не отпустят в три дня, мы вас порешим. Всех! Кончим до последнего! Всех!

Ну вот, а начал так интеллигентно. Нехорошо! Истерики, они самые опасные противники, с ними не расслабишься. Не по правилам они играют. По желаниям.

Нас вывели наружу. Женщин отдельно, мужчин, не развязывая им руки, отдельно.

Посадочная полоса оказалась даже не полем, а поляной, обжатой со всех сторон лесом. К уже знакомым добавилось еще несколько преступников. Да это целое бандформирование. Правда, и куш не маленький — на всех хватит.

Подробнее оглядеться не дали — криками и пинками загнали в крытую брезентом машину.

— Что-то будет? — причитали в темноте женщины. — Вдруг убьют?

— Эй, без галдежа! А то спущусь — галдеть нечем будет! — орал с крыши охранник.

Мужчины напряженно молчали.

Ехали долго, до темноты.

Хорошо они все продумали: захватить в воздухе, где уж точно никто посторонний не вмешается, самолет, посадить в известной им точке, перегрузиться на машины, затеряться в кутерьме лесных дорог, выскользнуть где-нибудь в совсем неожиданном месте и раствориться среди жителей. А может быть, залечь месяца на два, пока идет активный поиск, в какой-нибудь дальней заимке.

Жаль, милиция, проявив несвойственную ей оперативность, вмешалась. Так бы, глядишь, уже свободны были.

Остановка. Опять крики. Тычки. Угрозы. Нервничают бандиты. Психуют, что все вкривь пошло, что их почти идеальный план прямиком отправился коту под хвост.

Построили: женщины отдельно, мужчины — отдельно. Повели по тропе, которая закончилась у реки узкими сходнями, переброшенными на замызганное, покачивающееся на воде судно.

— Быстрее! Быстрее! Ну же!

Загнали в трюм. Захлопнули, задраили люк. Тишина, переносимо спертый воздух, насыщенный сотнями оттенков перевозимого здесь ранее груза. Абсолютная темнота и неизвестность. Одна радость — руки развязали.

— А куда в туалет ходить? — глупо спросила одна из женщин.

Заработал двигатель, задрожал от встречной волны корпус, закачало с борта на борт. Пльвем. Куда вот только?

— Ну-ка, мужики, давайте в кучку! - раздался чей-то голос.

Вспыхнула спичка, осветив лицо с запекшейся на

щеке кровью. Это был все тот же получивший по голове пистолетом газовик-рабочий. Экий неутомонный! Мужчины потянулись на свет, женщины остались на месте. Произошла естественная для времен войны и катастроф растасовка людей. Слабый пол — в ближний тыл, сильный — на передовые позиции. Так было и так должно быть всегда.

— Мы так и будем покорно по морде сносить? — произнес для затравки кто-то.

— Перестреляют!

— Всех не перестреляют!

— А если всех?

— Значит будем телками на бойне стоять?

— Ладно, хватить горячку пороть, давайте перекурим.

Пошла по кругу, высвечивая угрюмые серые лица горячей точкой, сигарета.

— Предлагаю наверх не выходить, а когда они спустятся, навалиться всем скопом, отобрать пару стволов и дать бой.

— А они бой давать не будут — бросят пару горящих телогреек и задраят люк. Через десяток минут мы спеклись! И оружие не пригодится, разве только к виску приставить!

— Значит надо прорываться наружу!

— По одному по узкому трапу? Здесь даже пистолета не надо — стой и лущуй по объявившимся снаружи пальцам и головам. Безнадега.

— Что ж, молча сидеть, смерти ждать?

— А может быть, действительно выкупят?

Замолчали. Ничего здорового на ум не приходило.

— А корпус проковырять можно?

— Ну да, как в «Монте-Кристо». Пилкой для ногтей.

Я слушал их любительские, словно вычитанные в приключенческих книгах прожекты, понимая, что если дойдет до дела — все они покойники. Не имея специальной подготовки, не имея опыта, переть с энтузиазмом наперевес на стволы! Безумие!

Все загремели карманной мелочевкой. Их обыскивали, но забрали далеко не все — лишь то, что показалось бандитам ценным. Снова вспыхнула спичка.

Маленький карманный нож, две зажигалки, связка ключей, денежная мелочь, ручки, блокноты, булавки.

— Короче, ничего у нас нет. Пусто!

Тут они не правы: много что есть. Для такой ситуации чрезвычайно много! Любой из перечисленных предметов я бы мог легко превратить в смертельно опасное оружие, начиная от метательных дротиков, кончая небольшой, но очень эффективной в ближнем бою бензиновой гранатой, изготовленной из двух зажигалок и спичечных головок. А еще есть ремни, подтяжки, подковки и гвозди в каблуках обуви. А еще есть руки и ноги. А еще есть голова! Вот этот последний пункт перечня, пожалуй, и будет самым разрушительным, самым смертельным оружием, которым обладает всякий живущий на свете человек. И дело даже не в телесных повреждениях, которые можно нанести с помощью собственной башки противнику. Да, существует по меньшей мере дюжина головных ударов, обрекающих нападающего на верную смерть.

И это не считая зубов, самой природой назначенных для защиты. Но это самое прямолинейное и непродуктивное использование, с точки зрения боя, торчащих из наших плечей голов. Голова дана человеку не для драки, а для того, чтобы думать. Именно эта ее основная функция смертельно опасна для любого противника. Мои товарищи по несчастью об этом забыли.

Они искали готовое оружие вместо того, чтобы с помощью фантазии изготовить его из подручного материала. В их руках был целый арсенал пригодных для боя предметов, а они отбрасывали их как ненужный хлам. Будь моя воля, я за три-четыре часа, используя тот же набор, вооружил бы их не хуже солдат срочной службы. Но это бы значило раскрыть себя и провалить всю операцию.

— Ну хоть бы кто-нибудь догадался из дома нож поприличнее прихватить, — сокрушался работяга, взявший на себя функции организатора обороны.

«Ага, а еще лучше безоткатное орудие или ПТУРС, — кипел я про себя. — Снять с вешалки, прихватить, рассовать по карманам, выходя из прихожей!»

Что ж вы такие слепые?! Да разлепите же глазки, пошевелите извилинами! Что, трудно в трех соединенных друг с другом под углом в 120 градусов и заточенных по краям английских ключах узнать метательную звездочку? Вы что, никогда в жизни боевиков не смотрели? Ну же!

Но снова отброшены ключи, булавки и зажигалки.

— Может, что у женщин есть? — попытался подсказать я.

— Да что может быть у баб? Хлам всякий!

Что ж вы делаете, бойцы?! Да женщины — это же боезапас для целого стрелкового батальона. Одних заколок, булавок, застёжек — десятки. Прислушайтесь — за-ко-лок. Вам что, слова уже ничего не могут подсказать? А ведь есть еще косметички с целым набором

ром смертельно опасных пилочек, ножничек, щипчиков. Безумцы, обрекающие себя на смерть!

— Ладно, раз ничего нет, задавим руками. Как клопов, — подвел итог новоявленный командир.

Эффектное предложение, но бесполезное, как густая гильза отстрелянного патрона. Руками давить — это уметь надо. Плохой командир желает взять нахрапом. Не думает, не учитывает ни топографии местности, ни степени боеспособности своих войск. Вместо того, чтобы..

Внезапно я поймал себя на мысли, что обдумываю варианты спасения.

Общими усилиями обследовать помещение, исползая его на коленях, ощупать до сантиметра пол и стены, найти любые посторонние, могущие служить оружием предметы. Продумать возможность сооружения тайников-засад. Даже правильно сгруппированная толпа людей может исполнить такую роль, укрыв, спрятав до поры за собой ударную группу боевиков. Проверить возможность проникновения в соседнее помещение.

Затем люди. Это главный материал победы. Научить их ориентироваться в замкнутом пространстве трюма, действовать в темноте. Рассортировать по степени трудоспособности. Тогда одни, наиболее бесполезные, станут «пушечным мясом», смертниками, призванными отвлекать противника на себя, другие изобразят буфер для тех немногих, которые и будут решать исход боя. Им — лучшее вооружение. Им — лучшие куски.

Найдется дело и женщинам. И в их телах застревают пули, предназначенные бойцам. Что, грубо? Но иначе нельзя. Каждый должен принести своей жизнью и даже своим уже мертвым телом какую-то заранее определенную командиром пользу. Только так можно достичь результата. Тогда погибнут многие, но останется жить хоть кто-то. В противном случае сгинут все.

И еще женщины незаменимы как фактор психологической атаки. Вовремя, по сигналу поднятый ими визг может на секунду и даже на две оглушить, повергнуть в замешательство нападающую сторону. Две секунды! Это срок, который может превратить поражение в победу!

Итак, «пушечное мясо», буфер, отвлечение, бойцы. Есть у них шанс победить в знакомом им и не знакомом противнику пространстве трюма? Пожалуй, да, если действовать слаженно и по заранее выстроенному плану! Значит трюм наш, плюс пара трофейных стволов!

Но если после победы в течение трех-пяти секунд не захватить люк, то все будет напрасно! Его просто задраят, и победа обернется гибелью. Для того, чтобы уложиться в такие жесткие временные нормы, надо тренироваться, надо уметь взлетать по трапу из любого положения, не мешая и не затаптывая друг друга. Надо уметь строить пирамиды из собственных тел, по которым бойцы могут быстро, как по лестницам, добраться до верха.

Будут они тренироваться? Нет. Они будут спорить, строить фантастические планы спасения вместо того,

чтобы набивать мозоли на руках и ногах. Потому что они не профессионалы, они хотят жить, но не хотят спасаться!

С любителями проще воевать в чистом поле, используя их количественное преимущество. Даже из автомата невозможно мгновенно уложить всех нападающих. Даже суперпрофессионал не сможет отбиться от десятков одновременно тянущихся к нему рук. Кто-нибудь да достанет.

Значит важно выбраться на палубу. Силой это, конечно, не удастся. А хитростью? Наверное, можно, учитывая, что противостоят им точно такие же, только вооруженные огнестрельным оружием любители.

Подумаем.

Вариант первый. Индивидуальный.

Закрепиться с помощью вереvoчных вязок возле люка, с противоположной от трапа стороны. Поднять шум, например, изобразить драку в дальнем конце трюма. Заглянувшего, наклонившегося над люком охранника убить быстрым ударом пальцев в лицо, выброситься ногами вперед во входное отверстие, выбить оружие у его напарников, если они есть. Путь свободен.

Но вот долгий и шумный выход всех заложников?

Вариант второй, более надежный, так как позволяет собрать охранников вместе и сразу всех уничтожить.

Изобразить эпидемию: валяться трупами на дне трюма, пока они не всполошатся. В конце концов, им нужны заложники, а не мертвецы. Собрать их всех в трюм и напасть. Нет, лучше позволить вынести почти бездыханные тела на воздух и там разом наброситься. Внезапный переход от пассивности к действию может обещать успех.

Конечно, бандиты проверяют, не дурят ли их пленники. Покричат, попинают ногами замершие тела (до проверки пульса в таких случаях обычно не опускаются). Это самый узкий момент. За подобных мне профессионалов я спокоен: не среагируют. Тренировали так, что хоть каблуками зубы кроши, хоть штывками тыкай, хоть в живот стреляй — стерпят, не могут они вздрогнуть или закричать, зная, что от их реакции зависит жизнь товарищей, но главное — успех операции. Если спецу надо прикидываться трупом, он будет трупом натуральнее настоящего. Тащи на анатомический стол, на куски режь — не пикнет. И лишь когда прозвучит команда, он оживет, встанет и выполнит поставленную задачу. Или, если так сложатся обстоятельства, умрет, ни жестом, ни стоном не выдав себя. Вряд ли способна на это публика, которая страдает даже от того, что ей некуда сходить в туалет. Не смолчат они, когда их ребра будет крушить чужой ботинок. Для этого надо уметь задавливать болевой страх.

Продолжение в № 8-9

Оформление Сергея ГРИГОРЬКИНА

Юний ГОРБУНОВ

АЛЕКСАНДРА — БОЯРСКАЯ ДОЧЬ

В русском историческом действе есть такие заглавные женские персонажи, коих автор обозначил только именем, решив, что и этого довольно за глаза. Даже отчество бывает у них гадательно. Такова мать Дмитрия Донского великая княгиня Александра. Достоверного об этой женщине так мало, что мы бесконечно вольны и никому ничем не обязаны в своем о ней рассказе.

В 1345-м, как мы помним, гуляло сразу три княжеских свадьбы на Москве. Вместе с Симеоном шли под венец и два его брата — Иван и Андрей.

Она из тех свадеб была для москвичей ну прямо загляденьем. Редко, ой как редко улыбалась язычница Лада великим князьям, чаще стояла насупленной, к ним вполоборота, а тут так прямо расцвела богиня. И, ахнув, затаила дыхание Москва, когда Иван Красный, подняв на руки невесту свою, так и нес ее от терема до Успенского собора на руках. Рюрикович — дочку боярскую!

Впрочем, летописная история об отчестве великой

княгини и о боярском ее происхождении стыдливо помалкивала. Александра да и все тут. И только совсем по историческим часам недавно, в 1843-м землекопы нашли на территории Московского Кремля медный сосуд, напоминающий современную кофеварку, а в нем старинные, времен Дмитрия Донского, деловые бумаги и пергаменты под свинцовыми печатями. В одном из документов прочитали такой текст: «Се яз князь великий Дмитрий Иванович пожаловал есмь Евсевка Новоторжьца, что идет из Торжку в мою вотчину на Кострому... а приказал есмь его блюсти дяде своему Василью тысяцькому...»

Вот оно как теперь выходило: раз московский «градоначальник» Василий Васильевич Вельяминов приходится Дмитрию Ивановичу дядей, значит, женой Ивана Красного и матерью Донского была сестра «градоначальника», в девичестве Александра Васильевна Вельяминова. И заметим пока к слову: от того, что так глубоко под землю спрятали лукавые летописатели отчество великой княгини московской, от того Дмитрий Иванович Донской, увы, не стал меньше сыном своей матери, дочери боярской.

Но вернемся в Москву Симеона Гордого.

Иван Красный совсем не походил на Симеона. О великом княжении не думал-не гадал. Благо, что брата — башковитого и гордого — не только что на одно, а и на три княжения бы хватило. Невесту себе вторую (первая его жена умерла скоро после свадьбы) Иван уже искал сам — вольно и безоглядно. И полюбилась ему дочка тысяцкого — Сашенька Вельяминова. С братьями ее Иванком и Микулой когда-то вместе принимали постриг и садились на коней. Едва ли не 12-летними под приглядом воевод уже ходили с дружиной пужать новгородских вечников. И Сашенька самошитым убрусом махала им со стены. И блестели на ее глазах, сквозь улыбку, большие детские неправдашние слезы.

А вот уже она и невеста. Иван сказал о том Симеону, который ему «в отца место», не потупляя глаз, и взгляд великокняжеский молчаливый и тяжелый выдержал. И на то не посмотрел, что тесть Василий Васильевич, тысяцкий на Москве, прежде чем благословить дочку, долго хмурился притворно и качал сановитой головой.

Были Вельяминовы все, как на подбор, красавцы. Что в ополчениях, что на гуляньях — всегда в голове и на виду. Сестру в обиду не давали, да она и сама за себя постоять умела — одно слово, первого боярина дочь. Но и Ивана не зазря прозвали на Руси Красным, то бишь красивым. Только видно, что не удалью был он хорош забубенной, а статью, ликом и добрым, непоперечным нравом. Сашенька в тереме держала верх. А на Москве, можно предположить, брали силу бояре московские.

Жили с Сашенькой на загляденье всем. Иван как взял в день свадьбы на виду у всей Москвы невесту свою на руки, так, похоже, и нес ее на руках, не тяготясь и не страшась молвы. Свое первое дитя, конечно, нарекли они Любовью. Девочка родилась. А в 1350-м появился на свет Дмитрий.

Карты спутала чума, о коей мы уже знаем. Она не только Симеона прибрала и брата его Андрея, но и сыновей симеоновых, уже, казалось, переживших тот рок младенческой смерти, что висел над всеми предыдущими его сынами. И вот в результате той нещадной чумы Иван Красный должен был перепоясаться во Владимире мечом великого княжения. Не осталось теперь других законных претендентов. Но он и княжил, не выпуская из рук Сашеньку свою. Тихо княжил. Ехал в Орду, если боярская дума велела,

когда задирался какой удел, за меч сразу не хватался, а старался переждать, вразумить терпением. Словом, как сказал один историк, Иван II был силой уже не как лицо, а как великий князь московский. Хватало ему, чтобы княжить, отцова и братова авторитетов. Продолжалась и при Иване Красном тишайшая на Руси пора.

Впрочем, стоп: в 1357-м случилось происшествие. Ранним февральским утром горожане на главной площади своего Кремля обнаружили бездыханное тело нарочитого боярина Алексея Петровича Босоволкова по прозвищу Хвост (мы помним его в Твери сватом симеоновым). Обнаружили со следами смерти насильственной. А был Босоволков совсем недавно поставлен тысяцким на Москве — вместо брата великой княгини Василия Вельяминова.

Эта смерть остается загадкой и по сей день.

В духовной Симеона Гордого читаем строгий наказ братьям, чтобы Алексея Петровича за то, что «вшел в коромолу», ни в коем разе к власти не пущать. И вот теперь загадка: почему тишайший брат Иван вдруг возвеличил «крамольника» тысяцким, вторым сделал после себя человеком на Москве? И кому это так не поглянулось? Похоже, что московский люд грозно кивал тогда в сторону двора бояр Вельяминовых, так близко породнившихся с великим князем. Чтобы утишить молву и гнев, Иван был вынужден отправить тестя своего с семьей от греха подальше временно пожить на Рязань.

А что до его послушания воле симеоновой... Так почему бы нам не предположить, что выбор тысяцкого был во власти не одного великого князя? Историк Костомаров, так тот прямо говорит, что «тысяцкий выбирался землею мимо князя». Был, значит, народным ставленником в княжеском правительстве, гласом вечевой Москвы. Вот она, вечевая, его и поставила, и возмутилась потом погибелью своего «депутата».

А в остальном было тихо в ту пору на Руси. В великокняжеских хоробах царила любовь, какая редко удается при почти поголовных династических браках. И можно представить, как рос-мужал будущий Дмитрий Донской в этом тереме и на этой Москве — жданный и лелеемый плод редкобывало в княжких теремах обоюдной любви и согласия. Чаше, как мы понимаем, любовь в детинцах была жертвенной, стоической, таящей что-то в глубине себя — то ли отрадную память, то ли скрытую обреченность, то ли надежду. А эта доносится до нас через века чистой зарею майского утра на Неглинке, когда после быстро мелькнувшей ночи в качающемся челне засыпали оба под одним охабнем. И на шепот Ивана: «Хорошо ли тебе, Ладушка?», Сашенька отвечала, смежая очи: «Хорошо, Ладо».

Рос Дмитрий в холе и всеобщем обожании, единственным, богоданным. Не в пример отцу, он-то с малых ногтей знал, что и по лествичному праву, и по судьбе быть ему на московской Руси великим князем.

Братьев у Ивана не было уже, а старший сын — это он, Дмитрий. Он и княжичем был уже ВЕЛИКИМ. У себя ли в тереме, на дядином ли дворе — опять тысяцкого Вельяминова — не было ему запретов. Всюду почтение, всюду хола, всюду любовь. Отец, начисто лишенный тщеславия, всматривал с улыбкой снисхождения, а мать и вся ее боярская родня самозавенно пестовали именно первейшего князя. Своего, БОЯРСКОГО державного... Навыком учили наперед всего слушать совет бояр нарочитых. Как великого князя — уметь волю свою показать, а как боярского отпрыска — и самому мочь все, что ни придется: и топором владеть, и меч держать, и охотиться на большого зверя.

Можно было бы нарисовать не одну пасторальную сцену на тему этой прекрасной тройцы: Ивана, Александры и Дмитрия (дочь они рано выдали замуж за княжича литовского, гедиминова внука). Если бы...

Длилась та любовь недолго: в 1359-м Ивана Ивановича Красного не стало. Мы не знаем, в каких годах потеряла Сашенька мужа, но наверно было ей не более, чем ему самому — 33: едва ли по любви он выбрал бы неровню.

Никто не мог ожидать, что Иван II так рано сойдет в могилу, оставив московскую Русь на попечение бояр и 9-летнего княжича. Но вот уж кому это было на руку, так это дому бояр Вельяминовых. И то, как резво, умело повели они дела в Орде и на самой Руси, не оставив никаких надежд ни Твери, ни Суздалью, пыгавшимся воспользоваться малолетством Дмитрия и перехватить великое княжение, невольно наводит на грешную мысль: уж не подтолкнули ли бояре Ивана Красного к могиле?

Впрочем, это пустой домысел. Фактом же остается то, что какое-то время до повзреления Дмитрия держало Русь боярское правительство во главе с Вельяминовым, матерью великого князя и митрополитом вся Русь Алексием.

Последний — фигура прелюбопытная. Это был второй после Петра митрополит-россиянин, не просто сторонник возвышения Москвы, но и яростный воитель за эту идею. В миру тоже боярский сын, он больше смахивал на воеводу, чем на архиерея. Больше княжил, интриговал, нежели умиротворял. Не зря же в Константинополь стали слать на Алексея жалобы, что он, помимо Москвы, не печется больше ни о ком. Митрополитский двор в Москве, похоже, стал боярской ставкой. И надо полагать, что связующим звеном между мальчиком-великим князем и боярским правительством была овдовевшая княгиня Александра Васильевна. Всю свою нерастраченную любовь перенесла она теперь на сына.

И мальчишка-великий князь рос баловнем, с характером неуравновешенным, капризным. Мог ни с того, ни с сего власть свою заявить — перед гриднями ли, боярами ли, а мог расплакаться в колени матери, за все вымаливая прощение. Она была его опорой и защитой, сдерживала и покрывала вспышав-

шую необузданность, прятала от посторонних глаз неожиданное малодушие сына или беспричинный страх.

Едет ли Дмитрий, читаем в летописи, за великим княжением в Орду (а там, к слову сказать, началась великая «замятня», кровавый дележ власти, и мальчишка-княжичу было в Сарае не место); ведут ли князья-братовья рать под Перяславль, чтобы устроить соперника, тоже претендующего на великий стол; справляет ли Дмитрий договорную грамоту с двоюродным братом Владимиром — никак нельзя при этом забывать, что великому князю было в ту пору 9-13 лет и стояли за его спиной старец-митрополит, боярская дума и, конечно же, мать — великая княгиня Александра Васильевна, боярская дочь, всегдашняя Дмитриева заступница и берегиня, потаковница и утешительница. В думе решали-рядили, а в покоях княгини душой обзаводили. Под приглядом матери, под боярской опекой взрослел великий князь московский Дмитрий Иванович.

Посмотрим, как же начал великое княжение 12-летний Дмитрий, получив официальный ярлык от посла из Мамаевой орды (по изложению Патриаршей или Никоновской летописи). Он со своей ратью не только согнал со стола претендента — Дмитрия Константиновича суздальского, но и осадил затем Суздаль и со многою силою «все пусто сотвори». Вслед за тем Дмитрий с той же ратью и над князем ростовским Константином «взвел волю свою», согнал с галицкого княжения Дмитрия галицкого, а со стародубского — Ивана Федоровича стародубского. То есть такого за малое время натворил, чего на Руси симеоновой и брата его Ивана Красного долгонько не бывало. Не ожидавшие такого оборота и униженные князья съехались в Нижнем Новгороде, «скорбяще о княжениях своих». И можно ли поверить словам летописца, что это деяния 13-летнего великого князя, который «разумом же и бодростию всех старее сый»? Конечно же, налицо хулиганская выходка бояр, положивших отныне собирать Русь вокруг Москвы силою меча и на это зло употребивших благой авторитет и славу минувших тишайших княжений.

В истории всегда есть высокая правда и логика, которые царят над произволом фактов и событий и помогают нам, несведущим и далеким во времени, не потерять путеводную звезду. Они помогают читать между летописных строк и видеть недоступное глазу.

Как, скажите, должна была смотреть великая княгиня-мать на эти провокации боярской верхушки, замысленные такими умудренными старцами, как Василий Вельяминов, а главное — митрополит московский? Конечно, она вынуждена была смириться, уступить силе, но какими слезами закипало все внутри ее, когда садила она на коней трех братьев-отроков, не умеющих еще уразуметь козни боярские и легко поддающихся мужским подначкам? Старшему из них — Дмитрию — было тогда 12, Владимиру, двоюродному брату, не исполнилось и 11-ти, а Ивану Мало-

му, родному брату Дмитрия, и совсем — 9-10 лет. Вот таких мальцов натаскивали боярские воеводы, как молодых борзых, на легкую добычу. Потому что вера была Москве, столице митрополичьей.

И такое возникает, глядя на взрослого уже Дмитрия, впечатление, что все доброе шло к князю от нее, Александры, а все злое — от самовластных прихотей боярских. Так эти весы (Дмитрий, впрочем сказать, родился 13 октября, т.е. под знаком Весов) и качались во все недолгое, но густо замешанное княжение Дмитрия Донского, принося Руси то благо, то беды великие. Если от бояр и, увы, от митрополита шли ему наговоры и смута насильного великодержавия, то от княгини-матери тянуло теплом, любовью и согласием, кои так недавно царили в душах супругов и не могли не передаваться сыну.

Поскольку мы не будем описывать все княжение Дмитрия Донского, известное по многим исследованиям, житиям и романам, то напомним только это счастливо-драматическое качание весов в пору его княжения.

Вслед за законным обретением великокняжеской власти в московско-владимирской Руси, Дмитрий вскоре же омрачил свое княжение постыдной провокацией конфликта с Тверью, когда с помощью митрополита и, конечно, по наущению бояр заманил в Москву как бы на третейский пастырский суд Михаила Александровича, брата живущей в монастыре Спаса на бору княгини Марьи, жены Симеона, и постыдно, трусливо заточил его — поступок вовсе не свободного князя, но подневольного слуги-боярина. С этих пор он сделал Михаила своим вечным врагом, жаждущим отмщения и реванша; одним трусливым жестом разрушил обаяние того воздушного московско-тверского храма, который так бережно и осторожно возводил Симеон Гордый. Подумать только: Михаил тверской не стал под стяги Дмитрия даже на Куликовом поле! Такова цена одного строптивого поступка.

Рюрикovich в натуре князя то и дело уступает сыну боярскому. Великий князь мудро и неторопливо собирает русские и даже литовские княжества на совместное противостояние Мамаевой орде. И одерживает на Куликовом поле заслуженную и трудную победу, восстановившую если не свободу еще, то достоинство Руси. А боярский сын два года спустя оставляет беззащитную Москву на разграбление и унижение своре Тохтамыша. Нет никакого сомнения, что Москва устояла бы, не поддавшись на дешевую хит-

рость татар, если бы великий князь был в ее стенах, а не прятался в своей вотчине — Костроме. Никакой пожар, мор, чума не могли натворить в столице столько, сколько в этот раз натворила Орда Тохтамыша, Орда, теряющая белую силу, Орда при последнем своем издыхании. Она уничтожила не только людей, но и зачем-то собранные в монастырях и соборных храмах книги, иконы, драгоценности — все, чего нам сегодня так недостает, чтобы представить себе искусство раннемосковской поры. Вот почему, кроме двух-трех икон, ничего более не досталось нам в наследство от Москвы Юрия Долгорукого, Ивана Калиты, Симеона Гордого, Ивана Красного... И вот почему судорожно и истерично рыдал Рюрикovich в оскверненные колени столицы своей и швырял серебро — на погребение каждого, истратив ни много, ни мало 300 рублей, что помогло историкам определить число погибших — 24.000 человек, помимо утонувших и сгоревших.

Похоже, что пульсировал и еще один источник праведности и мирного созидания, к которому время от времени припадал Дмитрий Иванович. Он истекал от радонежского игумена Сергия. О многом говорит нам как ссора с ним великого князя, так и попытки в светлые и трудные минуты жизни пойти к нему на поклон и за благословением.

Годы 1346 и 1365-й у историков не в чести. Мечи в эти лета молчали, а опять ходила по Белой Руси чума. Нижний Новгород, Рязань, Владимир и Суздаль, Москва и Коломна... «А на Белоозере, — сообщает летописец, — тогда ни один жив обретен», то есть вымерли все. Опустела и многострадальная Тверь, если судить по тому, что исчезли начисто все семьи тверских князей с женами и детьми. В который уже раз Белая Русь превратилась в гигантскую скудельницу — общую могилу.

Из московского великокняжеского семейства сгинул в ту пору дмитриев младший брат — Иван Мальый, принеся очередное горе Александре. А через пару месяцев в той же монастырской церкви Спаса на бору отпели и положили в приделе и ее самою, Александру, боярскую дочь. Успела она перед кончиной принять монашеский чин, и наречена была Марией. Наверно, не более 38 лет набежало ей в те поры, и было страшно уходить от единственного, теперь остающегося под губительной боярской опекой сына, от Москвы, которая отныне обречена утверждать свою державность силой меча, а не мудрости.

Татьяна ФЕДОРОВА

МЕМЕНТО МОРЕ

*«... Унесут на полотенцах
И упрячут под гранит...»*

В.Орехов

К векам тихо прикоснется
Ненасытная Беда —
И зрачков моих колодцы
Опустеют навсегда;
Снимут люди с мертвой Таньки
Два потрепанных крыла,
Предадут земле останки
И забудут, что жила.
Я не сразу стану пылью,
Но такой момент придет:
Если кто-то мои крылья,
Словно знамя, подберет,
Обретет мои привычки
И отыщет, наконец,
Пресловутые отмычки
К погребам людских сердец;
Облеченный тайной властью,
Склонит варваров к добру —
Вот тогда-то я от счастья
Окончательно умру.

* * *

Заплакать над упавшей головой.
Переболеть обидами чужими.
Любить того,
 кто боль мою не примет,
Не пожелает знать меня живой;
Подростка возраст износить до дыр,
Чтоб превратиться
 в Нежную из Дикой,
Стать одновременно
 женственно-двуликой,
Ломать себя, чтоб строить чей-то мир;
Уйти — и не оставить по себе
Ни памяти, ни строчки, ни могилы...
Я ничего другого не просила.
Но, Господи, прости мне этот бред.

* * *

А мне ведь было не с чего сходить —
Я шла не по уму, а где-то рядом.
Я возмущала юных Афродит
Презрением к изысканным нарядам.
Я не была участницей боев
За право называться самой сильной.
Я имя первобытное свое
Несла, как крест,
 а не как герб фамильный.

Я уходила, не захлопнув дверь,
На полуслове обрывая фразы;
Я, чтоб не стать седею от потерь,
Алмазам глаз предпочитала стразы.
Я улыбалась людям из толпы,
Любила солнце, кошек и поэтов —
И дьявол отпечатками копыт
Не помечал судьбу мою за это.
Но это все я выбрала сама,
Слепив себя, как статую из гипса;
А ты сказал, что я сошла с ума, —
И в первый раз, наверное, ошибся.

Евгения КУЗЕВАНОВА

* * *

Я — Овен,
я покорная Овца.
Такою и останусь до конца.
Не путали бы только
со скотиной...
И не хлестали душу хворостиной.

* * *

Не по дороге, просекой —
Быстрее по прямой!
Я снова в платье простеньком
Бегу, спешу домой.
Навстречу выйдут парюю
Родители мои
Совсем еще не старые!..
— Отец, слезу сморгни.
И мне ладонь шершавую —
Прости за все! — подай..
А маме я пожалуюсь,
Что годы — как вода...
Беспомощную голову
На грудь ей приклоню..
...Ах, сон: как лошадь с норовом! —
Уже не догоню.

* * *

Словно белая ворона,
На подворье разоренном
Примостилась и торчу..
Да еще и распеваю!
Чтобы знали, что живая.
«Белой» быть я не хочу.
Да и быть вороной — тоже.

Что сказать ворона может?..
Человеком надо быть.
Хоть и маленькая малость
Счастья в жизни мне досталась —
Жизнь умею я любить...
От любви и распеваю,
Голоса не надрываю
По-вороньи не ору.
Если ж кто меня не слышит
(Или: «Кыш!» —
 гоняет с «крыши»), —
Я у них — не ко двору.

Наталья САННИКОВА

* * *

Твоя душа — публичный дом,
Где каждый шаг — прелюбодеяние,
Где бесконечно фарисейство,
И есть шампанское со льдом,
Есть вышибалы и швейцар
(Кому он двери отпирает?),
И каждый вечер печь пылает;
И утро каждое — угар.
Здесь предаются кутежам,
Вскрывают вены и воруют,
Бесстыдно голуби воркуют.
И стон стоит по этажам.
Здесь возвышаются до звезд,
Вкушая томное искусство,
Поэты воспевают чувство,
Вещает истину прохвост.
Тоскует пьяный философ.
Приносят жалкую монету
Те, кто скитается по свету
Без имени и без часов.
На голубином чердаке
В ненужных прячется одежках
Надежда в стареньких сережках
И с погрешкою в руке.
Здесь есть святоши и лгуны,
Здесь есть мечтатели и лютни,
Мужи ученые и люди,
Которые везде нужны.
И сквозь сплошную пелену
Ругательств, слез, любви и дыма
Увидеть так необходимо
Устало спящую луну.
И застывает постель
В который раз без веры в чудо.
И все спешат: туда, оттуда,
Клянут и славят сей бордель.
Здесь верить страшно и себе.
И все случится или было.
Я это знаю о тебе,
И я таким тебя любила.

Владислав ДЕБЕРДЕЕВ

«СКРЫЛ НЕДОСТАТКИ, НЕ УВЕЛИЧИВАЯ ДОСТОИНСТВ»

В прошлом году моему внуку Никите исполнилось пять лет. Встал животрепещущий вопрос: что подарить ему на день рождения? Ясно, что презент должен быть особенным, необычным, — ведь как-никак первая «юбилейная» дата.

Вот и пришла мне мысль подарить любимому внуку дорогую для меня семейную реликвию — шахматы, которые были выточены и вырезаны моим дедом (по материнской линии), потомственным дворянином Львом Яковлевичем Слащевым. А заодно показать ему и еще одну семейную реликвию: «красный» (по цвету обложки из алого бархата, увы, изрядно уже потертого) фотоальбом с «видеолетописью» нашего рода.

Открывается альбом фотопортретом моего прадеда Якова Степановича Слащева и «величальным» посвящением ему, написанным белым стихом и датированным 1892 годом.

Жили Слащевы главным образом в городе Мариинске — примерно в 150 километрах восточнее Томска. Мужчины принадлежали к чиновничьему сословию. Например, прадед Я.С.Слащев отдал государственной службе около сорока лет, а его сын, мой дед Лев Яковлевич был акцизным чиновником (как мы сказали бы теперь, работал в налоговой инспекции).

Род Слащевых очень гордился таким знаменитым родственником, как автор стихотворной сказки «Конек-Горбунок», тобольчанин Петр Павлович Ершов. Он был женат (первым браком) на Серафиме Александровне — вдове одного из Слащевых. У нас в семье в довоенное время хранилось пожелтевшее от времени издание 1856 года в светло-оранжевой обложке с факсимильным автографом самого П.П.Ершова.

К сожалению, в тяжкие годы военного лихолетья, когда нашей семье из четырех человек пришлось жить на одну зарплату моей матери, она вынуждена была продать перекупщикам этот дорогой — в прямом и переносном смысле — экземпляр прижизненного издания. Ведь тогда вопрос стоял так: либо жизнь четверых, либо...

А вот еще один важный штрих, имеющий прямое отношение и к Петру Павловичу Ершову, и к роду Слащевых. Кроме упомянутого выше «красного» альбома, у нас в доме — вплоть до смерти моей матери

Валентины Львовны — был и другой, такой же массивный и тоже с бронзовыми накладными украшениями и золотым обрезом, «зеленый» альбом (опять же по цвету бархатной обложки). Среди его фотографий находился и овальный снимок, сделанный с живописного портрета — П.П.Ершов в бытность его студентом Санкт-Петербургского университета (1831-1836 г.г.), то есть как раз в период написания «Конька-Горбунка». А под портретом стояли две каллиграфически четкие, скорописные строчки, сделанные рукою Петра Павловича: «Я скрыл свои недостатки, не увеличивая достоинств».

Сей девиз был по-родственному воспринят и «взят на вооружение» Слащевыми — современниками Ершова. Этому же принципу в дальнейшем неуклонно следовали практически все из поколения, носящие фамилию потомственных дворян.

И еще одна фамильная традиция Слащевых. В каждом из колена их рода одного из младенцев мужеска пола они непременно называли именем Яков. Если взять, к примеру, четыре известных мне поколения, то получится следующая цепочка: мой прадед Яков Степанович (о котором уже шла речь) — Яков Александрович, двоюродный брат моего деда Льва Яковлевича — Яков Львович, его сын и мой родной дядя, и наконец Яков Яковлевич, его сын, то есть мой двоюродный брат.

Об одном звене этой семейной цепочки Яковов следует поведать подробнее — о Якове Александровиче Слащеве, белом генерале, который командовал корпусом у Деникина, а затем у Врангеля. Это был очень жесткий, даже жестокий человек.

В книге «Крушение антисоветского подполья в СССР», выпущенной Политиздатом в 1975 году, ее автор Д.Л.Голенков — в прошлом следователь по особо важным делам в прокуратуре Российской Федерации и всего Союза ССР — дал Якову Александровичу такую характеристику: «Прославившийся кровавым террором против трудящихся, деникинский генерал Я.А.Слащев...»

И действительно, двоюродный брат моего деда в 1919 году, когда командовал 3-м армейским корпусом, вместе с Деникиным бросил своим войскам клич-приказ: «Красных в плен не брать, вешать по столбам!». Так же беспощадно, ожесточенно громил он украин-

ские отряды Петлюры и батьки Махно, хотя и восхищался незаурядной личностью последнего.

Генерал-майор, впоследствии генерал-лейтенант Я.А.Слащев по праву считался одним из выдающихся военачальников «белого движения». Недаром именно ему была поручена оборона Крыма — последней цитадели прежнего режима — от наступления красных частей, с чем Яков Александрович блестяще справлялся в течение года (декабрь 1919–ноябрь 1920). За эти успехи его окрестили «героем Перекопа». Врангель в специальном приказе № 3505 от 19 августа 1920 года, отметив, что имя генерала Слащева «займет почетное место в истории освобождения России от красного ига», приказал: «генералу Слащеву именоваться впредь Слащев-Крымский». А в сентябре того же года ялтинская городская дума присвоила Якову Александровичу звание почетного гражданина Ялты с помещением его портрета в здании городской управы.

Эмигрировав в конце 1920 года в Константинополь (Турция), генерал Я.А.Слащев — после декрета ВЦИК о полной амнистии всему разоружившемуся «белому воинству» — вступил в переговоры с представителями советского правительства о своем возвращении на Родину. И ровно через год после ухода из Крыма он — вместе с женой Ниной Николаевной, которая служила у Якова Александровича ординарцем под фамилией «юнкер Нечволодов» и дважды, будучи ранена сама, спасала жизнь Слащева, — вернулся в Севастополь.

Свой поступок он объяснял так (цитирую по газете «Красная звезда» за 24 ноября 1921 года): «Если меня спросят, как я, защитник Крыма от красных, перешел теперь к ним, я отвечу: я защищал не Крым, а честь России. Ныне меня зовут защищать честь России, и я еду выполнять свой долг, считая, что все русские, военные в особенности, должны быть в настоящий момент в России».

На другой день по прибытии в Севастополь Я.А.Слащева перевезли на железнодорожную станцию, где в специальном вагоне его ожидал сам... «железный Феликс»(!), председатель ВЧК и нарком внутренних дел Ф.Э.Дзержинский, который прервал даже свой отпуск, чтобы увезти Якова Александровича в Москву. Там, в июне следующего года, бывший генерал-белогвардеец получил штатную должность преподавателя тактики (а с 1924-го и главного руководителя) в знаменитой Высшей тактико-стрелковой школе командного состава РККА, сокращенно — школа «Выстрел».

В 1928 году появилась пьеса М.А.Булгакова «Бег». Художественно-театральными средствами в ней повествуется об отступлении врангелевской армии от Перекопа и других крымских перешейков до южных портов полуострова (на сцене ее поставили лишь в 1957 году, а потом по ней был снят одноименный кинофильм). В этой драме выведен образ терзающегося в сомнениях, нервного и сумасбродного генерала

Хлудова, прототипом которого был вполне реальный, тогда еще здравствующий крупный военный специалист-тактик и блестящий лектор школы «Выстрел» — Яков Александрович Слащев.

Почему именно он оказался одним из главных героев пьесы? Михаил Булгаков в образе Хлудова вывел не заурядного «белого генерала», не ходячего «кровавого палача» народных масс, а резко выраженную человеческую личность, фигуру противоречивую, неординарную, каким и был в жизни Я.А.Слащев.

А еще через год, 11 января 1929-го, на другой день после своего «тезоименитства» Яков Александрович был... убит! Смерть настигла Слащева в его собственной комнате, расположенной во флигеле, где квартировали преподаватели школы «Выстрел», по адресу: Москва, Лефортово, Красноказарменная улица, 3.

Убийца, которого быстро задержали, назвался Коленбергом и сообщил, что отомстил за брата, казненного по приказу Слащева в Крыму за дезертирство с фронта. На другой день газета «Красная звезда» опубликовала краткую информацию об этом, охарактеризовав убийство Я.А.Слащева «политически не оправданным актом личной мести».

Другой точки зрения придерживается, в частности, А.Г.Кавтарадзе, который в предисловии к книге «Белый Крым. 1920 г.» (выпущена издательством «Наука» в 1990 году) пишет следующее:

«...должен заметить, что версия о «личной мести» мне не представляется достоверной, ибо примерно в это время в нашей стране начались уже широкие репрессии против бывших так называемых буржуазных специалистов, в том числе военных. Именно в период, начиная с 1929 г., тысячи и тысячи бывших генералов и офицеров, как состоящих на действительной военной службе, так и преимущественно уже уволенных из рядов армии, были арестованы, расстреляны, высланы в отдаленные районы Сибири и Дальнего Востока... Поэтому не исключено предположение, что Слащев стал одной из первых жертв безызывственной теории И.В.Сталина усиления классовый борьбы по мере продвижения к социализму».

Верная традиционному жизненному принципу — скрывать недостатки, не увеличивая достоинств, наша семья, жившая тогда уже в Новосибирске, и все остальные Слащевы в годы тотального режима, разумеется, не только не афишировали, но и тщательно скрывали свою родственную связь с бывшим генералом, фамилия которого фигурировала практически во всех советских энциклопедиях (конечно же, негативно!), а также в ряде зарубежных. Но вынужденная предосторожность оказалась все-таки малоэффективной.

Так, мой дядя Яша, родной брат матери, работавший на КВЖД (Китайско-Восточной железной дороге), заметив особенно пристальное, настойчивое и придирчивое внимание к себе со стороны «особистов», вынужден был в начале тридцатых годов бежать с семьей в Харбин. А потом эмигрировать в Австралию.

Был арестован в 1937 году другой мой дядя, старший брат матери, Евгений Львович Слащев. Его «вина» заключалась в том, что в годы первой мировой войны он был офицером, служил в технических, железнодорожных войсках, к тому же носил фамилию Слащев! Десятилетний срок, что называется, от звонка до звонка, провел дядя Женя в приснопамятном ГУЛАГе, на строительстве железной дороги Абакан — Тайшет.

Из членов нашей семьи, носящих опасную фамилию Слащевых, избежал репрессий только мой дед Лев Яковлевич. «Безнаказанность» объяснялась, однако, лишь тем обстоятельством, что еще со времен гражданской войны он был полным инвалидом.

Не могу оставить втуне, умалить деяния другой — татарской, мусульманской — половины нашей «первичной ячейки общества». Тем более, что сам я типичный евраз — и по происхождению, и по месту теперешнего местожительства.

Начать, думается, лучше всего с... уральской бывальщины. Такой подзаголовок дан очерку «Колокольный омут», напечатанному писателем М.Зуевым-Ордынцем в журнале в № 4 журнала «Искатель» за 1967 год.

«На горном Дебердеевском заводе спешили. Приказано было окончить к пятнице громадный, на пятьсот пудов, колокол для казанского городского собора. Губернатор казанский получил весть, что город его посетит вскоре высокая особа, не то посол какой-то чужеземный, не то царевич-наследник Павел Петрович, а может быть, и сама «царица-матушка» Екатерина Алексеевна. И приказал губернатор Дебердееву чуть ли не в неделю отлить соборный колокол, чтобы достойным звоном смогла встретить Казань высокого гостя».

И далее «уральская бывальщина» повествовала о том, как работные люди на железоделательном заводе Дебердеева, проявив стихийное еще «классовое самосознание», выступили против нещадной эксплуатации хозяина, вызванной срочностью губернаторского заказа и повлекшей гибель человека, подняли бунт и в конце концов утопили злополучный колокол в уральской реке Белой. Это место, под горным обрывом, с тех пор называют Колокольным омутом.

Как видим, род уральских татар-заводовладельцев Дебердеевых был известен еще в середине XVIII века, в царствование Екатерины Великой, то есть полтора столетия назад.

Причем уже тогда они обладали весьма внушительным промышленным потенциалом. Чтобы получить «высокотехнологическую» отливку — фигурное изделие с заданными акустическими свойствами весом 8 тонн (500 пудов), надо было иметь достаточно мощное плавильное производство.

Последним законным владельцем фамильного металлургического предприятия был мой дед (по отцу) Ибрагим Салихович Дебердеев. Он не дожил до того

дня, когда их родовая собственность — завод — была конфискована Советской властью и национализирована: дед-татарин умер еще в 1915 году...

Когда мой отец Абдула Ибрагимович вошел в семью потомственных дворян Слащевых, он с искренним одобрением воспринял традиционный славянский девиз рода, провозглашенный П.П. Ершовым, и стал поступать соответственно. В частности, поспешил «откреститься» от фамильного индустриального имущества — своего уральского завода. У нас дома, особенно при посторонних или малознакомых людях, оглашалась «официальная» версия, что мой дед был не владельцем металлургического завода, а всего лишь его... управляющим, так сказать, наемным работником.

Хорошо помню, как в середине тридцатых годов отец устроил местное аутодафе (публичное сжигание) визитных карточек деда. Большая пачка визиток, штук сто, на которых красивым шрифтом было напечатано «Слащев Лев Яковлевич» и дворянская корона наверху, полетела в огненное чрево нашей печки-голландки. А отец энергично мешал эту кучку, так как плотная, веленевая бумага горела плохо.

Увы, версия оказалась ненадежной и не смогла скрыть «недостаток» классового происхождения моей татарской родни. В 1938 году мой отец был арестован. Утром он, как обычно, ушел на работу и... не вернулся. Его взяли прямо на рабочем месте в «Автодоре», где он был главным бухгалтером. Все попытки матери узнать о его судьбе — сначала в угрозыске, потом в местных органах НКВД — ни к чему не привели.

Но вернемся теперь к подарку. Оба моих деда — один потомственный дворянин, другой — заводовладелец — любили физический труд, хорошо умели сделать что-то полезное, самобытное своими собственными руками.

Взять те же шахматы, изготовленные дедом Л.Я. Слащевым и предназначенные мной в подарок внуку Никитке. Все 32 фигуры выточены, вырезаны настолько изящно, ювелирно, что такой работы не постиглись бы даже опытный мастер-краснодеревщик. Кроме того, для хранения шахмат дед выточил из деревянного чурбака круглый бочонок — диаметром 150 миллиметров — и монолитную же крышку к нему. Вот тебе и дворянин-«белоручка»!

Что же касается другого деда, И.С. Дебердеева, то хорошо помню рассказы своего отца об оригинальных собственноручных изделиях заводчика. Ибрагим Салихович научил своих сыновей — моего отца и его брата Хасана — мастерить большие воздушные змеи. Братя еще в подростковом возрасте сделали для своей маленькой сестренки Юлдуз такой огромный змей, что он, запущенный в небеса, возил тележку с девочкой по при заводским уральским просторам.

Этими своими талантами деда никогда не хвалились.

Слайд Николая ПЕРЕВЫШИНА на 3-й стр. обложки.

Владимир ПУРОНЕН

ШВЕЙЦАР — ВОИН И ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ

Швейцар... вроде бы все знают, что это привратник в гостиницах, ресторанах, некоторых учреждениях и жилых домах. Открывает двери посетителям или постояльцам, подносит им чемоданы, вызывает такси, оказывает другие мелкие услуги... Но почему все-таки служителей такого рода называют именно швейцарами, а не как-нибудь иначе? Может быть, «швейцар» как-то связан со Швейцарией? Чтобы ответить на этот вопрос, перенесемся на семь столетий назад.

Конец XIII — начало XIV века. На европейских полях сражений царят одетые с ног до головы в железо рыцари на бронированных же конях. Схватки между отрядами тяжеловооруженных всадников решают исходы боев, а то и войн. Пехота? На что она годилась? Даже хорошо вооруженная, она, по мнению рыцарей, не представляла самостоятельной боевой силы. Правда, изредка горожане-пехотинцы с этим не соглашались и сурово наказывали рыцарей за излишнюю самоуверенность, нанося им сокрушительные поражения в открытом бою. В 1302 году во Фландрии, близ Куртре (в немецком произношении — Кортрейк) пешие ополченцы фламандских городов наголову разгромили войско французских рыцарей. Шпоры убитых французов повесили в городских церквях, а битва при Куртре еще получила название — «битва шпор». Некоторые историки считают, что это сражение положило начало возрождению пехоты.

В конце XIV века началось восстание швейцарцев против австрийского господства. «Священная Римская империя германской нации», вобравшая без малого половину Западной Европы, была довольно-таки рыхлым объединением, а власть императора — чисто номинальной. Части империи постоянно воевали между собой, и на мятеж горцев никто бы не обратил особого внимания, если бы... Если бы мужичье сиволапое, даже не горожане, имеющие хоть какой-то боевой опыт, а деревенщина, пехотинцы не принялись наносить благородным рыцарям поражение за поражением. От тех времен сохранилось имя легендарного стрелка Вильгельма (Гильома) Телля — того самого, что стрелой из арбалета (по другим сведениям — из лука) сбил яблоко с головы собственного сына.

Что ж, меткие стрелки среди швейцарцев не были редкостью, но полевые сражения выигрывали все-таки не они, а вооруженные в основном копьями, алебардами, палицами и мечами пехотинцы. Но ведь так же или почти так была вооружена пехота и в соседних странах. В чем же дело? Почему даже на равнине атаки тяжелой кавалерии часто разбивались о швейцарские отряды пехотинцев? Дисциплинированные и стойкие в бою, беспощад-

но карающие трусов, научившиеся сражаться полным строем, хорошо изучившие уязвимые места рыцарей швейцарцы не только отражали натиск конницы, но и атаковали сами. И почти всегда успешно. Бывали случаи, когда австрийские рыцари обращались в бегство при одном только виде швейцарских «баталлий» (отрядов). Еще бы! Ведь на первых порах швейцарцы рыцарей в плен не брали.

В первые десятилетия XIV века с австрийским господством в Швейцарии было покончено. А о швейцарских пехотинцах узнали во всей Европе. Свою заслуженную славу, умение воевать они сумели быстро превратить в звонкую монету. Войны в Европе не прекращались, хорошие солдаты были в большой цене. Государи соседних и даже более отдаленных стран нанимают их к себе на службу. В XIV-XV веках Швейцария — поставщик лучших наемных войск практически для всех западноевропейских стран. Именно в бою со швейцарцами сложил свою буйную голову бургундский герцог Карл Смелый — самый опасный соперник французского короля Людовика XI (вспомним роман В. Скотта «Квентин Дорвард»). Случалось, что отряды швейцарцев, нанявшиеся к враждующим государям, сталкивались на поле боя друг с другом.

Тактику швейцарцев успешно перенимают и совершенствуют пехотинцы Италии, Испании, Чехии, Германии, Франции, Нидерландов... Но еще долгое время — вплоть до XVIII века — швейцарцы, или швейцары, считались образцом наемного, то есть профессионального солдата. Некоторые европейские монархи формировали из них личную гвардию, феодалы помельче нанимали в телохранители. Да-да, и в гвардию, и в телохранители. Национальность как бы превратилась в название профессии, и швейцарцами стали именовать телохранителей и охранников любой национальности. А постепенно швейцары стали швейцарами в современном значении слова.

Но не везде! Папская гвардия — вооруженные силы Ватикана — и сегодня, как и несколько столетий назад, набирается только из швейцарцев (швейцарские гвардейцы составляют не менее трети населения этого мини-государства). В торжественных случаях — а таких в Ватикане немало — эти рослые и крепкие ребята выступают в старинном обмундировании, включающем каски и кирасы, с алебардами и протазанами в руках. В будни они оснащены и более современным оружием.

Сама же Швейцария со времен Наполеона придерживается политики «вечного нейтралитета», хотя и располагает отличной по выучке армией милицейского типа, вооруженной самой современной боевой техникой.

Восток или Запад

Казалось бы, не сложный вопрос: где лежит крайняя восточная точка территории России? Не задумываясь, почти все отвечают — мыс Дежнева! Но ведь «границей» между Западом и Востоком служит 180-й меридиан. А он, не считаясь с человеческими удобствами, рассекает Чукотку так, что большая часть этого полуострова, включая и Ванкарем, и Уэлен, и тем более мыс Дежнева, оказывается в... Западном полушарии. Посмотрите на любую карту, и вы увидите над Чукоткой слова «к западу от Гринвича».

Значит, мыс Дежнева — вовсе не крайняя восточная точка территории России, а одна из самых западных. Правда, люди договорились «искривить» линию перемены дат таким образом, чтобы она в этом районе совпадала не со 180-м меридианом, а с государственной границей. Но ведь от этого факта очертания полушарий не меняются.

«Многоэтажное» озеро

Подобного озера нет нигде на свете. Массы воды располагаются в нем пятью четкими слоями. Над густым илом, покрывающим дно озера, расположен слой весьма насыщенный сероводородом. Все живое здесь умирает. Второй «этаж» заселен пурпуровыми бактериями, которые окисляют его, поглощая сероводород. Ни одна молекула смертоносного газа не может проникнуть сквозь этот заслон в третий «этаж», населенный рыбами, актиниями, морскими ежами и морскими звездами. На четвертом «этаже» вода имеет малую соленость, поэтому представители морской фауны жить в ней не могут. На верхнем, пятом «этаже», вода прозрачная и пресная — это настоящее королевство пресноводной фауны. Многоэтаж-

ное озеро находится на острове Кильдин в Баренцевом море. Как оно образовалось и почему не происходит смешение воды в озере? На этот вопрос никто пока ответить не может.

Гидрография при фараонах

Новые археологические исследования, показали, что в Древнем Египте гидрография находилась на очень высоком уровне. 1500 лет до н.э. вдоль реки Нил располагалось большое число гидрографических станций, на которых имелись приборы для замера уровня воды в Ниле, состава воды и т.п. Данные, полученные гидрографами, систематически передавались в центральный пост, где их суммировали. На основании обработанных сведений составлялись долгосрочные прогнозы. Для быстрой передачи сведений существовал световой и звуковой телеграф. При такой организации службы разливы Нила и вызванные этим наводнения никогда не застигли врасплох ни фараонов, ни жителей берегов Великой реки.

Подготовил Д.Эйдельман

ЮНЕСКО

«Слоненок» просится в библиотеку

Три первые книжки для детей готовит к изданию Содружество павленковских библиотек ЮНЕСКО и журнал «Уральский следопыт»: «Бой Добрыни с Ильей Муромцем» (переложение русской былины), «Слоненок», популярная сказка Р.Киплинга, «Мишкина каша», рассказ писателя Николая Носова. Книжки издаются специально для массовых библиотек и обойдутся им вдвое дешевле, чем обычному покупателю.

Худо сегодня живется читальне, особенно сельской. Бывает, что в течение года на ее полках не прибавляется ни одной книги. Даже на выписку пары газет у местного бюджета не хватает силенок.

А между тем тропинка, ведущая к библиотеке, несмотря на безлюдье нынешних сел, все шире, все приметнее — купить газету или книгу селянину и вовсе не по карману.

Издательская программа «Павленковская библиотека» как раз и имеет целью пополнять книгами библиотечные стеллажи. Это — первая серьезная акция Содружества. Она начинается при поддержке журнала «Уральский следопыт» и самих библиотек. Денежной предоплатой на нашу инициативу уже отозвались центральные библиотечные системы Камского филиала Содружества — районы Частинский, Оханский, Осинский, Еловский Пермской области. Библиотека им. Ф. Павленкова в городе Верхней Туре Свердловской области перечислила на издание книжек 200 тысяч рублей. Миллионным вкладом поддержало начинание Содружества Пермское областное управление культуры. Екатеринбургское издательство Банк культурной информации с благотворительной целью начинает переиздание для библиотек павленковских иллюстрированных книжек русской классики... Им — первым! — от имени всех библиотек наш особенно низкий поклон и признательность!

Но «Слоненок» и другие книжки смогут появиться на свет, а издательство для библиотек набрать свой разбег, если в этом примут финансовое участие (пусть и самое скромное) все центральные библиотечные системы трех областей — Пермской, Свердловской, Челябинской. А поскольку библиотекам книги обойдутся, повторяем, вдвое дешевле, павленковские же получают их и вовсе бесплатно, начинанию нужна дополнительная подпитка.

Обращаемся ко всем организациям — частным, государственным, акционерным и прочим, ко всем гражданам-уральцам: примите посильное участие в реальном и нужнейшем деле — пополнении полок массовых библиотек. Переведите на наш расчетный счет необременительную для вас сумму и подтвердите эту благотворительную акцию письмом на адрес Содружества.

Ни один такой шаг навстречу нашему начинанию мы не оставим без публичной благодарности. Каждому, кто примет участие, будет передан в дар экземпляр нашей книжки.

Банковские реквизиты Клуба ЮНЕСКО «Уральский следопыт»: р/с 609006 в Земельном филиале «Урал» СКБ-банка в Березовском РКЦ, МФО 25309, код 830, корр. счет 800161610, интенсификационный номер 6608002490.

Наш адрес: 620142 Екатеринбург, ул. Декабристов, 67, Содружество павленковских библиотек ЮНЕСКО. Телефон (3432) 224-501.

Материал Владислава ДЕБЕРДЕЕВА «Скрыл недостатки, не увеличивая достоинств» читайте на стр.76